

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

- 3 ЧЕРНЫШ М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии
- 15 РАДАЕВ В.В. Экспансия платформ как вызов социологии

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 29 КОЗЫРЕВА П.М., СМИРНОВ А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021)
- 42 МОСКОВСКАЯ А.А., ПОПОВА И.П. Социальное предпринимательство в России: уроки выборочных эмпирических исследований (2008–2021)
- 55 КОЛЕННИКОВА Н.Д., СЛОБОДЕНЮК Е.Д. Влияние коронакризиса на положение различных слоев населения

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 64 КРЫШТАНОВСКАЯ О.В., ЛАВРОВ И.А. Российские партии в поисках молодежи
- 76 НЕДЯК И.Л., ПАВЛОВА Т.В., ПАТРУШЕВ С.В. Горно-металлургический профсоюз России: гражданские и политико-правовые экспликации деятельности

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 88 АТАНЕСЯН А.В., МКРТИЧЯН А.Е. Армения между Россией и Западом: внешнеполитические приоритеты в общественном мнении

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 101 КОЗЛОВА Л.А. К вопросу о методологии историографий в истории социологии
- 113 МАЛИНКИН А.Н. Социология мышления Н.И. Бухарина

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- 123 НИОРАДЗЕ Г.В. К вопросу о взаимосвязи шеринг-экономики и прекаризации
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 132 ГРИНБЕРГ Р.С. 30 лет экономическим реформам в России
(размышления над истоками и результатами)
- 139 ЛЕВАШОВ В.К., НОВОЖЕНИНА О.П. Гибридная социально-политическая
реальность: сущность, мнения граждан и тенденции

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 150 ДЕМИДЕНКО С.Ю. О проблеме активизации человеческого
потенциала NEET-молодежи

ЮБИЛЕЙ

- 157 Андрееву А.Л. – 75 лет

158 ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД

164 УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2022 год

IN MEMORIAM

- 172 Памяти Б. Латтура

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Новые идеи и явления в социологии и социальной практике

© 2022 г.

М.Ф. ЧЕРНЫШ

КУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ И КРИЗИС ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (mfche@yandex.ru).

Аннотация. В общественных науках обострилась полемика о капитализме и его эволюции за последние три десятилетия. В этой дискуссии особое место занимают работы Э. Гидденса и его методология, ставящая знак равенства между современным капитализмом и поздним модерном. В его трактовке, современное общество подверглось качественным изменениям под влиянием новых технологий и глобализации, повсеместному проникновению новых культурных образцов, рожденных состоянием рефлексивности и усилением агента как фактора формирования социальных структур. Эти идеи стали одним из элементов сильной культурной программы в социологии, предлагавшей рассматривать капитализм через призму изменений в культуре. Культурный поворот дал рождение социологической моде, согласно которой современный капитализм представляется как сугубо культурный феномен. Параллельно в социологии жива традиция, которая продолжает изучение капитализма как совокупности социальных отношений, не сводимых к культуре, определяемых специфическими формами утвердившихся в обществе отношений собственности и господства-подчинения. Парадоксальный результат распространения сильной культурной программы заключался в том, что современный капитализм стал рассматриваться как совокупность универсальных признаков, одинаково приложимых к любому обществу. Между тем капитализм – это лишь обозначение, за которым скрываются очень разные, несхожие социально-экономические порядки. Именно к этому ведут «мир-системные» исследования и исследования различий социальных и экономических институтов. Современное российское общество является итоговым продуктом радикальных реформ начала 1990-х, направивших его в сторону мировой периферии и характерных для неё социальных проблем.

Ключевые слова: капитализм • сильная культурная программа • радикальные реформы • постмодернизм • мировая периферия • теория «пределных возможностей»

DOI: 10.31857/S013216250023707-0

Капитализм или модерн? Кризис проблематизации в российской общественной науке. До недавнего времени в российской социологии понятие капитализм имело определенную рамку применения, капиталистическими считались страны так называемого Запада, Россия же и страны развивающиеся к числу капиталистических, как правило, не относились. Процесс перехода, начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., предлагалось считать транзитом от развитого социализма к рынку, хотя само это описание содержало явные логические нестыковки. По сути, оно полагало смещение акцентов с общества и его состояния на сугубо экономический порядок. Выход из этих смысловых

коллизий был найден социологами, включая российских, благодаря новейшим теориям модерна, получившим распространение в 1990-е гг. Речь идет о социологических эпистемах, причудливо соединяющих спекуляции о возможных последствиях технологических новаций с новыми состояниями глобализирующихся обществ. Эти теоретические конструкции стали камертоном всей общественной науки, включая и тех ученых, которые жили и работали в незападных странах. Увлеченность новомодными теориями модерна и некритическое их заимствование создали немалые проблемы для российской науки, перед которой встала задача исследовать российский вариант капитализма с характерной для него «пиратизацией» ресурсов, архаизацией общественного сознания. В данной статье делается попытка ещё раз критически взглянуть на теоретические послысы современной российской социологии и определить причины наблюдаемого в ней кризиса теоретизирования.

Поздний модернизм: проект Э. Гидденса. В последние три десятилетия западная общественная наука прилагает немалые усилия, чтобы понять, что представляет собой новая стадия эволюции общества, – западного, разумеется, прежде всего. Если раньше, в 1950-е гг., в моде были системные подходы, подчеркивавшие стабильность общественных отношений и механизмов общественного воспроизводства, то в конце XX в. концепции, заявляющие о качественной трансформации общества, стали появляться одна за другой. Сложно сказать, кто первым открыл «шлюзы» и подстегнул тем самым процесс социальной рефлексии. Вероятнее всего, в первых рядах находились адепты постмодернизма, настаивавшие на том, что общество вошло в состояние, когда уже невозможна гранд-теория – большая теория, представляющая общество как тотальность социальных отношений, выстраивающая на этой основе целостное понимание линии общественного развития. В постмодернистской логике общество должно быть представлено как совокупность отдельных, «компарментальных» областей жизни, генерирующих равноправные дискурсы в том эфемерном пространстве, которое в былые времена именовалось общественным сознанием. Важную роль в стихийном движении к новому пониманию общества сыграл Энтони Гидденс, идеолог позднего модерна, не создавший, возможно, собственной научной школы, но вдохновивший многих оппонентов и подражателей.

Отвечая на вопрос, почему именно Гидденс, а не, к примеру, Хабермас оказался на перекрестке разных течений в современной общественной науке, Ш. Местрович подчеркивал его способность агрегировать постмодернизм с устоявшимися представлениями классической, академической социологии: «Гидденс в каком-то смысле признавал ограничения проекта Просвещения. Он, конечно же, неглубокий философ, но он оценил значение эмоций (искусственных, надо сказать) для идентичности и существования общественной жизни. Он мог принять подход некоторых постмодернистов и прийти к выводу о том, что эмоции превращают идентичность и социальную жизнь в хаос. Но это именно та точка зрения, по отношению к которой он встал в жесткую оппозицию. Вместо нее Гидденс делает неожиданный кульбит и возвращается к модернизму. Он призывает к рационализации, механизации, колонизации и производству искусственных эмоций. Никто из сторонников теории модерна или постмодернистов не мог даже подумать о таком повороте» [Mestrovic, 1998: 6]. В концепции Гидденса общество воспроизводится благодаря существованию агента – действующего рефлексирующего человека. Именно поэтому Гидденса не интересовали традиционные общества, которые даже на рубеже веков численно превосходили общества западные. Его мысль двигалась в том направлении, которое полагало социальную эволюцию односторонней и закрепляло за одними обществами статус наиболее развитых, достигших пределов современности, а за другими – отстающих, признающих силу социальных фактов в ущерб агенту. И это было то, что отличало его от социологов марксистской традиции, внимательно изучавших общества разных типов, искавших в них агента изменений, а кроме того, общие признаки социальности, указывающие на её статику и динамику.

Обращение к классической социологии рассматривалось Гидденсом исключительно как риторический прием, служащий единственной цели – показать, насколько глубоко основания предлагаемой им концепции общества: «Я соглашаюсь с Яном Крейбом, который находит Гидденса “лисоподобным”, а потому сложным для понимания. В действительности Гидденс подобен ртути или движущейся мишени. Он делает утверждение о Конте или Дюркгейме, а затем, на следующих страницах вводит ограничения, изменения и противоречит самому себе. Он делает утверждение о современности, а затем вводит в него коррективы. Он быстро скачет от темы к теме, совсем как пчела от цветка к цветку, обесценивая собственные утверждения. Когда он обращается к другим интеллектуалам – Эрвину Гоффману, Зигмунду Фрейду, Эрику Эриксону или Фрэнсису Фукуяме, создается впечатление, что он преследует узкую цель подтвердить с их помощью свою теорию» [Mestrovic, 1998: 6].

Фрустрации Местровича и других социологов по поводу теорий Гидденса заслуживали бы меньше внимания, если бы сам Гидденс не стал в результате примером для многих других обществоведов, если его методология «облегченной персонализированной социологии» не стала бы популярной и не побудила многих социологов к попыткам повторить его несомненный успех. Повторим кратко основные методологические пункты, на которых базируется его теоретизирование. *Первое.* Не рвать окончательно с социологической традицией, не отвергать с высокомерием, как это делали некоторые постмодернисты, наследие прошлого, а превратить его в «википедию», из которой можно при желании заимствовать некоторые положения для обоснования собственных идей. *Второе.* Обращаться исключительно к «передовому» опыту, к тем тенденциям, которые проявлены в развитых странах и которые, конечно же, будут в конце концов утверждать себя в странах отсталых, застрявших в прошлых эпохах. Если же в объекте исследования одно общество, то и в нём необходимо отыскивать признаки «прогресса», фокусируя внимание на тех сторонах жизни, которые наиболее изменчивы по отношению к базовым характеристикам современности. И, наконец, *третье.* Рассматривать «смелый новый мир» исключительно как надежду, как прекрасное, хотя и сложное будущее, которое потребует новых «искусственных», по выражению Местровича, человеческих качеств и новой толерантности. Гидденс, безусловно, подразумевал конструирование общества с учётом заявленного им его желательного состояния. Не случайно именно ему принадлежит идея «третьего пути» – тропы, проложенной между капитализмом и его возможным немезисом, хотя в чём мог бы состоять «третий путь», выяснить сложно. Никакой подробной экспликации этого понятия, кроме стандартного пожелания развивать демократию и зеленую повестку, он не оставил.

Новые теории капитализма? Важное наследство, которое Гидденс передал следующим поколениям социологов, – это, по сути, полное тождество между понятиями «капитализм» и «модерн» в разных его изводах. До некоторой степени подобное тождество выглядит как попытка объемного представления наблюдаемой реальности в смычке рынка и общества. Капитализм – это явное смещение акцентов в сторону экономики, отражение тех её черт, которые можно охарактеризовать как существенные, а модерн – это общество и свойственные ему изменения, которые в чём-то являются проекцией экономики, а в чём-то имеют самостоятельный статус. Отождествление капитализма и модерна сделало возможным переход к так называемой сильной культурной программе, в которой состояние общества и экономики сделалось производным от изменений в сфере культуры. Можно долго размышлять о том, как стало возможным столь радикальное упрощение. Безусловно, сыграли роль наследство франкфуртской школы и вся критическая социология, берущая начало в исследованиях культуры, её критике. В работах социологов франкфуртской школы культура понималась расширительно – и как проекция психокомплексов в область политического, и как производство духовного, как искусство в разных его формах, и как образцы поведения, обеспечивающие процессы общественного воспроизводства. Левая критика буржуазной культуры выросла в полноценное

направление – «культурный марксизм», объяснявший противоречия в обществе исходя из постулата культурного господства. Окультурированию подверглась в конечном счёте и классовая теория: в схеме Бурдьё классы определялись через концепцию габитуса как продукты определенной среды со свойственными ей культурными предпочтениями и как структура классов, выделяемых по культурным признакам [Bourdieu, 1979].

Сильная культурная программа строилась с опорой, с одной стороны, на марксистское наследие, особенно в той его части, которая относилась к критике культуры, а с другой – на постмодернистский дискурс, подразумевающий отказ от любой завершённой схемы, любой законченной логики. Э. Лакло, к примеру, настаивал на том, что машина производства смыслов обрела едва ли не полную самостоятельность по отношению к экономическому базису и в настоящее время работает в режиме перепроизводства, наполняя общественное сознание многочисленными химерами, слабо соотносящимися с реальными обстоятельствами жизни [Laclau, 2014]. Американский философ Ф. Джеймсон рассматривал постмодернизм как «неизбежный продукт массовой культуры», который, в свою очередь, формирует идеологические установки, используемые капитализмом для установления режима гегемонии [Jameson, 1991: 4]. В мире постмодерна гегемония подразумевает принятие ряда исходных пунктов, среди которых – отрицание историчности, порядка, самой возможности локализации во времени и пространстве. Отрицание историчности – это закрытие проекта развития в том виде, в котором он довлел над общественной мыслью в предыдущие эпохи, невозможность телеологии в любой иной форме, кроме миллениаризма. Старый мир, чей порядок определялся идеями эпохи Просвещения, приказал долго жить, а новый порядок формировался летучими образами культуры и в этом контексте рождал те «легковесные» конструкты, назначение которых состояло лишь в том, чтобы создавать стимулы для интеллектуальной, языковой игры, интригующей образованные слои общества.

За модой на глобализацию, глокализацию и «цифровой капитализм» последовал «gig капитализм», «капитализм платформ» и уже в настоящее время «капитализм блогов», определяющий классы через обладание славой и влиянием. Эту идею выдвинул П. Димадджио (P. DiMaggio), один из адептов сильной культурной программы и неoinституционализма, для которого именно в культуре можно отыскать и реальные механизмы общественного воспроизводства, и подлинные основания общественной жизни. Анализируя состояние современной общественной науки, Л. Болтански и Э. Кьяпелло в известной работе «Новый дух капитализма» выделили в корпусе социологических идей два основных направления, слабо между собой связанных, – критику культуры и социальную критику [Boltanski, Chiapello, 2005]. В центре внимания первого направления оказалась культура и её превращения под влиянием новых технологий и практик потребления, а в предметной области второго – неравенство, эксплуатация и бедность. Первое направление подчеркивало изменчивость, текучесть новой эпохи, второе – консерватизм существующих структур, барьеры, которые мешают реализовать политику равенства. В поле зрения первого направления находились и находятся прежде всего развитые страны, а развивающиеся если и упоминаются, то лишь как благодарные реципиенты новых культурных образцов. В поле зрения второго – глобальное неравенство и типы капитализма в странах с разным уровнем развития. С первым направлением всё более или менее понятно: поток новых броских мемов вряд ли иссякнет в ближайшее время, особенно если учесть, что многие из старых, надежных концептов, таких как «глобализация» и «сеть», теряют, полностью или частично, свою актуальность и привлекательность. Ожидаемо новые обозначения должны быть связаны с «зелеными» технологиями, постматериальным потреблением (sharing), социальным предпринимательством и общинной (community) жизнью. Предсказать появление новых культурных капитализмов в рамках сильной культурной программы несложно: некоторые из них уже обозначили своё присутствие в социально-философском дискурсе. Можно предвидеть, что и далее будет идти по восходящей линии «технологический» дискурс, делающий предметом обсуждения дальнейшую

роботизацию и автоматизацию производства, а также властное вмешательство искусственного интеллекта в управление обществом.

Второе направление анализа, менее броское, имеет тем не менее свой теоретический фундамент и, в отличие от социофилософских спекуляций, опирается на данные многочисленных исследований, экономико-статистических и социологических. Эти данные в сумме говорят о том, что термин «капитализм» (как и многие другие универсальные понятия, используемые в общественных науках) покрывает собой разное, иногда качественно различающееся состояние экономик и обществ. На эти различия обращал внимание М. Вебер, распознававший капитализм производящий и рынок в его докапиталистическом состоянии. Российский философ Ю.Н. Давыдов на этой теоретической основе предложил теорию «двух капитализмов» – производящего и торгового [Давыдов, 1999]. Первый возник и получил развитие в странах Европы, второй был вездесущ и возникал в разных формах во всех обществах, где велась какая-то хозяйственная деятельность. В дальнейшем капитализм распространился за пределы европейского континента, но в каждой стране он принимал собственное обличье вровень с той культурой и теми традициями, которые сложились в ней до наступления новой эпохи. В одних странах он базировался на протестантской идеологии, в других – на католическом мировоззрении или на исламских традициях. Природа капитализма определялась, кроме всего прочего, историческими и географическими факторами. На севере Европы капитализм развивался на национальной почве, на фоне развивающейся индивидуации, в других частях света капитализм был привнесен извне, оказывался частью колониального наследия и в постколониальном мире принимал ту форму, которая отвечала и уровню развития рынка, и существовавшим прежде социальным институтам. Вебер полагал, что производящий современный капитализм не мог появиться там, где для этого не сложились подходящие условия и где сама культурная парадигма жизни отторгала любые формы преобразующей деятельности. В Индии, к примеру, современный капитализм не мог возникнуть потому, что на протяжении многих веков людям внушалась вера в реинкарнацию, в повторные рождения, благодаря которым терпеливость и благочестие в этой жизни получают достойное вознаграждение в будущем. В Китае современное по формам государственное управление сложилось раньше, чем рынок, а в общественном сознании утвердилась идея иерархического устройства мира и общества. Всё это не означает, что капитализм в этих странах невозможен, это капитализм с иным экономическим и общественным профилем, чем тот, что утвердился на европейской почве.

Идея разных капитализмов получила наиболее полное воплощение в теории «мир-системы» И. Валлерстайна [Wallerstein, 2004]. В той мировой хозяйственной системе, которая формировалась начиная с XVI в., возникли зоны хозяйственной деятельности – центральная, полупериферийная и периферийная – и три соответствующих типа общества. Теория Валлерстайна хорошо известна как социологам, так и экономистам, поэтому не имеет смысла повторять основные её положения. Из его рассуждений следует, что внутри мир-системы капитализмов по меньшей мере три, а на самом деле много больше. Если проблема формулируется подобным образом, то необходимо дать ответ на три ключевых вопроса. Первый очевиден: если капитализмов несколько и если они интегрированы как неотъемлемая часть мир-системы, то что их отличает друг от друга? В чём различия, к примеру, между капитализмами американским и нигерийским? Даже поверхностный взгляд на эти два общества, две экономики не оставляет сомнений в том, что различия огромны и что речь идет о совершенно разных явлениях, под которыми сложно подвести общий знаменатель. Но если различия столь велики, то каковы последствия этого для общества, для современности в том её понимании, которое предложено в работах Гидденса? Можно ли, анализируя состояние нигерийского общества, говорить о наполненных рефлексией процессах общественного воспроизводства, об агентах, способных менять существо общественных отношений и делать общество ещё динамичнее? И что

роднит нигерийское общество, периферийное по своей природе, с другими обществами, находящимися в той же нише хозяйственной мир-системы?

Второй, не менее сложный вопрос, на который должен быть дан ответ: возможно ли для нигерийского общества развитие? Может ли оно в обозримой исторической перспективе достигнуть того уровня развития институтов рынка и общественной жизни, который позволит ему войти в ядро развитых государств? В теории Валлерстайна на оба эти вопроса дается отрицательный ответ, и тому есть, полагал он, исторические доказательства. До настоящей эпохи ни одно государство периферии не показало себя способным к выращиванию институтов, которые могли бы вывести его за границу той ниши, где оно в настоящее время находится. Аналогичный ответ, дается на эти вопросы и в «теории зависимостей», объясняющей текущее состояние стран третьего мира той непреодолимой экономической и технологической зависимостью, в которой они оказались по итогам колониального периода своей истории [Pete, Hartwoick, 2015].

Третий вопрос можно считать уточнением первого: что представляют собой периферийные и полупериферийные общества в социальном плане? Как устроена социальная жизнь в таких обществах и какие из социальных институтов обеспечивают её воспроизводство? Об институтах следует вести отдельный разговор. Социальная наука, начиная с середины прошлого века, именно конфигурацию и качество институтов определяет как один из наиболее важных факторов, влияющих на общество и его способность к развитию. Одна из проблем, с которой столкнулись многие из бывших колоний после обретения независимости, заключалась в неустойчивости социальных и экономических институтов, их «капитуляции» перед неформальными нормами, сужающими дистанцию доверия и взаимодействия между акторами. Серьезная проблема подобных неформальных институтов состояла в том, что они в большинстве случаев были контекстуально вписаны в традиционные родовые, клановые или племенные отношения. Именно поэтому одним из парадоксальных итогов распада колониальной системы стала архаизация обществ в этих странах, их вступление в фазу непрекращающихся конфликтов и войн. Сыграли свою роль и бывшие колониальные державы, увидевшие в хаосе в этих странах возможность сохранять свой контроль над ними. Но все же главной проблемой была неспособность местных племенных элит договориться об общих правилах игры и строго их придерживаться. О каждом из этих случаев следовало бы говорить отдельно, потому что в каждой стране культурный контекст, нормативный базис жизни имел собственную специфику, но общей для большинства таких стран была примитивизация экономической жизни, ущербность политических процессов и разгул насилия на фоне беззакония и произвола властей. Революции, которые эпизодически происходили в этих странах, мало что меняли в устройстве экономики и общества, вместо одного клана к власти приходил другой со схожими ориентациями на удержание власти и быстрое обогащение. В таких обществах можно отыскать следы глобализации, какие-то из отраслей экономики, как правило сырьевые, интегрировались в мировые производственные цепочки в качестве самого нижнего, зависимого от остальных звена. Общий подъем потребительских технологий позволил в этих странах приобщиться к некоторым из благ современной цивилизации – приобрести мобильные телефоны или телевизоры. Однако в большинстве случаев на качество жизни населения в них эти изменения не оказали заметного влияния. Значительная часть населения стран периферии по-прежнему не может рассчитывать на передовые услуги здравоохранения, качественное образование на том уровне, который в развитых странах считается нормой. Сохраняется зависимость периферийных стран от развитых в ключевых вопросах общественного воспроизводства – поставке продовольствия, лекарств, оборудования для предприятий добывающей промышленности, строительства и транспорта.

Неолиберализм как идеология сохранения глобального неравенства. Говоря о втором направлении, о том языке, который используется в нём для описания современного капитализма, невозможно обойти вниманием понятие «неолиберализм» и его производные. В общественных науках сосуществуют и даже конкурируют между собой несколько

определений неолиберализма. Один из исследователей этого концепта М. Иглтон-Пирс открыл множество областей жизни, где этот термин активно используется в значениях, которые соприкасаются между собой по касательной. «Если и есть связующая нить между значениями термина в разных контекстах, то она относится к вопросу о том, как мы понимаем капитализм, или, как это часто говорят, “рыночную экономику”. Авторы, которые используют этот термин, часто фокусируют внимание на влиянии бизнеса, идеологических положениях, таких как “свободная торговля” или связанные с ней общественные тренды, оказывающие влияние на общество и индивидуальное поведение» [Eagleton-Pierce, 2016: 9]. М. Буравой, соглашаясь с тем, что строгого определения неолиберализма не существует, полагал, что схватить его суть можно по тем наблюдаемым последствиям, которыми отмечилось его проникновение в область экономических и социальных отношений [Буравой, 2015]. Общим в этих наблюдаемых последствиях стал кризис социального государства, ликвидация некоторых из его важнейших функций, монетарные формы экономического регулирования и ускоренная коммерциализация общественных отношений. В отличие от либерализма в его классических формах, неолиберализм опирается на институты государства и медиа, которые активно вовлекаются в процесс дискредитации его возможных оппонентов. Любая альтернатива неолиберального устройства брендируется как «неприемлемая», «отжившая», «реакционная», «неэффективная» в зависимости от той конкретной ситуации и агента, её продвигающего.

За последние два десятилетия неолиберализм вырос в тотальный проект, который охватывает собой не только экономику, но и то, как функционируют национальные государства и каковы должны быть внушаемые пропагандой смыслы жизни. «Почти все государства – от новообразованных в результате коллапса Советского Союза до старых демократий и социальных государств, таких как Новая Зеландия и Швеция, подчинились, иногда добровольно, а иногда в ответ на принуждение, неолиберальной теории и перепределили политику и практики управления соответствующим образом. Южная Африка, избавившаяся от апартеида, быстро перешла к неолиберальной политике, даже современный Китай движется в этом направлении. Сторонники неолиберализма оказывают значительное влияние на образование (в университетах и «мозговых центрах»), в средствах массовой информации, корпоративных органах управления и финансовых институтах, таких как МВФ, Мировой банк и ВТО. Короче говоря, неолиберализм установил собственную гегемонию как главный дискурс нашего времени. Он проник в образ мысли и превратился в тот «здравый смысл», посредством которого многие из нас действуют, интерпретируют и понимают тот мир, в котором мы живем» [Harvey, 2005: 3].

Д. Харви полагал, что первый эксперимент по созданию неолиберального режима был реализован в Чили после свержения левого режима Сальвадора Альенде и прихода к власти генерала Пиночета. Приватизация экономики в интересах иностранного капитала, демонтаж социального государства, вывоз капитала за рубеж в развитые страны, подавление любых попыток создавать национальные производства, причем вполне сознательное, благословляемое международными институтами, – все эти составляющие либеральной программы прошли апробацию в Чили после военного переворота. То, что именно военная диктатура понадобилась для реализации неолиберальной программы реформ, не было случайностью. Во всех случаях неолиберальные реформы приводили к сокращению государственных трансферов, падению уровня жизни населения, неравенству и, если речь шла о странах периферии и полупериферии, к быстрому формированию компрадорского правящего класса, получавшего входной билет в мировую элиту в том случае, если он содействовал доминированию транснациональных корпораций над национальной экономикой. Неолиберальный эксперимент, который проводился в Чили, привел в первые два года к экономическому росту, который затем остановился, экономика вошла в состояние кризиса вровень с общим долговым кризисом латиноамериканских государств в конце 1970 – начале 1980-х гг.

В дальнейшем неолиберальная экономическая программа в этой стране подверглась серьезной институциональной коррекции. Другим странам она предлагалась в смягченном варианте, но от этого суть неолиберализма не изменилась. Истинное назначение неолиберальных реформ в периферийных странах заключалось в том, чтобы превратить их в поставщиков сырья для стран «золотого миллиарда», сконцентрировать на своей территории предприятия с большой долей ручного труда, часто вредные как для работников, так и для местного населения. При этом не предполагалось, что население этих стран будет богатеть и подбираться к стандартам жизни развитого мира, только удержание населения в состоянии постоянной борьбы за физическое выживание наилучшим образом сохраняет, согласно гипотезе Токвиля, политическую стабильность в обществах с высоким уровнем неравенства и политическими институтами, обслуживающими интересы правящего класса.

Капитализм российского образца. Российская разновидность капитализма рождалась в особых обстоятельствах перехода от реального социализма к капитализму. Как это ни парадоксально, но реформаторы, направлявшие переход и ведущие страну в «рынок», в теоретическом плане оставались приверженцами марксизма. Разворот к капитализму они мыслили как уничтожение институтов, которые поддерживали государственное здание в советский период. Одной из важных, если не главных, задач реформ они считали трансформацию социальной структуры общества за счет добавления к ней новых агентов – крупной и мелкой буржуазии в результате ускоренной приватизации государственных активов. По «счастливой» случайности, эти активы оказывались в собственности у лиц, наиболее приближенных к власти, или у самих реформаторов.

Напрасно Дж. Сакс, создатель концепции неолиберальной экономики и по совместительству советник правительства реформаторов, убеждал «молодых либералов» отказаться от приватизации предприятий топливно-энергетического сектора, способного держать государство на плаву в переходный период [Sachs, 2012]. Реформаторы двигались в русле неолиберальных идей, но внутри этого направления явно отдавали предпочтение образцам, которые уводили экономику и общество всё дальше от стандартов западного капитализма, в сторону того варианта, который Валлерстайн относил даже не к полупериферии, а к периферии. Конструировалась не просто экономика, работающая по правилам свободного рынка, а так называемый «дикий капитализм», игнорирующий правила и институты, – как это происходит в тех странах, где вследствие коллапса институтов государство не может состояться, а рынок оказывается, полностью или частично, под контролем неформальных полувоенных формирований и возглавляющих их полевых командиров.

Один из видных специалистов по России М. Голдман назвал процесс становления российского капитализма «пиратизацией» (созвучие с приватизацией). Молодые реформаторы, став бенефициарами реформ, не имели ни силы убеждения, ни чувства ответственности за дело, которое им было поручено [Голдман, 2004]. Они полагали, что формируют новые экономические элиты из «подручного материала» и что в дальнейшем эти «бароны-грабители» в полном соответствии с идеей первоначального накопления капитала породят следующее поколение цивилизованных, ответственных собственников. В реальности конструировались не элиты, а тип капитализма со свойственными ему родовыми изъянами, способный при этом воспроизводить и защищать себя, и если надо, то с применением крайних форм насилия. Комментируя происходящее в постсоветской России, отнюдь не левый американский социолог Т. МакДэниел писал: «Положение новой капиталистической элиты сочетает в себе многие худшие качества новой и старой систем. Из диктаторских традиций коммунистической номенклатуры новая элита унаследовала ориентацию на собственный узкий интерес, стремление монополизировать информационные и другие ресурсы только для обеспечения собственных эгоистических интересов. Когда им задают вопросы о социальной ответственности, они выдают готовый ответ: мы находимся на этапе первоначального накопления. Соображения социальной справедливости, безопасности труда, загрязнения окружающей среды, закона и других прекрасных

достижений развитого капитализма нужно отложить до какого-то момента в будущем. А пока у нас выживают сильнеешие, и эти сильнеешие в конце концов создадут великую, процветающую страну, которая станет соперником США» [McDaniel, 1996: 164]. В истории России случился очередной этап борьбы с варварством варварскими средствами, который не мог дать в итоге ничего другого, кроме варварского, дикого капитализма в худших традициях постколониальной эпохи.

Именно поэтому на российской почве все пересаживаемые рыночные или государственные институты мутируют, доводя до крайности те пороки, которые изначально присущи неолиберальной программе преобразований. Финский социолог Маркку Кивинен предложил модель анализа, базирующуюся на дюркгеймовской дихотомии «сакрального» и «профанного» [Кивинен, 2002]. «Сакральные» планы реформ, имеющие в основе идеальный проект «свободного», «демократического» рыночного общества, в процессе воплощения претерпевают качественные изменения под воздействием исторически сформированной социальной почвы, включающей в себя, кроме всего прочего, тоталитарные и авторитарные матрицы управления. Продукт подобной гибридизации радикально отличается от той идеальной схемы, которой он якобы должен следовать. На вопрос о том, почему после внедрения Болонской системы нагрузка преподавателей в российских вузах в два, а то и три раза выше, чем в университетах Европы, чиновница тогда еще Минвуза ответила коротко и точно: потому, что здесь у нас не Европа. И это действительно так, в европейских вузах даже после проведения неолиберальных реформ нормы труда регулируют нагрузку, с тем чтобы у преподавателей оставалось время на восстановление сил, на творческую, научную работу. В российском контексте преподаватели находятся на нижней ступеньке вертикали «господства-подчинения» и поэтому не имеют «рыночной власти», позволяющей им настаивать на тех условиях труда, которые наилучшим образом соответствуют их академическому призванию.

Социологическая мода и проблема описания текущих состояний. Каким образом теории капитализма, слабо коррелирующие с российской действительностью, обретают благодарную аудиторию в среде российских социологов, объектом исследования которых, по идее, должно быть прежде всего то общество, в котором они живут и которое понимают лучше других? Отчасти это связано с тем кризисом, в котором оказалась российская общественная наука на рубеже 1990-х, когда старые объяснительные схемы потеряли актуальность, а новые приходили в основном из зарубежных научных центров и часто пересаживались на российскую почву без должного критического обсуждения. Комплекс «ученичества» – когда все то, что генерируется зарубежной социологией, считается важным, достойным, основательным, не преодолен до настоящего времени. Говоря о господстве западной социальной теории и необходимости преодоления комплекса зависимости от неё, необходимо сделать важную оговорку: речь не идет о желании оборвать связи, как правило, продуктивные, между российской и западной общественной наукой, об изоляции российской общественной науки от тех ключевых направлений, которые становятся актуальными в глобальном контексте. Современная социология имеет прочный методологический и методический фундамент, в строительство которого внесли вклад не только европейские, но и российские социологи и социальные философы. Однако здание, которое строится на этом фундаменте, строится из материала, добываемого внутри конкретного общества по планам, релевантным по отношению к его прошлым и текущему состояниям.

Отчасти острый интерес к зарубежному теоретизированию и желание немедленно применить его к России являются продуктом социологической моды. О том, что в социологии, как других общественных науках, существуют модные тренды, миновать которые многим социологам затруднительно, подробно написал А.Б. Гофман: «Социология сама по себе, как таковая, в прошлом бывала в моде; к сожалению, сегодня – уже или пока – этого сказать нельзя. Тем не менее внутри самой социологии мода сегодня существует и присутствует очень зримо и активно. И у меня складывается даже впечатление, что чем

меньше мода на социологию, тем больше моды внутри социологии»¹. Гофман выделяет девять признаков того, что теоретизирование подчиняется законам моды, и в числе прочих такие как «антипозитивизм», то есть объявление логической связанности предлагаемой теоретической схемы несущественной, и мода на эпатаж, достигаемый, как правило, гипертрофированной парадоксальностью суждений. Последняя часто подразумевает теоретический «кунштюк», заимствованный практически без изменений у одного из зарубежных авторов, объявляемый универсальным свойством современности, в какой бы части земного шара он о себе ни заявлял.

Приверженность моде, как правило, освобождает её адептов от необходимости проблематизировать состояние, в котором находится общество. Во главу угла, в предметную область исследований ставятся неподлинные вопросы, проблемы, которые либо маргинальны, либо вовсе незначимы для изучаемой сферы. Возможно, в каких-то случаях такое «отклонение» помогает избежать тяжелых вопросов и нередко сложной дискуссии, в которой, кроме всего прочего, можно навлечь на себя гнев власть имущих. Однако, привыкая к подобным «антидепрессантам», социология явным образом отходит от тех действительно значимых задач по осмыслению и улучшению жизни, которые она должна решать и которые без неё, без проводимых ею исследований, решить будет крайне непросто.

Говоря о капитализме в России, важно различать его существенные и несущественные характеристики, подлинное и неподлинное в его описании. Можно, разумеется, приложить к российскому обществу модель капитализма *gig* или капитализма 24/7, предъявить социальную структуру, состоящую из креаторов *insta* и их подписчиков, но определяемый подобной моделью выбор показателей будет характеризовать текущее состояние общества по касательной, ставить несущественные признаки выше существенных. В описании состояния современного российского общества статика невозможна без динамики, без исторической обусловленности наблюдаемых явлений в измерениях власти и собственности, господства и подчинения. Только так современная общественная наука окажется способной участвовать в определении ближайших и долговременных целей социального развития.

Признаки существенные и несущественные. Важный и очевидный вопрос, который в этом месте должен поставить поклонник новомодных теорий капитализма, мог бы звучать следующим образом: что есть существенное в социальной жизни? Заняв его точку зрения, следовало бы в предлагаемом описании применить здесь слово «оптика». Ведь объект нашего социального наблюдения есть не что иное, как продукт нашей «оптики»: вот это мы видим, а вот это не видим, и это тот ракурс, на который мы, как исследователи, имеем безусловное право. Социологическому солипсизму вторит социологический конструкционизм: мир есть броуновское движение социальных частиц, мы лишь в целях большей для нас самих ясности конструируем его, задаем порядок его рассмотрения. И это, разумеется, принципиальные вопросы, вопросы о свободе исследователя заявлять свой предмет и объект. Эволюционным образом в современную общественную науку вкралась разрушительная идея абсолютной свободы социолога, освободившего обозначаемое от обозначающего, то есть от реального объекта, взятого как целостная система социальных отношений. Однако, как утверждает К. Герген, один из наиболее влиятельных сторонников теории конструкционизма, каждая социологическая конструкция имеет свой предел «мечтательности»: «И если бы конструкционист увидел, что его дом горит, и закричал: "Бегите, пожар", он вряд ли захотел бы, чтобы его семья посмотрела на него с подозрением и ответила: "Ох, это всего лишь твоя конструкция происходящего"» [Герген, 2016: 42]. Конструкция только тогда обретает почву, когда базируется на «реализме», то есть обнаруживает ту или иную степень гомологии по отношению к наблюдаемому явлению и может быть основанием для его объяснения.

¹ Гофман А.Б. Социология моды и мода в социологии. URL: <https://moda.ru/article/sotsiologiya-mody-i-moda-v-sotsiologii-le/> (дата обращения: 01.11.2022).

Методологические основания проблематизации зыбки, если исключают телеологию, если в той системе координат, которую выбирает исследователь, отсутствует понимание общих целей, и не социологии, а общества. В первом, основополагающем докладе ООН по проблемам человеческого развития, изданном в 1990 г., М. Уль Хак сформулировал эти цели следующим образом: «Настоящая ценность любой страны – это люди. Цель развития заключается в том, чтобы создать ту среду, в которой люди смогут прожить долгую, здоровую жизнь, наполненную творчеством. Эта простая, но понятная всем истина часто забывается, когда ставятся цели накопления материальных и финансовых богатств» [UN Human Development Report, 1990: 9]. М. Нуссбаум, соавтор концепции «пределных возможностей» (capability approach), подчеркивает, что ориентация на благополучие людей не тождественна утилитарной идее, поскольку люди склонны к «адаптации предпочтений», то есть к привыканию к униженному состоянию, в котором игнорируются не только их реальные витальные потребности, но и достоинство [Nussbaum, 2011]. Справедливость, как она понимается сторонниками упомянутого подхода, подразумевает серьезные коррективы распределительных норм и практик, характерных для периферийных капитализмов. Справедливость – это не полное, а потому недостижимое равенство, а обоснованное неравенство, в рамках которого преимущество отдается тем, кто строит новые современные предприятия, производит продукты питания по приемлемым ценам, лечит и образовывает население, создает новые технологии. Речь идет не об обществе «полюсов», базирующемся на ренте, получаемой от продажи за рубежом природных ресурсов, а об обществе созидательного среднего класса, многочисленного, одаренного, способного существенно улучшать среду обитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Буравой М. Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 5–14. [Buravoj M. (2015) Sociology and inequality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 5–14. (In Russ.)]
- Герген К. Социальная конструкция в контексте. Харьков: Гум. центр, 2016. [Gergen K. (2016) *Social construction in context*. Kharkiv: Gum. centr. (In Russ.)]
- Голдман М. Пиратизация России. Новосибирск: Фонд СПИ «Тренды», 2004. [Goldman M. (2004) *Piratization of Russia*. Novosibirsk: Fond SPI "Trendy". (In Russ.)]
- Давыдов Ю.Н. Российская ситуация в свете веберовского различия двух типов капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1 (5). С. 90–102. [Davydov Yu.N. (1999) The Russian situation in the light of Weber's distinction between two types of capitalism. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 2. No. 1 (5): 90–102. (In Russ.)]
- Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб.: Академ. проект, 2002. [Kivinen M. (2002) *Progress and chaos. Sociological analysis of Russia's past and future*. St. Petersburg: Akadem. projekt. (In Russ.)]
- Boltanski L., Chiapello E. (2005) *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.
- Bourdieu P. (1979) *La Distinction: Critique Sociale du Jugement*. Paris: Editions de Minuit.
- Eagleton-Pierce M. (2016) *Neoliberalism. The Key Concepts*. London: Routledge.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. London–New York: Oxford University Press.
- Jameson F. (1991) *Post-modernism of the Cultural Logic of Late Capitalism*. Duke University Press.
- Laclau E. (2014) *The Rhetorical Foundations of Society*. London: Verso.
- McDaniel T. (1996) *The Agony of the Russian Idea*. New Jersey: Princeton University Press.
- Mestrovic S. (1998) *Antony Giddens. The Last Modernist*. London: Routledge.
- Nussbaum M. (2011) *Creating capabilities. The Human Development Approach*. Harvard: Harvard University Press.
- Pete R., Hartwick E. (2015) *Theories of Development*. New York: Guilford Press: 188–194.
- Sachs J. *What I did in Russia*. URL: <https://www.jeffsachs.org/newspaper-articles/b4gxflntzkl76ajz2w6yey8ss7sn9m> (accessed 01.11.2022).
- UN Human Development Report (1990). URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1990encompletenostatpdf.pdf> (accessed 01.11.2022).
- Wallerstein I. (2004) *World Systems Analysis. An Introduction*. Duke University Press.

Статья поступила: 27.09.22. Финальный вариант: 31.10.22. Принята к публикации: 07.11.22.

THE CULTURAL TURN AND THE CRISIS OF PROBLEMATIZATION IN MODERN SOCIOLOGY

CHERNYSH M.F.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia

Mikhail F. CHERNYSH, Dr. Sci. (Sociol.), Corresponding Member of RAS, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (mfche@yandex.ru).

Abstract. Contemporary social sciences are heavily engaged in polemics over capitalism and its evolution in the last three decades. Antony Giddens played a key role in defining modern capitalism as a case of late modernity. He regarded modern society as an outcome of qualitative change resulting from the advances in modern technologies and globalization. He emphasized the cultural aspect of change in the form in greater reflexivity and more agency in social structures. These ideas became one of the key elements of the strong cultural program in sociology, that proposed to define capitalism through the prism of cultural change. The cultural turn gave birth to a sociological "convention", according to which capitalism is as exclusively cultural phenomenon. However, there is another tradition in sociology that continues to study capitalism as a complex of social relations irreducible to culture, characterized by specific forms of property and domination relations. The paradox of the strong cultural program lay in the fact that capitalism came to be regarded as a sum of universal traits equally attributable to any society. Meanwhile, capitalism is a concept that embraces many different social and economic orders. The "world systems" research and research of difference of social institutions lead in this direction. Modern Russian society is an outcome of radical reforms of early 90-s that guided it towards the world periphery and the social problems that are characteristics of the societies of this type.

Keywords: capitalism, strong cultural program, radical reforms, post-modernism, world periphery, capability approach.

Received: 27.09.22. Final version: 31.10.22. Accepted: 07.11.22.

В.В. РАДАЕВ

ЭКСПАНСИЯ ПЛАТФОРМ КАК ВЫЗОВ СОЦИОЛОГИИ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич – доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований, первый проректор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия (radaev@hse.ru).

Аннотация. Стремительно развивающаяся платформенная экономика приводит не только к очередной смене организационных форм хозяйства, но существенным образом трансформирует многие социальные отношения на макро- и микроуровнях, напрямую затрагивая основную предметную область социологии. А практика извлечения больших данных, собираемых платформами, открывает доступ к изучению ранее труднодоступных данных о человеческом поведении, но требует иных аналитических подходов. В результате социология сталкивается с серьезными содержательными и методологическими вызовами. Речь идет не только о необходимости более эффективного анализа быстро меняющегося объекта исследования, но и о сохранении самой социологической теории как совокупности общих объяснительных схем, которую все настойчивее предлагают заменить вычислительной социальной наукой. В данной статье, на основе обобщения новейшей специальной литературы, предлагается характеристика платформ как нового способа хозяйственной интеграции, прослеживается логика платформенного капитализма, анализируются возникающие гибридные формы обмена, демонстрируется противоречивая роль новых социальных сетей, показывается, что происходит с рациональностью человеческого поведения и в целом как видоизменяются социальные отношения на разных уровнях.

Ключевые слова: платформенная экономика • алгоритмическое управление • социальные сети • социальные отношения

DOI: 10.31857/S013216250022667-6

Наступление платформ. Мы переживаем стремительный рост платформенной экономики. К 2022 г., по данным Forex, в топ-10 самых дорогих компаний мира по уровню рыночной капитализации входило уже пять платформенных компаний, из них четыре располагались в верхней пятерке (Apple Inc., Microsoft, Alphabet Inc./Google, Amazon Inc., Meta Platforms Inc./Facebook), а годом ранее в топ-10 находились еще две платформенные корпорации (Tencent, Alibaba Group). Пять из десяти самых дорогих брендов в мире принадлежат платформенным компаниям, при этом в лидирующей пятерке их тоже четыре (Apple, Amazon, Google, Microsoft).

Взрывной рост крупных технологических компаний-платформ произошел в 2010-е гг. Корпорация Apple впервые вышла на первое место по уровню капитализации в мире в 2011 г., Alphabet/Google вошла в топ-10 самых дорогих компаний в 2013 г., а Amazon и Facebook – лишь в 2016 г. При этом выручка ведущих платформенных компаний в 2010-е гг. росла по 25–50% в год на фоне мирового экономического роста, не превышавшего 2–3%. И к началу 2020-х гг. Google и Facebook концентрировали более одной трети всех глобальных расходов на рекламу, на YouTube размещалось почти три четверти всех мировых онлайн-видео, Amazon Web Services оказывал почти половину всех облачных услуг, Apple продавал каждый четвертый смартфон в мире, а две трети вызовов такси во многих странах приходилось на Uber. В целом в экономике США под влиянием

Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Мы благодарим за ценные замечания А. Тюлюпо, А. Шевчука и других сотрудников ЛЭСИ, обсуждавших текст рукописи.

платформ уже находится около 70% всей сферы услуг, причем половина этой доли относится к прямым эффектам [Kenney et al., 2021: 1457].

Столь стремительный рост платформенных компаний обусловлен быстрым развитием и удешевлением новых технологий с удвоением объема технической памяти каждые три года, появлением облачных сервисов, обеспечивших быстрое масштабирование операций, внедрением искусственного интеллекта как рекурсивной самообучающейся системы и быстрым распространением подключенных к сети мобильных устройств. С экономической точки зрения этому способствовали относительно низкие кредитные ставки и наличие избыточного капитала, готового к относительно долгосрочным вложениям. Сыграла свою роль и избранная крупными технологическими компаниями модель корпоративного управления: их собственники ввели двухклассную структуру акций, дающую им полный контроль над компанией и возможность заниматься агрессивными поглощениями, что сильно ускорило расширение. В итоге, к 2022 г., по данным Forex, Google произвел 236 поглощений, Microsoft – 225, Apple – 109 и Facebook – 79. Благоприятным фоном послужило либеральное антимонопольное законодательство, что особенно характерно для США – колыбели большинства ведущих платформ.

В результате наступления платформ происходят масштабная трансформация индустрий и вытеснение привычных индустриальных организационных форм во многих сферах жизни, и Россия здесь не является исключением. Google и Яндекс занимают место традиционных медиа, маркетплейсы (Amazon, Wildberries) теснят традиционный ритейл, видеоконтент YouTube и Netflix приходит на смену телевидению, социальные сети (Facebook, ВКонтакте) предлагают новые формы коммуникации, Uber и Яндекс.такси замещают таксомоторные парки, Airbnb успешно конкурирует с гостиничными сетями, платформы онлайн-образования (Coursera, EdX) пытаются подвинуть университеты, поставщики видеоконференционной связи (Zoom, Webinar) подталкивают к высвобождению офисов.

Возникают и новые гибридные организационные формы, например, в виде симбиоза крупных платформ и малого бизнеса, получающего более эффективный доступ на рынки. Так, в России малый, средний бизнес и самозанятые составляют около 90% продавцов платформы Wildberries, более 85% продавцов Ozon и около 80% российских продавцов Aliexpress Russia.

Появление платформенной экономики ставит перед социологией множество новых непростых вопросов. Как работают новые организационные формы, и насколько они устойчивы? Как трансформируется капитализм, и у кого концентрируется хозяйственная власть? Что меняется в характере рыночного обмена? Какую роль играют новые сетевые связи? Что происходит с поведением человека и с социальными отношениями на микроуровне? Не претендуя на сколь-либо окончательные ответы, данная статья нацелена на содержательное раскрытие этих вопросов, очерчивая контуры перспективной исследовательской программы.

Платформа как новый способ интеграции. Начнем с определения платформы как новой организационной формы. С технологической стороны, *платформа* – это программируемая цифровая инфраструктура, предоставляющая возможности для взаимодействия пространственно распределенных агентов. Но более важно то, что на этой технологической основе сформирована новая рыночная бизнес-модель, настроенная на извлечение и использование особого типа сырья – данных, генерируемых взаимодействиями на платформе. Характерно, что платформенные компании часто не имеют активов, кроме собственности на программное обеспечение и оборудование: Uber не имеет своих автомобилей, Facebook не создает контент, Alibaba Group не имеет товарных складов, а Airbnb не владеет недвижимостью. Добавим, что мы определили платформу как некий идеальный тип, которому реальные технологические компании, как правило, соответствуют лишь отчасти. Например, один из технологических лидеров, компания Apple, не является в полном смысле платформенной [Срничек, 2019: 41].

Развиваются разные типы платформ. Инновационным платформам, к которым относятся, например, платформы открытого программного обеспечения, противопоставляются транзакционные платформы, соединяющие продавцов и покупателей [Schüßler et al., 2021], на которых мы фокусируемся в данной статье. Среди платформ можно выделить также коммуникационные (Google, Facebook), промышленные (General Electric, Siemens), сервисные (Uber, Airbnb). Особое внимание социологов привлекают *трудовые платформы* (Upwork, Freelancer, FL.ru), вовлекающие вместо обычных наемных работников независимых подрядчиков (самозанятых работников, фрилансеров), взаимодействие с которыми организуется на основе компьютерных алгоритмов [Шевчук, 2020; Vallas, Schor, 2020]. Предметом рыночных сделок здесь становятся разовые трудовые услуги (перевозка, доставка, перевод, дизайнерский проект). Часть самозанятых работает онлайн на глобальном уровне (программисты, дизайнеры), другая часть – офлайн в локальной среде (водители, курьеры). Развитию таких платформ способствовали «избыточное» население и рост безработицы во многих странах после финансового кризиса 2008 г., расширение практик аутсорсинга и удаленной работы. В результате происходит снижение входных барьеров на рынки труда с одновременным дерегулированием и дестандартизацией занятости в рамках так называемой гиг-экономики [Крауч, 2019]. Работники получают изрядную автономию, но теряют гарантии занятости и социальной защиты.

Ранее в институциональной экономической теории выделялись две основные формы хозяйственной интеграции – рынок и фирма [Уильямсон, 1995]. Позднее к ним добавили сетевую связь в качестве промежуточной формы [Powell, 1990]. Платформы вбирают в себя отдельные элементы фирмы, рынка и сети, но в целом не сводятся ни к одной из этих форм, образуя особую, четвертую форму интеграции [Vallas, Schor, 2020]. Ключевым организующим принципом для фирмы считается командование внутри организации, основанное на бюрократических правилах; для рынка – контрактация с независимыми игроками, находящимися вне организации; для сетей – сотрудничество как установление устойчивых связей между формально независимыми участниками; а для платформ таким принципом становится вовлеченность, понимаемая как кооптация участников, находящихся одновременно на платформе и вне ее [Старк, Паис, 2021].

Специфика платформ заключается в том, что они не являются ни покупателями, ни продавцами, ни даже простыми рыночными посредниками в привычном смысле, но «только лишь» распорядителями данных. Они не создают корпоративных иерархий, вводимые ими правила осуществляются без обычной бюрократии. Вместо вертикальных или горизонтальных связей они выстраивают трехсторонние отношения (поставщик – платформа – клиент), замещая коллаборативные (сетевые) связи более зависимыми (замкнутыми) связями. А осуществляемый ими мониторинг деятельности обходится без прямого дисциплинарного надзора и подотчетности. Здесь на место экспертного и менеджерского контроля приходят пользовательские оценки. На их основе вводятся рейтинги – относительно устойчивые балльные позиции, выстраиваемые по определенному стандарту, и, в еще большей степени, рэнкинги – постоянно обновляемые позиции относительно других участников без ранжирующих показателей. Онлайн-конкуренция между поставщиками или между работниками осуществляется в специфической форме борьбы за видимость на платформе [Старк, Паис, 2021].

Но главное, платформы осваивают новый источник власти – *алгоритмическое управление*, определяемое как мониторинг и модификация человеческого поведения на основе заданных компьютерных правил с детальным структурированием и автоматизацией бизнес-процессов. При этом поставщики и пользователи вовлекаются платформами в практики алгоритмического управления без делегирования им управленческих полномочий и дисциплинарного контроля. Равно для поставщиков и клиентов, деперсонализированные алгоритмы образуют своего рода «черный ящик», а периодические перекодирования правил и одностороннее изменение критериев оценки платформами становятся для них источником дополнительной неопределенности и зависимости.

Платформы демонстрируют устойчивые тенденции к экспансии и монополизации [Срничек, 2019]. Конкурируя друг с другом, они все более активно стремятся к выходу на смежные рынки, стремясь завлечь как можно большее число участников. Это достигается в том числе посредством массового кросс-субсидирования – сначала определенных поставщиков, затем пользователей, после чего возникают сетевые эффекты: пользователи притягивают новых пользователей. Задача платформ – формировать зависимость пользователей от собственных услуг и, соответственно, тормозить использование альтернативных продуктов (или поглощать их производителей). Они пытаются создать относительно замкнутые экосистемы, переманивая пользователей из открытого Интернета ко все более закрытым приложениям, культивируя логику замыкания на платформе, когда в идеальном случае пользователь сможет найти все необходимое, не выходя за ее пределы.

Итак, платформы представляют собой особую форму интеграции, отличную от фирмы, рынка или сети. Они превращаются в одну из доминирующих организационных форм с тенденцией к монополизации, делая следующий шаг в организационной эволюции по линии: капиталистическая фабрика – крупная корпорация – глобальные производственные сети – платформы [Grabher, van Tuijl, 2020].

Логика платформенного капитализма. В критической социальной теории сформировалось убеждение в том, что на организационной базе платформенной экономики складывается не просто еще один хозяйственный уклад, но новый тип социально-экономического устройства – «надзорный капитализм» [Зубофф, 2022; Сафронов, 2021], или «платформенный капитализм» [Срничек, 2019]. По мнению Ш. Зубофф, традиционный индустриальный капитализм основывался на переработке физического (в исходной точке природного) сырья при соединении труда работников и средств производства (машин, оборудования и пр.). В противовес этому *платформенный капитализм* инвертирует процесс производства, освобождая его во многом от физических носителей. Главным сырьем здесь становятся данные о поведении людей как побочный продукт поиска и коммуникации пользователей на платформе. Пользователи не являются наемными работниками, но, совершая любые действия на платформах и оставляя цифровые следы, они становятся новыми производителями основного сырья.

Платформы создают технологии оцифровки, извлечения, хранения, обработки, анализа и репрезентации поведенческих данных. Эти данные присваиваются платформами в качестве свободно доступного сырья в одностороннем порядке без уведомления пользователей или с сугубо формальным уведомлением. Спектр собираемых данных постоянно ширится, распространяясь из виртуального в реальный мир, где фиксируются местонахождение, покупки, разговоры и другие формы поведения людей, постепенно захватывая также их мотивы и эмоции. В распоряжении технологических компаний накапливаются все возрастающие частные теневые запасы знания. Сначала собранные данные используются для улучшения качества поиска и других пользовательских услуг, а затем – для извлечения прибыли путем таргетирования рекламы на конкретных пользователей, которая формирует основную часть доходов крупнейших платформ. Важно, что рекламодателям продается не само сырье, а переработанный продукт в виде прогнозов, или так называемых поведенческих фьючерсов [Зубофф, 2022]. И даже если в перспективе доля рекламных доходов снизится в пользу платных подписок и микроплатежей за клиентские услуги [Срничек, 2019], то процесс растущего извлечения пользовательских данных это вряд ли остановит.

Как в этих условиях трансформируются основные группы участников рынка? Ключевыми для традиционного индустриального капитализма были противостояния менеджеров и работников в рамках фирмы, а также покупателей (закупщиков) и поставщиков в рыночном обмене, причем первые, как правило, контролировали вторых. В условиях платформенного капитализма работники (во многом самозанятые) и поставщики лишаются былых базовых прав, а на смену контролирующим менеджерам и закупщикам приходят программисты-настройщики алгоритмов. Пользователи платформ не только сами создают ценности в виде данных, но вдобавок замещают менеджеров и закупщиков при оценке

деятельности работников и поставщиков. В итоге складывается регулятивная коалиция платформ (и стоящих за ними инвесторов) с пользователями платформ против самозанятых работников и поставщиков [Старк, Паис, 2021]. Пользователи поддерживают платформы не только экономически, но и политически, легитимизируя новую бизнес-модель и защищая ее от попыток государственного регулирования под лозунгом свободного доступа к информации [Rahman, Thelen, 2019].

Гибридные формы обмена. Платформы представляют собой противоречивое сочетание разных типов отношений – взаимности (реципрокности), автономии и доминирования [Schüßler et al., 2021]. И в рамках платформенного капитализма возникает гибридное сочетание нерыночных и рыночных форм обмена. С пользователями платформ выстраивается *нерыночный обмен*, когда бесплатные услуги по персонализированному доступу к информации обмениваются на бесплатные данные о поведении, собираемые часто без ведома и согласия пользователя. По своему характеру этот обмен не только нерыночный, но по сути и неэкономический, поскольку пользователи не могут отказаться от предоставления персональных данных без потери качества услуг – им предлагается договор присоединения по типу «Соглашайся или уходи». Пользователи не в состоянии даже уничтожить ранее созданную информацию (она продолжает храниться платформами), а условия и алгоритмы могут меняться платформой в одностороннем порядке без уведомления пользователей. Одновременно платформенными компаниями разворачивается реальный *рыночный обмен*, связанный с продажей поведенческих прогнозов рекламодателям и другим интересантам. Он скрыт от пользователей и находится вне их контроля. Это позволяет говорить о поведенческих данных как особом *фиктивном товаре*, наряду с землей, трудом и деньгами [Поланьи, 1993; Grabher, König, 2020]. Человеческий опыт как бесплатное сырье оцифровывается, присваивается и превращается в товар, хотя по сути не предназначается для продажи и не является результатом труда в обычном смысле – основная часть данных производится пользователями ненамеренно.

Поскольку речь идет в том числе о персональной и конфиденциальной информации, как и в случае с другими фиктивными товарами, процессы маркетизации данных встречают сопротивление общества и нуждаются в государственном регулировании. Предпринимаются попытки защитить персональную информацию – примером может послужить принятый Евросоюзом в 2016 г. Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation). Ведется и борьба с монополизацией – упомянем серию антимонопольных исков с миллиардными штрафами против Alphabet (Google) в Евросоюзе. Но пока крупные технологические компании в основном справляются с ситуацией, вводя отдельные самоограничения или делая вид, что отступают. Они находят массу способов для преодоления возникающего сопротивления. Компании предоставляют пользователям все более качественные и персонализированные сервисы, демонстрируют удивительные технологические достижения, прибегают к риторике неизбежности прогресса и отсутствия альтернатив. При этом изменения производятся настолько быстро, что существующие законы и этические нормы за ними просто не поспевают. К этому добавляются трудности с пониманием происходящих инноваций, которые не описываются привычными понятиями [Зубофф, 2022].

В этих условиях технологические компании представляют себя как героических предпринимателей [Смит, Браун, 2021], они успешно камуфлируют свои рыночные мотивы технологическим жаргоном, действуют во многом незаметно, тщательно сохраняя секретность операций. Сбор данных оправдывается «естественными» правами людей на всеобщий открытый доступ к информации. Всячески продуцируется зависимость пользователей, их неспособность отказаться от предлагаемых сервисов. Задействуются экономические стимулы к участию в виде всевозможных баллов, бонусов и скидок. Пользователи втягиваются и удерживаются через механизмы геймификации и внушения по принципу «Если тебя нет в сети, тебя вообще нет».

Альянс платформ и государства. Отношения между рынком и государством в условиях платформенного капитализма тоже меняются, их развитие демонстрирует при этом разнонаправленные тренды. С одной стороны, наблюдается некоторое ослабление государства в пользу технологических компаний, которые, становясь основными источниками знания, берут на себя задачи мониторинга и модификации поведения людей. Эти компании активно используют неолиберальную идеологию для сокращения государственного регулирования и перехода к саморегулированию в сферах своей деятельности. С другой стороны, в обществе происходит явное усиление запроса на «большое государство» [Krastev, 2020], вызываемое в том числе экономическими кризисами, пандемией коронавируса, торговыми войнами, санкционными режимами и военными операциями.

Важно то, что платформенные компании, собирая поведенческие данные в коммерческих целях, вступили в конкуренцию с государством, претендующим на тот же самый ресурс в интересах безопасности. Но неизбежное напряжение не мешает выстраиванию тактических (публичных и скрытых) альянсов между крупными технологическими компаниями и государством, завязанных на взаимных уступках и на обмене информацией, в том числе на коммерческой основе. Кроме того, технологические компании пытаются использовать государство в своих интересах, активно лоббируя такие меры, как ослабление условий конфиденциальности в Интернете, чтобы очистить себе пути к дальнейшему сбору данных, или сохранение подрядных отношений с самозанятыми, не позволяющих им превращаться в наемных работников. Технологические компании также начали оказывать действенную помощь политикам в избирательном процессе, более точно предсказывая результаты выборов и воздействуя на их исход (пример: скандал с компанией Cambridge Analytica в США в 2018 г.).

Особо благоприятная среда для сбора поведенческих данных сформировалась после терактов 11 сентября 2001 г. в США и серии терактов в других странах. В условиях «надзорной чрезвычайщины» [Зубофф, 2022] началась резкая переориентация государственной власти с норм конфиденциальности на требования безопасности. Заметно расширилась надзорная деятельность правоохранительных органов, ускорилась «милитаризация» Интернета в целях борьбы с терроризмом. Это привело к усилению взаимозависимости между правоохранительными органами и частным сектором в разных странах, в том числе в обход юридических и бюрократических ограничений. Борьба с терроризмом и преступностью используется в качестве обоснования для тотального надзора и требований оперативного предоставления информации на конкретных людей.

Установление тотального надзора. Поскольку точность прогнозов напрямую зависит от количества собранных и обработанных данных, технологические компании стремятся извлекать все больше и больше информации, касающейся буквально всех сторон поведения людей. «Запасы поведенческого излишка, накопленного Google, теперь охватывают все, что только есть в онлайн-среде: поиск, электронную почту, тексты, фотографии, песни, сообщения, видео, местоположения, способы общения, установки, предпочтения, интересы, изображения лиц, эмоции, болезни, социальные сети, покупки и так далее» [Зубофф, 2022: 172–173]. Поистине, это превращается в глобальный трекинг, или тотальный надзор.

Следящие идентификаторы, позволяющие собирать побочные поведенческие данные, превращаются в стандарт новых технологических отраслей (не только медиа-платформ, но также, например, телекоммуникационных компаний). При этом сбор данных о пользователях продолжается даже при отключении ключевых систем – можно выйти из социальной сети и из Интернета, выключить смартфон, процесс все равно не останавливается. Кроме того, постоянный трекинг распространяется из виртуальной в физическую среду – на улицах и в помещениях за нами постоянно следит возрастающее количество камер наблюдения с функцией распознавания лиц, а персональные помощники (Siri, Алиса) постоянно пересылают компаниям информацию о высказанных нами предпочтениях. А в ближайшей перспективе, с переходом к интернету вещей и установкой все большего числа датчиков на всевозможных материальных объектах и на самом теле человека

в виде носимых гаджетов и имплантов, процесс сбора данных станет еще более масштабным и повсеместным.

Конечно, надзор осуществляется не только платформами и в целом не только коммерческими компаниями, но и государством. В Китае, например, дело дошло до попыток внедрить систему социального кредита как новый инструмент стратифицирования, улучшения поведения граждан, т.е. гарантирования не только рыночных, но социальных и политических результатов.

Заметим, что, несмотря на постоянную риторическую озабоченность государства и технологических компаний сохранностью персональных данных и сетования по поводу их утечек [Смит, Браун, 2021], бытовавшие ранее нормы конфиденциальности сегодня ослабляются или даже игнорируются, соблюдаясь сугубо формально, – например, через настойчивое (почти безальтернативное) получение согласия пользователей на использование файлов cookies, передающих информацию об их действиях.

Технологические компании утверждают, что собранные поведенческие данные используются только в обезличенном виде, но на этот счет есть серьезные сомнения, тем более что суть технологических процессов обычному пользователю не понятна и вдобавок покрыта завесой коммерческой тайны. Однако специалисты утверждают, что деанонимизирование обезличенных метаданных и установление личности человека из общедоступной информации не составляет особого труда [Зубофф, 2022]. И мы все чаще получаем рекламу конкретных товаров и услуг, о которых мы не запрашивали, но которые просто упоминали в коммуникации с другими людьми.

Сегодня надзор превращается в коммерческую услугу: с помощью собранных данных работодатели получают новые возможности для глубокой проверки нанимаемых и уже работающих сотрудников (от мониторинга социальных сетей до контроля компьютерных экранов с помощью программ типа Teramind или InterGuard), банки – для проверки надежности заемщиков, собственники недвижимости – для проверки профиля арендаторов. И речь идет уже не о былых общих формулах (например, скоринговых системах), а о детальной проверке конкретных кандидатов, при том что сами кандидаты исключены из этого процесса и не могут повлиять на характер предоставляемой информации, которая может содержать неточности или опираться на дискриминирующие критерии.

Еще один важнейший элемент формирующихся отношений связан с целенаправленным разрушением границ между публичной и частной жизнью людей в целях получения все новых и новых персональных данных. Еще в 2010 г. основатель Facebook М. Цукерберг провозгласил, что «неприкосновенность частной жизни больше не является социальной нормой». Исторические корни этой схематики отыскиваются в конце XVIII в. – в знаменитой схеме Паноптикона, представившей проект идеальной тюрьмы Иеремии Бентама и вдохновившей впоследствии М. Фуко к созданию новой теории власти, основанной на всеобщей поднадзорности [Фуко, 1999]. В наши дни эта схема подкрепляется современными технологиями, заменяя прямой визуальный контакт системой расставленных видеокамер, которые позволяют мгновенно распознавать каждого наблюдаемого и гибко видоизменять пространство наблюдений, распространяя систему поднадзорности фактически на любую среду. Но главным инструментом поднадзорности становятся социальные сети, где пользователи сами с готовностью продуцируют информацию о себе, делая контроль над своим поведением все более эффективным. По сути, социальные сети образовали вывернутую форму Паноптикона. В старом Паноптиконе разбивались стороны отношения «видеть – быть видимым», а в социальной сети эти стороны соединяются: каждый видит всех и в то же время является видимым для всех, исполняя одновременно роли надзирателя и поднадзорного. Но демонстрируя себя другим, участники делают себя видимыми и для власти, которая, как в старом Паноптиконе, остается невидимой в темноте башни и получает возможность наблюдать сразу за всеми. Только, в отличие от Паноптикона, эта башня находится уже не в центре, а где-то сбоку, вне поля

зрения участников, которые теперь могут только догадываться о существовании ангажированных аналитиков [Радаев, 2021].

Противоречивая роль социальных сетей. В социологии и смежных дисциплинах еще в середине XX в. было сформировано понятие социальных сетей как устойчивых (структурных) связей между контрагентами [Пауэлл, Смит-Дор, 2003; Powell, 1990]. В 2000-е гг. появилось совершенно иное понятие социальных сетей как *новых медиа*, или онлайн-сервисов для построения, репрезентации и поддержания социальных отношений [Boyd, Ellison, 2008]. Как меняются сами социальные отношения при перемещении социальных сетей на онлайн-платформы?

В целом роль новых социальных сетей в формировании социальных отношений многообразна и противоречива. При прочих равных, по сравнению с офлайном, у индивидов растет число контрагентов и плотность сетевых связей, увеличивается интенсивность контактов. В то же время связи становятся более гетерогенными, снижается средняя сила этих связей, меньше уровень их замкнутости в рамках сплоченных клик, связи становятся более поверхностными и менее устойчивыми во времени. С одной стороны, сети становятся инструментом активной индивидуальной репрезентации и эффективного распространения информации о себе. С другой стороны, происходит добровольное стирание границ между публичным и приватным, а сети превращаются в основной источник информации о человеке без его/ее ведома и согласия. Социальные сети решительно демократизировали производство контента, обеспечивают его совместное производство и предоставляют возможности для дистанционной работы, экономики совместного использования, образования виртуальных сообществ. В то же время наблюдается явная деградация массы производимого контента, возникает дефицит живых контактов и тренд к самоизоляции. А рост вовлеченности людей в непрерывную коммуникацию сопрягается с возникновением зависимостей, неспособности отключиться и социальной тревоги (эффект FOMO), разного рода депрессивных состояний.

Социальные сети существенно расширяют возможности участия в социальной жизни, позволяют быстро мобилизовать общественное мнение, но вместе с тем усиливают социальное давление на человека и запускают массовые механизмы социального сравнения, которые особенно чувствительны для молодых поколений [Зубофф, 2022; Радаев, 2020]. Нарастают проблемы и в этической сфере. С одной стороны, у пользователей сети появилась невиданная ранее свобода самоидентификации, с другой стороны, несмотря на фиксацию всех совершаемых действий в виде цифровых следов, в онлайн-среде наблюдается тревожное размывание этических норм, связанное с ощущением безнаказанности за слова и действия. Участники становятся объектами троллинга и буллинга, не говоря уже о новых формах мошенничества. Причем рост конфликтов в сети сопровождается осложнением выхода из критических (конфликтных) ситуаций. Дело в том, что классические процедуры согласования в таких ситуациях (взаимная критика, поиск эквивалентности, нахождение компромиссов) предполагают, что люди обсуждают их между собой [Болтански, Тевено, 2013]. Сегодня этот механизм цивилизованного разрешения конфликтов лицом к лицу ломается, конфликты все чаще без всякого обсуждения выносятся в социальную сеть (в публичное пространство), мобилизуя общественное мнение. В итоге часто происходит быстрое разжигание (мультипликация) ненависти без погружения участников в суть дела, и, соответственно, такие конфликты сложнее погасить.

Поведенческая инженерия и новая рациональность. Поскольку логика платформенной экономики во многом строится вокруг изучения поведения людей, ее разворачивание непосредственно затрагивает социологию и ее перспективы. И здесь отметим несколько важных трендов. Во-первых, изучение поведения движется от специальных периодических исследований к постоянному сбору больших данных, образуемых как побочный продукт повседневной деятельности, независимо от намерений исследователей [Губа, 2021; McFarland et al., 2015]. Во-вторых, происходит переход от выборочных наблюдений, на которых в основном базировалась социология, к сплошному (тотальному)

надзору. В-третьих, появилась возможность перейти от социальных типологий и статистических агрегатов (еще одна специфика социологии) к фиксации поведения каждого конкретного человека. В-четвертых, наблюдается движение от научно обоснованных предположений (привычных социологических гипотез) к точному (просчитанному) знанию о поведении. В-пятых, нам предлагают переходить от общих теорий к предсказанию запросов и поведения фактически без всякой теории. Наконец, наряду с анализом поведения людей, появляются возможности воздействовать на это поведение. Причем речь идет уже не о былом общем («ковровом») воздействии на поведение (например, с помощью традиционной рекламы), а к таргетированному («точечному») воздействию. Иными словами, предлагается переходить от научных исследований (в том числе социологических) к слежению на основе сбора больших данных и от него к поведенческой инженерии.

Поскольку самое надежное средство повысить точность предсказаний – не ограничиваться слежением, но изменять поведение в сторону гарантированного исхода, технологические компании присваивают себе права на изменение чужого поведения и меняют его без ведома пользователей в целях извлечения прибыли – скрытно, массово и почти при полном отсутствии сдерживающих социальных и правовых механизмов [Зубофф, 2022].

Механизмы воздействия на поведение тоже меняются весьма радикально. Во-первых, в условиях всеобщей поднадзорности, в терминах М. Фуко [1999], привязанные к пространству технологии вовлекают людей в специфические «дисциплинарные режимы», когда они начинают воспроизводить ожидаемые действия самостоятельно, в том числе и тогда, когда за ними никто не надзирает. Во-вторых, на место былого принуждения и культивирования норм приходит *подталкивание* (*nudge*), ассоциируемое с именем провозвестника либертарианского патернализма и нобелевского лауреата Р. Талера. Подталкивание определяется как побуждение людей изменять их поведение без формальных и видимых ограничений и без применения физического и нормативного принуждения. Оно связано с целенаправленным структурированием ситуаций так, чтобы получить желаемый исход. Подталкивание реализуется через множество средств, среди которых активно используются: подстройка поиска, настойчивые рекомендации и манипулирование информацией; апелляция к экономическому интересу через предоставление индивидуальных бонусов или скидок; мобилизация социальных сетей; эксплуатация игровых технологий; внушение и передача эмоциональных состояний (побуждение к сопереживанию). К подталкиванию относится любой аспект процесса принятия решения, побуждающий людей изменять свое поведение определенным образом без видимых запретов [Талер, Санстейн, 2018].

Идеи подталкивания опираются на прозрения поведенческой экономики, которая, в отличие от мейнстрима экономической теории, исходившей из рациональности человеческого поведения, доказывала, что человеческое мышление и поведение зачастую иррациональны, чреваты ошибками и когнитивными сбоями, нуждаются в коррекции [Канеман, 2014]. С этих позиций свободный выбор человека начинает трактоваться как случайный (неупорядоченный) выбор, проистекающий из недостаточного знания и неспособности просчитать собственное будущее. В этом смысле подталкивание к желаемому выбору (предположительно наилучшему для самого человека) делает поведение более устойчивым и более предсказуемым, т.е. более рациональным.

В связи с этим возникает еще один важный для социологии вопрос – о формировании новой *рациональности*. Начнем с того, что в условиях господства машинных алгоритмов делается попытка отказа от субстантивной рациональности, основанной на дифференцированных ценностях и нормах, в пользу формальной, сугубо инструментальной (практической) рациональности, тяготеющей к универсализму, против которого так настойчиво боролись социологи. Но этим дело не ограничивается, и формальная рациональность тоже претерпевает существенные изменения. На место «старой» индивидуальной рациональности, построенной на свободном выборе в пользу собственного интереса (пусть иногда и ошибочном), приходит новая надындивидуальная рациональность,

основанная на алгоритмических решениях. Эта новая рациональность преодолевает неопределенность и подчиняет поведение коммерческим интересам рынка. В итоге если раньше вопрос о том, в какой степени человек соответствует модели Homo Economicus, был предметом академических социологических дискуссий, то сегодня человека без особых дискуссий выстраивают под эту модель и зарабатывают сотни долларов в год на каждом активном пользователе [Черешнев, 2022: 170].

Еще одно важное следствие на микроуровне сопряжено с заменой *автономии* человека внешним контролем. Сначала машинные алгоритмы подстраиваются под человека и его/ее интересы, делая выбор более эффективным и комфортным, но затем замыкают человека в информационные пузыри [Pariser, 2011], а далее алгоритмы постепенно подстраивают индивида под себя, предлагая то, что дают большинству, и начинают подмешивать к его/ее выбору чужие интересы. Подталкивание к лучшему для себя выбору (*nudge*) может легко трансформироваться в создание затруднений для такого выбора (*sludge*), в терминах Р. Талера. В этих условиях автономия человека, понимаемая не просто как независимость от других, но как способность самостоятельно создавать смыслы и совершать свой выбор, заменяется гетерономией (внешним регулированием), а свободный выбор во многом становится иллюзией, замещаясь предписанным выбором.

В свою очередь, человеческая воля, или способность действовать вопреки, как неотъемлемый элемент автономии, замещается подкреплением и подталкиванием, снимая излишнее напряжение и делая жизнь более комфортной, поскольку освобождает человека от дополнительных усилий и бремени неопределенности. В результате большинство людей добровольно (хотя и при постоянном подталкивании) передоверяют свое право на автономию и свободный выбор автоматизированным системам, разменивая это право на бесплатный доступ к информации, персонализацию сервисов, удобства коммуникации и желанную определенность.

Упомянутое нами выше размывание границ между публичным и частным наносит еще один серьезный удар по автономии человека, не существующей без приватности и без возможности уединения (физического и духовного). Возникает своеобразный парадокс: если ранее экономическая социология всеми средствами отстаивала идеи социальной укорененности человеческих действий [Радаев, 2002], то теперь, похоже, ей придется бороться за автономию человека.

В целом мы сталкиваемся с очередной попыткой *разукоренения* рынка в его постоянном стремлении «отвязаться» от социальных отношений, на которое указывал еще К. Поланьи [1993]. Это стремление никогда не возникало на пустом месте. И в настоящее время оно эксплуатирует реальный системный запрос на индивидуализированное потребление и накопленную усталость от институциональных ограничений. Наступление рынка разворачивается под риторику освобождения повседневной жизни от устаревших институтов, призывы «сбросить оковы» и погрузиться в мир высоких технологий.

Любая власть стремится в конечном счете к монополии и тотальности. На этом пути социальные институты и этические нормы видятся скорее как излишние барьеры и силы трения. Тем более что институты (формальные и неформальные) не поспевают за столь быстрым развитием технологий и бизнес-моделей, поэтому деятельность крупных технологических компаний часто оказывается в нерегулируемых зонах [Rahman, Thelen, 2019]. Но существующие законы и этические нормы объявляются «безнадёжно устаревшими». В итоге правила, бывшие ранее результатами длительной эволюции и сложных соглашений между разными группами интересов, все более замещаются правилами другого рода – не слишком прозрачными алгоритмическими вычислениями, позволяя говорить о растущих угрозах алгокрации [Danaheer, 2016].

К новым постсоциальным отношениям. Еще в середине 1980-х гг., задолго до возникновения платформенного капитализма, приверженцами исследований науки и технологий (Science and technology studies) в рамках акторно-сетевой теории говорилось о том, что материальные объекты (вещи, артефакты) становятся действующими единицами

социальных отношений, наряду с человеческими существами [Латур, 2014]. Это предполагало иное видение самих социальных отношений: «Наплыв объектных миров ведет к трансформации моделей связей между людьми, которую можно обозначить понятием постсоциальных форм. Эти формы включают объектные отношения, в которых объектами выступают неживые предметы» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2004: 445].

Вторжение вещей в социальные отношения развивается в соответствии с определенной логикой: оно движется от опосредования отношений живых существ вплоть до физического соединения с ними к взаимодействию с живыми существами, а далее к постепенному замещению человеческих отношений. На первом шаге, в результате быстро прогрессирующей оцифровки повседневной жизни фактически все поведение и все социальные отношения уже опосредуются или вскоре будут опосредоваться компьютерами. Но технологии – не просто пассивный инструмент или некий внешний фактор. Поэтому вторым шагом электронные устройства и датчики вплетаются в саму ткань повседневной жизни, которая все более протекает в виртуальных мирах, и встраиваются в само тело человека. В этом компьютеризированном мире социальные отношения превращаются в код и возвращаются к людям уже после прохождения через фильтр машинных алгоритмов.

Третий шаг делается, когда за опосредованием отношений следует непосредственное *взаимодействие* живых и неживых существ. С внедрением роботов (голосовых помощников, чат-ботов, роботов-операторов), наделенных самообучающимся искусственным интеллектом, взаимодействие между человеческими и нечеловеческими существами становится все более распространенным и сложным, что позволяет говорить о возникновении своего рода «искусственной социальности» [Резаев и др., 2020]. Здесь все труднее отличить живое от неживого, поскольку неживые объекты становятся все более автономными и все успешнее имитируют живые. И происходит не просто перенос привычных способов взаимодействия, но возникновение новых итерационных процессов обращения с неживыми существами [Абрамов, Катечкина, 2022].

Машины во многом совершеннее, чем люди, они «соображают» быстрее и, в отличие от большинства людей, учатся на ошибках других. В автоматизированной системе отношения между живыми людьми воспринимаются скорее как «силы трения», порождающие досадные излишние барьеры для присвоения данных и дополнительную неопределенность от непоследовательности человеческих действий и недостаточности их знаний. Искомая же определенность достигается с помощью интеллектуальных алгоритмов. И следует четвертый логический шаг – от простой автоматизации общественных процессов к *замещению* социальных отношений машинными процессами, продиктованному, с одной стороны, мотивами извлечения прибыли, а с другой стороны, мотивами социального контроля. Машинные отношения начинают претендовать на то, чтобы стать ключевой моделью социальных отношений. И если ранее поведение машин (роботов) конструировали под людей, сейчас поведение людей начинают конструировать под машины [Зубофф, 2022].

С усилением власти машин падает потребность в доверии к людям, которое всегда несет в себе неизбежные элементы неопределенности и риска (отношения между людьми изменчивы и хрупки). Возникает новая, на вид более прочная форма *укорененности* отношений – в интеллектуальных алгоритмах, в которой для традиционной социологии находится немного места. Все это ставит перед социологией ряд новых вопросов, связанных с необходимостью понимания характера новых постсоциальных отношений и проектирования собственного будущего в изменившихся условиях.

Закключение. Сегодня социология сталкивается с серьезными содержательными и методологическими вызовами. Стремительно развивающаяся платформенная экономика образует не просто очередной хозяйственный уклад, но претендует на роль ведущей формы социально-экономического устройства общества. Возникла новая система платформенного капитализма, которая серьезным образом меняет характер социальных отношений не только на макро-, но и на микроуровне. И *первый вызов* обусловлен необходимостью эффективного анализа быстро меняющегося объекта исследования.

Параллельно, извлечение больших данных создает для социологии немало новых возможностей, открывая доступ к изучению ранее труднодоступных данных о человеческом поведении, но порождает *второй вызов*, требуя новых аналитических подходов. *Третий вызов* связан с тем, что на кон поставлен вопрос о сохранении самой социологической теории как совокупности общих объяснительных схем. Звучат все более настойчивые призывы о замене традиционной социологии на вычислительную или доказательную социальную науку. Наконец, *четвертый вызов* проистекает из процессов размывания самого объекта социологических исследований – социальных отношений в привычных для нас формах. Это ставит вопрос о новых прагматических функциях социологии как профессиональной дисциплины. Хочется верить, что социологии удастся, хотя бы в какой-то мере, справиться с этими вызовами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н., Катечкина В.М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 214–243.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛО, 2013.
- Губа К.С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 24–33.
- Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Ин-т Гайдара, 2022.
- Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2014.
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: Исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445–468.
- Крауч К. Восторжествует ли гиганомика? // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 4. С. 70–77.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
- Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 61–105.
- Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд земля и деньги // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 10–17.
- Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 3–14.
- Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2020.
- Радаев В.В. Смотрим кино, понимаем жизнь: 19 социологических очерков. М.: ВШЭ, 2021.
- Резаев А.В. (ред.) От искусственного интеллекта к искусственной социальности. М.: ВЦИОМ, 2020.
- Сафронов Э.Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шюшаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165–172.
- Смит Б., Браун К. IT как оружие. Какие опасности таит в себе развитие высоких технологий. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Старк Д., Паис И. Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 3. С. 71–103.
- Талер Р., Санстейн К. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- Уильямсон О.И. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 411–442.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Черешнев Е. Форма жизни № 4: Как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2022.
- Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54.
- Boyd D.M., Ellison N.B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. Vol. 13. P. 210–230.
- Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation // Philosophy and Technology. 2016. Vol. 29. P. 245–268.

- Grabher G., König J. Disruption, Embedded. A Polanyian Framing of the Platform Economy // *Sociologica*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 95–118.
- Grabher G., van Tuijl E. Uber-Production: From Global Networks to Digital Platforms // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2020. Vol. 52. No. 5. P. 1005–1016.
- Kenney M., Bearson D., Zysman J. The Platform Economy Matures: Measuring Pervasiveness and Exploring Power // *Socio-Economic Review*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1451–1484.
- Krastev I. Is It Tomorrow Yet? Paradoxes of the Pandemic. New York: Penguin, 2020.
- McFarland D.A., Lewis K., Goldberg A. Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science // *American Sociologist*. 2015. Vol. 47. No. 1. P. 12–35.
- Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. London: Viking, 2011.
- Powell W.W. Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization // *Research in Organizational Behavior*. 1990. Vol. 12. P. 295–336.
- Rahman K.S., Thelen K. The Rise of the Platform Business Model and the Transformation of Twenty-First-Century Capitalism // *Politics and Society*. 2019. Vol. 47. No. 2. P. 177–204.
- Schüßler E., Attwood-Charles W., Kirchner S., Schor J.B. Between Mutuality, Autonomy and Domination: Rethinking Digital Platforms as Contested Relational Structures // *Socio-Economic Review*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1217–1244.
- Vallas S.P., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy // *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46. P. 273–294.

Статья поступила: 10.10.22. Принята к публикации: 01.11.22.

PLATFORM EXPANSION AS A CHALLENGE TO THE SOCIOLOGY

RADAEV V. V.

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Vadim V. RADAEV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Laboratory for Studies in Economic Sociology, First Vice-Rector, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (radaev@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Program for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics". We thank for valuable comments A. Shevchuk, A. Tyulyupo and other fellows from the Laboratory for Studies in Economic Sociology.

Abstract. Rapid development of the platform economy leads to changes in the organizational forms of the economy that are followed by a fundamental transformation of social relationships on macro and micro levels, directly affecting a major subject area of sociology. Extraction of big data by the platforms gives an access to examination of human behavior, which was hardly accessible in previous times. At the same time, it claims for new analytical approaches. As a result, sociology is facing serious substantive and methodological challenges. More effective analysis of dynamic changes in the environment is required. Maintenance of the sociological theory itself as a corpus of general explanatory schemes is also on the agenda given the increasing attempts to replace sociology by the computational social science. Presented study is based on a most recent special literature. We define platforms as a new mode of economic integration, trace a logic of the platform capitalism, examine the emerging hybrid forms of exchange, reveal a contradictory nature of the social networks, explore the new meanings of rationality of human behavior, and analyze how social relationships are being changed at different levels.

Keywords: platform economy, algorithmic management, social networks, social relationships.

REFERENCES

- Abramov R.N., Katechkina V.M. (2022) Social aspects of human-robot interaction: experimental research experience. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 2: 214–243. (In Russ.)
- Boltanski L., Thevenot L. (2013) Critique and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Worlds. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Boyd D.M., Ellison N.B. (2008) Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 13: 210–230.

- Chereshnev E. (2022) *Life Form No. 4: How to Stay Human in the Age of Flourishing Artificial Intelligence*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Crouch C. (2019) Will the Gig Economy Prevail? *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 20. No. 4: 70–77. (In Russ.)
- Danaher J. (2016) The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation. *Philosophy and Technology*. Vol. 29: 245–268.
- Foucault M. (1999) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Grabher G., König J. (2020) Disruption, Embedded. A Polanyian Framing of the Platform Economy. *Sociologica*. Vol. 14. No. 1: 95–118.
- Grabher G., van Tuijl E. (2020) Uber-Production: From Global Networks to Digital Platforms. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 52. No. 5: 1005–1016.
- Guba K.S. (2021) Big Data in Studies of Science: New Research Field. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 24–33. (In Russ.)
- Kaneman D. (2014) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Kenney M., Bearson D., Zysman J. (2021) The Platform Economy Matures: Measuring Pervasiveness and Exploring Power. *Socio-Economic Review*. Vol. 19. No. 4: 1451–1484.
- Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2004) The Market as an Object of Attachment: Exploring Postsocial Relations in Financial Markets. In: Radaev V.V. (ed.) *Western Economic Sociology: Handbook of Contemporary Classics*. Moscow: Rosspen: 445–468. (In Russ.)
- Krastev I. (2020) *Is It Tomorrow Yet? Paradoxes of the Pandemic*. New York: Penguin.
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
- McFarland D.A., Lewis K., Goldberg A. (2015) Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science. *American Sociologist*. Vol. 47. No. 1: 12–35.
- Pariser E. (2011) *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. London: Viking.
- Polanyi K. (1993) The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money. *THESIS*. Vol. 1. No. 2: 10–17. (In Russ.)
- Powell W., Smith-Dorr L. (2003) Networks and Economic Life. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 4. No. 3: 61–105.
- Powell W.W. (1990) Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*. Vol. 12: 295–336.
- Radaev V.V. (2002) Once Again on a Subject of Economic Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–14. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2020) *Millennials: How Russian Society Is Being Changed*. 2d ed. Moscow: VHSE. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2021) *Watching Movies, Exploring Life: 19 Sociological Essays*. Moscow: VHSE. (In Russ.)
- Rahman K.S., Thelen K. (2019) The Rise of the Platform Business Model and the Transformation of Twenty-First-Century Capitalism. *Politics and Society*. Vol. 47. No. 2: 177–204.
- Rezayev A.V. (ed.) (2020) *From Artificial Intelligence to Artificial Sociality*. Moscow: VTSIOM. (In Russ.)
- Safronov E.E. (2021) Transformation of Capitalism in the 21st Century: “Surveillance Capitalism” Concept by Shoshana Zuboff. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 165–172. (In Russ.)
- Schüßler E., Attwood-Charles W., Kirchner S., Schor J.B. (2021) Between Mutuality, Autonomy and Domination: Rethinking Digital Platforms as Contested Relational Structures. *Socio-Economic Review*. Vol. 19. No. 4: 1217–1244.
- Shevchuk A.V. (2020) From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 1: 30–54. (In Russ.)
- Smith B., Browne C.A. (2021) *Tools and Weapons: The Promises and the Peril of the Digital Age*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*. Moscow: VHSE. (In Russ.)
- Stark D., Pais I. (2021) Algorithmic Management in the Platform Economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 22. No. 3: 71–103.
- Taler R., Sansteyn K. (2018) *The Architecture of Choice. How to Improve our Decisions About Health, Well-Being and Happiness*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)
- Vallas S.P., Schor J.B. (2020) What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*. Vol. 46: 273–294.
- Williamson O.E. (1995) Vertical Integration of Production: Thoughts on the Market Failures. In: Galperin V.M. (ed.) *Theory of Firm*. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola [Economic School]: 411–442. (In Russ.)
- Zuboff S. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)

Социальная политика. Социальная структура

© 2022 г.

П.М. КОЗЫРЕВА, А.И. СМЕРНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ РОССИЯН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОТ КОЛЛАПСИРОВАНИЯ К КОНТРАСТНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ (1994–2021)

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (pkozyreva@isras.ru); СМЕРНОВ Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (smir_al@bk.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» анализируются основные тенденции эволюции социального самочувствия россиян во взаимосвязи с процессами социальной адаптации в постсоветской России. Внимание сфокусировано на динамическом анализе ряда основных характеристик социального самочувствия, который не только раскрывает направление и характер изменения социальных настроений на разных этапах постсоветских преобразований, но и помогает расширить представление о границах и масштабах адаптации россиян к условиям трансформирующегося общества. Показано, что переход к новой реальности сопровождался значительными изменениями характеристик социального самочувствия, а достигнутая в последние годы стабильность оказывается в условиях кризисной неопределенности шаткой и внутренне контрастной.

Ключевые слова: неопределенность • постсоветское общество • социальная адаптация • социальное самочувствие • социальный статус • трансформация

DOI: 10.31857/S013216250021523-8

Трансформационные процессы, развернувшиеся в России в начале 1990-х гг., привели к глубоким и динамичным переменам в жизни всего российского общества. Изменившиеся условия существования широких слоев населения сформировали особенности их жизнедеятельности и новый социально-психологический облик, потребовав обновления подходов к изучению радикальных изменений. Одним из наиболее надежных индикаторов этих перемен является социальное самочувствие, выступающее как определенное эмоционально-оценочное отношение индивидов к меняющейся действительности. Изучение данного социально-психологического феномена позволяет не только анализировать очевидные тенденции, но и видеть латентные процессы, определяющие текущее состояние любого сообщества [Смирнов, 2020: 25].

В научной литературе социальное самочувствие рассматривается как многогранное и многоуровневое явление, свойственное индивиду, социальной группе, обществу

В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

в целом, и поэтому имеет немало интерпретаций. С социологической точки зрения данный феномен может быть представлен как один из важнейших элементов социальных настроений [Тощенко, 1998], «определенное состояние переживания по поводу комфортности или дискомфорта своего бытия в социуме» [Михайлова, 2010: 46], характеристика, основывающаяся на «саморефлексии субъектом деятельности своего взаимодействия с социальной средой» [Социологические подходы..., 2021: 132]. Социальное самочувствие характеризует общее внутреннее состояние индивидов, формирующееся в повседневной жизни, которое включает их отношение к окружающей действительности, степень удовлетворенности жизнью в целом и отдельными ее сторонами, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе [Козырева, 2004: 23].

При этом социальное самочувствие может трактоваться как в широком, так и в узком смысле. Широкий подход учитывает, что социальное самочувствие формируется не только под влиянием конкретных жизненных обстоятельств, но и испытывает влияние со стороны процессов и событий, происходящих в стране, конкретном регионе, и поэтому предполагает, помимо оценки собственных жизненных условий, оценку положения дел в стране, вектора ее экономического и политического развития, отношение к органам власти и к общественным институтам [Соболева, 2019: 58]. В узком смысле социальное самочувствие трактуется как «интегральная удовлетворенность жизнью» или как близкое к распространенному в западной социологии понятию «субъективное благополучие» (subjective well-being). В качестве ключевых показателей субъективного благополучия рассматриваются степень удовлетворенности различными аспектами повседневной жизни, а также характерные в разных общественных ситуациях психоэмоциональные состояния [Горшков, 2019: 3].

Понятие социальное самочувствие тесно связано с понятием социальная адаптация. Являясь отражением внутреннего состояния адаптанта, социальное самочувствие выступает одним из основных критериев, характеризующих достигнутый уровень адаптации, которая рассматривается не только как процесс, но и как определенное состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности. В связи с этим социальное самочувствие как «показатель адаптации и социокультурной интеграции личности с социумом» оказывается «оптимальным для изучения современного трансформирующегося общества» [Социальное самочувствие..., 2011: 15–17]. На таких переломных этапах характеристики социального самочувствия помогают формировать реальное представление о границах и масштабах адаптации, ходе и степени освоения тем или иным субъектом меняющихся условий жизнедеятельности. Его анализ позволяет выявлять и лучше понимать изменения, происходящие в общественном сознании на разных этапах социальных трансформаций.

Выступая важнейшим показателем успешности/неуспешности адаптации населения к происходящим переменам, достигнутого уровня социального благополучия [Социологические подходы..., 2021: 11], социальное самочувствие в то же время является индикатором эффективности проводимых в стране реформ, важнейших социальных результатов постсоветских трансформаций. Одним из выражений этих взаимосвязей может служить «адаптационное социальное самочувствие», которое рассматривается в качестве динамичного интегрального показателя «отношения населения к кардинальным социальным преобразованиям, происходящим в конкретный исторический период с точки зрения жизненной ситуации в прошлом и оценки ее в будущем» [Гриценко, 2014]. При этом главенствующим фактором, определяющим социальное самочувствие граждан, длительное время переживающих колоссальные потрясения трансформирующегося общества с присутствующими ему кризисами и неустойчивым вектором развития, является неопределенность [Тощенко, 2020], непосредственно связанная с «навязываемым риском», к которому приходится адаптироваться населению [Шлыкова, 2017: 124].

Данная статья содержит анализ основных тенденций, характеризующих динамику социального самочувствия россиян в постсоветский период, охватывающий 1994–2021 гг.

Основное внимание сфокусировано на динамическом анализе таких характеристик социального самочувствия, как удовлетворенность жизнью в целом и ощущение счастья, удовлетворенность материальным положением и озабоченность решением материальных проблем, удовлетворенность работой и обеспокоенность угрозой безработицы, уровень обобщенного доверия, оценка жизненных перспектив. Анализируя эти изменения, мы исходили из того, что они связаны, с одной стороны, со сдвигами в объективной реальности постсоветского периода, а с другой – с общими тенденциями эволюции общественного сознания, характерными для трансформирующегося общества.

Анализ основывается на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» (1994–2021), в ходе которого была получена обширная информация относительно изменений условий и качества жизни россиян в постсоветской России¹. Объектом исследования являлись взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше.

Удовлетворенность жизнью и ощущение счастья. Подверженное сильной зависимости от социально-экономического положения индивидов и социальных групп социальное самочувствие россиян обладало в постсоветский период всеми чертами и особенностями, характерными для трансформирующегося общества, и в то же время чутко реагировало на знаковые перемены в общественной жизни. Как видно из рисунка 1, после катастрофических 1990-х гг., характеризующихся чрезвычайно низким и постоянно падающим уровнем удовлетворенности россиян своей жизнью, наступил период медленного улучшения восприятия своего бытия, свидетельствующего о постепенной адаптации граждан к новым реалиям, который после 2012 г. сменился некоторой стабилизацией массовых настроений. Эту стабилизацию вряд ли можно назвать устойчивой, учитывая постоянные колебания анализируемого показателя, среди которых наиболее заметным явился спад, отмеченный в 2016 г.

Вместе с тем на протяжении всего последнего десятилетия доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, неизменно

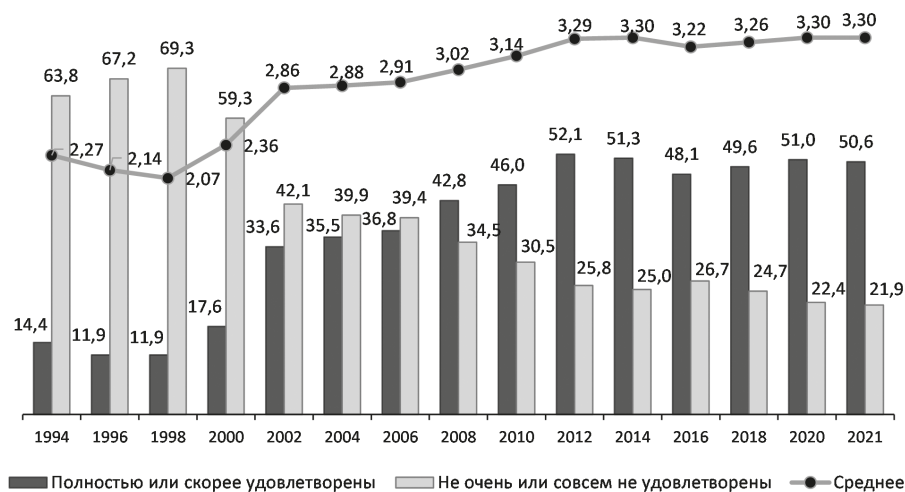

Рис. 1. Динамика удовлетворенности своей жизнью в целом, 1994–2021 гг. (в %)

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (<http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

превышала долю недовольных своим существованием более чем в два раза, а средние значения данного показателя (от 1 – «совсем не удовлетворены» до 5 – «полностью удовлетворены») колебались в пределах узкого коридора – от 3,22 до 3,30. Не менее стабильными и высокими в этот период были также самооценки личного счастья. В 2021 г., оценивая достигнутый уровень благополучия, осмысливая то, как складывается собственная жизнь, насколько она успешна или неуспешна, в какой мере она состоялась, 47,4% респондентов относили себя к очень счастливым или довольно счастливым людям и еще 37,2% считали, что они скорее счастливы, чем не счастливы. В 2012 г. таких было соответственно 44,5 и 36,1%.

Примечательно, что такая стабильность мнений и общих оценок наблюдалась в тяжелый кризисный период, отмеченный заметным падением доходов и расходов населения, ухудшением условий жизни семей. В сложившихся условиях взвешенная реакция на происходящее во многом стала результатом возросшей адаптационной опытности людей. Большинство граждан так или иначе приспособились или просто привыкли к ситуациям длительного неблагополучия и неопределенности, воспринимая их не особенно болезненно. Несмотря на сохраняющуюся остроту таких сложных и беспокойных проблем, как бедность, низкий уровень и нестабильность зарплат и пенсий, социально-экономическое неравенство, угроза безработицы, постоянный рост цен на товары и услуги, низкий уровень медицинского обслуживания и др., большинство россиян старались сохранять сдержанность и самообладание.

Даже новые, незнакомые ранее угрозы и опасности, вызванные пандемией коронавирусной инфекции, практически не отразились на общем уровне удовлетворенности россиян своей жизнью. Пандемия и строгие карантинные ограничения, усилившие негативные последствия экономического кризиса, стали катализатором развития неблагоприятных проявлений социального самочувствия, но ненадолго. Через полгода после начала эпидемии определенные адаптационные затруднения испытывал всего лишь один из пяти опрошенных: 3,5% – не могли справиться с непривычной и опасной ситуацией и 18,2% – привыкали к изменениям с большим трудом (табл. 1). Заметные возрастные различия наблюдались только между респондентами в возрасте 60 лет и старше и всеми остальными. Но уже к концу 2021 г. среднестатистический россиянин практически полностью адаптировался к коронавирусным вызовам. Поддержку социальному самочувствию населения в 2000–2021 гг. оказали рост доходов, последовавший за длительным периодом стагнации и падения, и значительное увеличение различных социальных выплат.

Вместе с тем, несмотря на определенное усиление стабилизационных процессов, нынешнее российское общество не стало менее дифференцированным по уровню социального самочувствия, о чем свидетельствуют значительные межгрупповые

Таблица 1

Адаптация к изменениям в жизни, вызванным эпидемией коронавируса, осень 2020 г. (%)

Уровень адаптации	В целом	По возрастным группам			
		14–29 лет	30–44 года	45–59 лет	60 лет и более
Не могут справиться с новой ситуацией	3,5	2,8	2,3	2,9	5,3
Привыкают с большим трудом	18,2	17,0	16,1	15,6	22,4
В целом приспособились к изменениям	24,1	24,0	23,7	23,8	24,6
Живут, как и раньше	51,7	52,8	55,4	55,3	45,6
Сумели использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь	1,1	2,0	1,2	1,0	0,6
Затруднились ответить	1,4	1,4	1,3	1,4	1,5

и внутригрупповые отличия в его показателях. Неудовлетворенность больших групп населения материальной стороной жизни, содержанием и условиями труда, многими другими аспектами жизни не исчезла, что еще раз убеждает в шаткости и контрастности достигнутого уровня удовлетворенности жизнью.

В 2021 г. среди молодых людей в возрасте до 30 лет была почти в полтора раза больше, чем среди граждан в возрасте 60 лет и старше, доля лиц, в той или иной мере удовлетворенных своей жизнью в целом (62 против 42,8%), и вдвое выше доля ощущающих себя очень или довольно счастливыми (65 против 33,2%). При этом темпы роста уровня удовлетворенности своей жизнью в 1994–2021 гг. в младших возрастных когортах были намного выше, чем в старших. Так, за указанный период доля респондентов, полностью или скорее довольных тем, как складывается их жизнь, выросла среди 14–29-летних с 18,2 до 62%, среди 30–44-летних – с 12,8 до 55,5%, тогда как среди 45–59-летних – с 13,6 до 47,9%, а среди лиц в возрасте 60 лет и старше – только с 13,6 до 42,8%. И в то же время среди опрошенных горожан оказалось больше, чем среди сельчан, респондентов, удовлетворенных жизнью (51,9% против 45,7%), но меньше счастливых (45,5% против 52%). В свою очередь группы, находящиеся по субъективным оценкам на одной ступени адаптации, были значительно дифференцированы в экономическом, социальном, культурном и психологическом отношениях.

Экономические и другие проблемы, обостряющиеся в период кризисов, в первую очередь сказываются на социально уязвимых группах населения: пенсионерах, инвалидах, многодетных семьях и вообще на людях с низкими доходами, что негативно отражается на их социальном самочувствии. Вместе с тем в экстремальных условиях эпидемии коронавируса, принятые меры социальной изоляции и ограничений экономической активности в большей мере сказались на социальном самочувствии граждан трудоспособного возраста, чем на настроениях пожилых людей. Т.е. трудности привыкания к новой ситуации, о которых говорилось выше, не стали причиной повышенного роста тревожности и ипохондрии у пожилых россиян. С осени предковидного 2019 г. по осень 2020 г., когда люди уже привыкли к необычной ситуации, среди опрошенных пожилых людей доля респондентов, удовлетворенных своей жизнью в целом, не только не упала, а даже немного увеличилась – с 43,7 до 45,7%. В то же время среди респондентов, не достигших пожилого возраста, доля таких людей сократилась, в том числе среди 14–29-летних – с 65,3 до 60,6%, 30–44-летних – с 56,7 до 54,2%, 45–59-летних – с 49,2 до 47,5%.

Удовлетворенность материальным положением. Негативные настроения россиян чаще всего связаны с проблемами материального характера, острота восприятия которых, после некоторого ослабления в годы «восстановительного роста» (2000–2008), сохраняется на достаточно высоком уровне. Приблизительно каждый четвертый опрошенный россиянин совсем не доволен и еще каждый третий не очень доволен своим материальным положением, тогда как ту или иную степень удовлетворенности этой стороной своей жизни выражает только один из четырех-пяти опрошенных (рис. 2). При этом большинство респондентов из года в год не видят каких-либо изменений в материальном положении своих семей. С 2001 г. по 2021 г. их доля выросла с 52,4 до 59,6%, тогда как доля отмечающих какое-либо улучшение в течение года, предшествующего опросу, после определенных колебаний сократилась с 23,8 до 16,6%, а доля указывающих на ухудшение практически не изменилась, увеличившись с 23,8 до 24,3%.

Примечательно, что уровень удовлетворенности респондентов материальным положением практически не зависит от типа населенного пункта. Можно обратить внимание только на то, что если в начале 2000-х гг. жители региональных центров, т.е. самых крупных городов, оценивали свое материальное положение немного лучше других, то в 2021 г. – немного хуже. Но в то же время в начале 2000-х гг. оценки шансов на улучшение материального положения у горожан и сельчан были примерно одинаковы, тогда как в 2021 г. сельчане стали оценивать перспективы изменений в своем материальном положении несколько лучше, чем горожане.

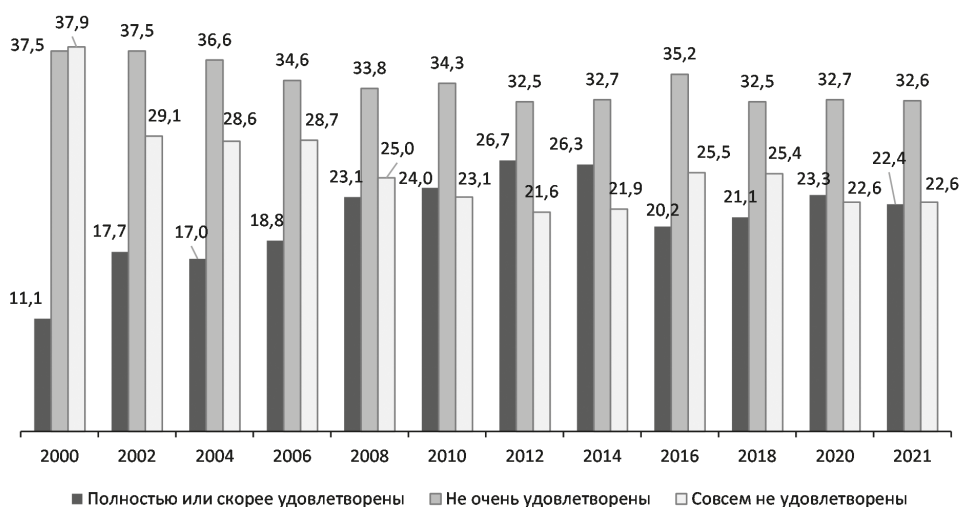

Рис. 2. Динамика удовлетворенности своим материальным положением, 2000–2021 гг. (в %)

Недовольство своим материальным положением во многом является результатом низкой эффективности политики доходов в России, основу которых составляют заработная плата и государственные трансфертные платежи. Заработные платы, пенсии и различные социальные пособия уже давно выплачиваются регулярно и вовремя, однако размеры зарплат и социальных трансфертов, а также расходов на социальную сферу остаются низкими и не соответствуют возможностям государства. Сказывается также отсутствие эффективного механизма перераспределения доходов, способного снизить углубившееся доходное неравенство, наряду с такими проблемами рынка труда, как невысокая мобильность, недостаток высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест, несоответствие образовательных программ актуальным требованиям работодателей и др. Необходимо учитывать и то, что за относительно недолгий постсоветский период россияне пережили три девальвации рубля, которые сопровождались высокими ежегодными уровнями инфляции, что негативно отражалось на материальном положении семей и их покупательной способности.

На протяжении всех лет мониторинга сильное беспокойство у россиян вызывали перспективы сохранения или улучшения собственного материального положения. Но если с 1994 г. по 2010 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, сократилась с 75,7 до 64,8%, то в последующем она менялась незначительно, составив в 2021 г. 63,1%. До половины этих людей, оценивая свои скромные ресурсы, выражали крайнюю степень тревожности.

Корреляционный анализ выявляет значимую двухстороннюю связь между уровнем удовлетворенности своей жизнью и показателями, характеризующими отношение респондентов к материальным аспектам жизни – удовлетворенностью своим материальным положением, оценкой изменения материального положения своей семьи за последний год и уровнем обеспокоенности возможностью обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года (значения коэффициента корреляции Спирмена равны соответственно 0,46; 0,31 и –0,31; корреляция значима на уровне 0,01). Даже среди респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью, только 57,4% в большей или меньшей степени довольны своим материальным положением, а 38% – обеспокоены невозможностью обеспечения себя самым необходимым в ближайшем будущем.

Сопоставление анализируемых показателей убеждает в том, что за последние годы мало что изменилось в восприятии россиянами своего материального положения. Проводившиеся преобразования и экономические кризисы опять поставили россиян перед серьезными вызовами, требующими мобилизации всех своих ресурсов для того, чтобы обеспечить приемлемый уровень материального благосостояния или хотя бы не растерять имеющийся.

Удовлетворенность работой и восприятие угрозы безработицы. К наиболее заметным позитивным тенденциям последних пятнадцати лет можно отнести рост уровня общей удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой. Так, с 2003 г. по 2021 г. доля респондентов из числа занятого населения, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, последовательно выросла с 43,3 до 72,4%. За этот же период уровень удовлетворенности работников условиями труда увеличился с 41,1 до 71,3%; возможностями для профессионального роста – с 30,5 до 57,1%. Единственной стороной труда, вызывающей у большинства работников недовольство, была и остается его оплата. Доля респондентов, в той или иной мере удовлетворенных своими заработками, с 2003 г. по 2014 г. выросла с 19,2 до 39,5% (сказались как рост размера заработной платы, так и значительное сокращение практики задержек ее выплат), но затем менялась незначительно, составив в 2021 г. только 38,3%.

Фактором, усиливающим негативные эмоциональные состояния, является обеспокоенность российских работников угрозой безработицы и отсутствием уверенности в возможности нового трудоустройства в случае непреднамеренного увольнения. Анализ данных мониторинга показывает, что чем более высокой является озабоченность респондентов подобными угрозами, тем ниже их удовлетворенность своей жизнью в целом. Максимальный уровень тревожности в связи с угрозой безработицы был отмечен в 1998 г., когда 68,9% респондентов из числа занятого населения были обеспокоены тем, что могут потерять работу (рис. 3). Но и в дальнейшем этот уровень оставался довольно высоким на фоне низких показателей реальной безработицы: ежегодно испытывали тревогу, опасаясь потерять рабочее место, свыше половины опрошенных работников. Тревоги, связанные с потерей работы, постоянно высоки, потому что в условиях неопределенности гарантии занятости невелики, а практически все материальные проблемы обусловлены утратой заработков.

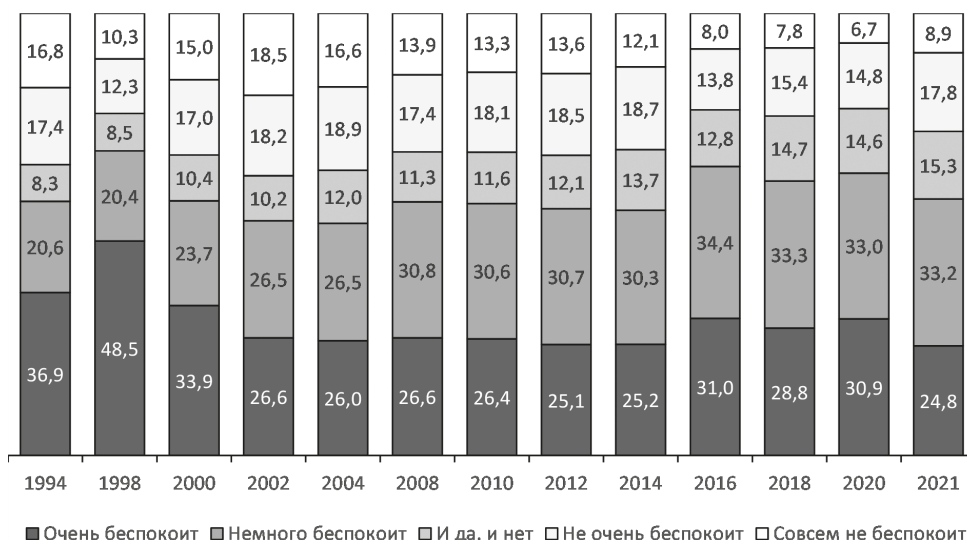

Рис. 3. Динамика обеспокоенности угрозой безработицы, 1994–2021 гг. (в %)

Значительным во все годы было также число респондентов, в большей или меньшей степени не уверенных в том, что в случае увольнения они смогут найти новую работу, не хуже прежней. Доля таких респондентов среди имеющих работу колебалась от минимальных 37,3% в 2012 г. до максимальных 68,8% в 1998 г. В 2021 г. она была близка к минимальному значению, составляя 38,7%. Примерно такой же была доля респондентов, позитивно оценивающих свои шансы на новое трудоустройство (37,4%), а остальные чаще всего выбирали ответ «и да, и нет».

Обобщенное доверие и отношение к неравенству. Уровень обобщенного (генерализованного) доверия в российском обществе остается довольно низким, что мешает формированию эффективного механизма социального согласия и атмосферы добрососедства и взаимопонимания в обществе. При этом исследование выявило заметные позитивные изменения в уровне такого доверия, наблюдавшиеся до 2015 г., которые были отмечены практически во всех социально-демографических группах (рис. 4). Об этом свидетельствует существенное сокращение доли респондентов, полагающих, что с другими людьми всегда надо быть осторожными: с 56% в 2006 г. до 40,5% в 2015 г. Однако в дальнейшем эта позитивная тенденция не получила развития, исчерпав потенциал роста. Намерение доверять другим людям на протяжении всех последних лет демонстрировали немногим более 15% респондентов. Непрерывающаяся череда экономических кризисов, противоречивых политических событий и других неурядиц сдерживает снижение разобщенности и недоверия в обществе.

Формированию более доброжелательной, уважительной атмосферы в обществе во многом препятствует также глубокое социально-экономическое неравенство, которое остается мощным фактором, создающим неравенство возможностей в доступе различных групп населения к образованию, здравоохранению и другим социальным ресурсам. Сегодня проблема расслоения не менее актуальна, чем в начале 1990-х гг. Текущий уровень доходов большинства семей явно не соответствует их потребностям, тогда как небольшая часть живет в непомерной роскоши. Согласно данным Росстата, если в 1995 г. децильный коэффициент фондов составлял 13,5 раза, то в 2021 г. – 15,1 раза. Коэффициент Джини увеличился соответственно с 0,387 и 0,408. Хотя при этом необходимо заметить, что максимальные значения этих показателей пришлось на 2007 г. (соответственно 16,7 раза и 0,422), после которого началось очень медленное снижение².

Рис. 4. Динамика уровня доверия другим людям, 2006–2021 гг. (в %)

² ФСГС РФ. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 25.06.2022).

Таблица 2

Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества между богатыми и бедными (в %)

Возрастные группы	1994				2019			
	позитивная	нейтральная	негативная	неопределенная	позитивная	нейтральная	негативная	неопределенная
14–29 лет	28,4	38,4	31,8	1,4	36,1	38,8	20,5	4,6
30–44 года	19,8	31,9	46,6	1,7	27,6	41,4	28,4	2,6
45–59 лет	17,0	22,3	58,3	2,4	22,3	40,3	35,2	2,2
60 и более лет	12,4	21,5	59,1	7,0	16,4	37,5	42,3	3,8
В целом	19,8	29,2	47,9	3,1	24,3	39,4	33,1	3,2

Вместе с тем, по сравнению с наиболее тяжелыми 1990-ми гг., когда в российском обществе доминировало крайне негативное отношение к частной собственности и богатым, сегодня уровень нетерпимости к социально-экономическому неравенству стал немного ниже. С 1994 г. по 2019 г. доля респондентов, негативно оценивающих возможности взаимопонимания и сотрудничества между богатыми и бедными, сократилась почти в полтора раза – с 47,9 до 33,1% (табл. 2). Это снижение произошло большей частью за счет лиц среднего возраста, молодость которых пришлась на 1990-е – начало 2000-х гг. Но в то же время позитивное мнение постоянно высказывал только один из пяти опрошенных, тогда как большинство остальных соглашались с вариантом ответа «в чем-то возможно, в чем-то нет». Из таблицы 2 также видно, что более молодой возраст заметно улучшает оценки возможности взаимопонимания и сотрудничества между богатыми и бедными. Выявлена хотя и не сильная, но значимая связь между обобщенным доверием и оценками возможности взаимодействия между людьми, находящимися на полюсах богатства и бедности.

Изложенные данные могут говорить о том, что россияне, пережив радикальные реформы, включающие приватизацию и либерализацию цен, постепенно приспособились к условиям рыночной экономики, но, несмотря на это, они не прониклись глубоко либерально-экономической идеологией, наблюдая как свобода очень быстро стала вырождаться в основанную на культе денег и силы вседозволенность. Российские граждане продолжают считать существующее в России социально-экономическое неравенство, являющееся самым острым и болезненным типом социальных неравенств, крайне несправедливым и доверяют богатым не больше, чем в начале реформ. Во многом это можно объяснить огромным и все возрастающим отрывом «верхушки» общества от остальных россиян, «истончением» прослойки, соединяющей ее с большинством небогатого населения [Модель доходной стратификации..., 2018: 301–302], что не может не вызывать раздражения у бедных и малообеспеченных граждан.

Несмотря на наличие хорошо заметных позитивных сдвигов, большинство россиян, как и прежде, не относят себя к материально обеспеченным и обладающим большой властью людям. Это очень хорошо иллюстрируют данные, характеризующие динамику средних самооценок положения респондентов на девятиступенчатых шкалах материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»), представленные на рисунке 5.

В 2021 г. располагали себя на трех нижних ступенях материального благосостояния и власти соответственно 38,7 и 42,3% респондентов, тогда как на трех верхних – всего лишь 4,2 и 9%. Но в то же время многие респонденты, не считая себя материально обеспеченными или обремененными большой властью, выражают уверенность в том, что они пользуются уважением у других людей. На шкале уважения три нижние ступени занимали только 5,3% респондентов, тогда как три верхние – 47%. Несмотря на большие

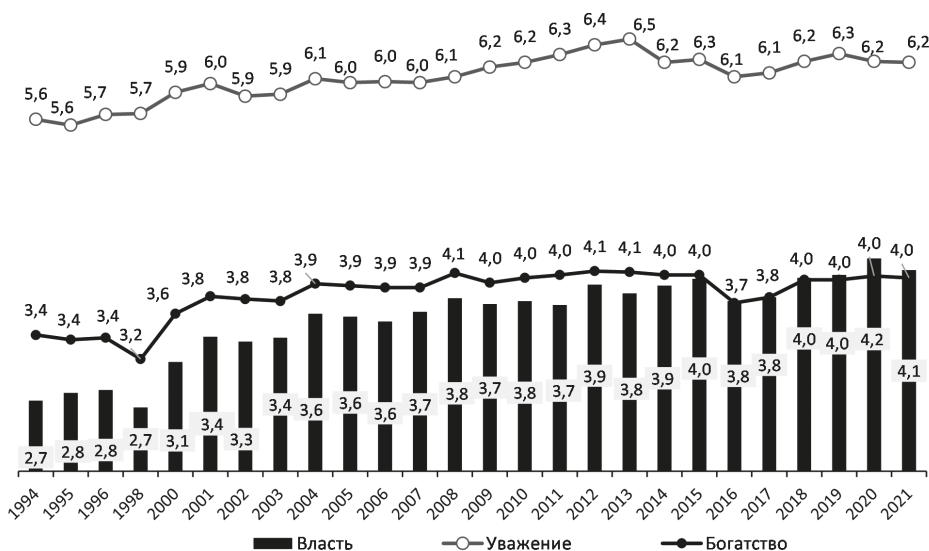

Рис. 5. Динамика самооценок положения респондентов на 9-ступенчатых шкалах уважения, материального благосостояния и власти, 1994–2021 гг. (средние)

трудности жизни в условиях радикальных преобразований и длительной кризисной полосы, большинство россиян не утратили самоуважения, чувства собственного достоинства, стараются сохранить позитивное восприятие своих возможностей, обеспечивающих удовлетворение житейских потребностей и достижение жизненных целей.

Анализ выявляет довольно тесную положительную связь между положением респондентов на шкале уважения и аналогичных шкалах богатства и власти. Коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,51 и 0,55 соответственно (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Гораздо сильнее оказывается связь между положением респондентов на шкалах богатства и власти (коэффициент корреляции – 0,76), что еще раз подтверждает относительную независимость иерархии уважения от иерархий материального благосостояния и власти.

Оценка жизненных перспектив. Продвигающиеся с большим трудом преобразования постсоветского периода обуславливали изменения в мироощущении широких слоев, которые зачастую несли на себе печать разочарований, тревог и социального пессимизма, формируя у их представителей чувство неуверенности в завтрашнем дне. При этом череда экономических кризисов, рост трудностей, обусловленных санкционным давлением западных стран, выявление ограниченности возможностей социальной политики, объективное ухудшение материального положения значительной части граждан, усложнение проблем, связанных с состоянием образования и здравоохранения, – все эти процессы оказались факторами, обусловившими в последнее десятилетие рост неопределенности, характеризующейся неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего.

В условиях возросшей неопределенности большинство россиян не надеялись на лучшее. Как следует из рисунка 6, с 1998 г. по 2012 г. доля респондентов, рассчитывающих на лучшее, выросла с 10,6 до 28,4%, но к концу 2021 г. она уменьшилась до 15,9%. В то же время доля лиц, которые смотрят в будущее с беспокойством и тревогой, полагая, что через год будут жить хуже, за 1998–2012 гг. сократилась с 43,4 до 9,6%, однако к концу 2021 г. выросла до 14,2%. Но наиболее значительным на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось число респондентов, полагающих, что в течение ближайшего года в их жизни ничего не изменится. С 1998 г. по 2021 г. доля таких респондентов выросла с 28,3 до 50,6%. И еще каждый пятый постоянно не мог выразить определенное мнение. Возросшие

Рис. 6. Динамика оценок жизненных перспектив, 1998–2021 гг. (в %)

риски, низкая степень предвидения новых угроз и опасностей, неясность будущих возможностей не позволяли многим россиянам прогнозировать свою жизнь. Люди привыкли жить сегодняшним днем и лишь мечтали о расширении горизонта планирования.

В заключение отметим, что социальное самочувствие, отражающее уровень социального благополучия и благосостояния граждан, является одним из важнейших индикаторов успешности адаптации россиян к меняющимся условиям жизнедеятельности. Трансформационные процессы, развернувшиеся в России тридцать лет назад, сопровождались значительными изменениями социального самочувствия населения, но в последние годы наметилась тенденция определенной стабилизации некоторых важных его характеристик, которая сохранила устойчивость даже в период пандемии коронавирусной инфекции. При всей неоднозначности истоков и содержания нынешнего мироощущения, окрасившего сознание массовых слоев, социально-психологической основой контрастных и вялотекущих стабилизационных процессов явилась возросшая удовлетворенность россиян своей жизнью в целом, которая, однако, остается неустойчивой и далеко не в равной степени характерна для различных групп населения. Позитивные штрихи в социальное самочувствие вносит также выросшая удовлетворенность занятого населения своей работой в целом и многими ее сторонами. И в то же время в нынешней экономической ситуации чрезвычайно характерной особенностью настроений самых широких слоев населения остается значительное недовольство материальным положением и перспективами материального обеспечения своих семей, серьезная озабоченность проблемами занятости и страх перед безработицей. В значительной мере под влиянием фактора возросшей неопределенности в общественном сознании развиваются настроения неуверенности в будущем, в возможности улучшения условий жизни. Зыбкая картина мира, непредсказуемое личное и семейное будущее хотя и не пугают, но психологически угнетают и истощают людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2.
- Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2014. № 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 20.06.2022).

- Козырева П.М. Процессы социальной адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: ЦОЦ, 2004.
- Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–49.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Смирнов В.А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции. Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2020. 26 (3). С. 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42.
- Соболева И.В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57–69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7.
- Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М.К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011.
- Социологические подходы к изучению социального благополучия: [монография] / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Шлыкова Е.В. Профиль «адаптационного социального самочувствия» населения в условиях навязываемого риска // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: ТулГУ, 2017. С. 114–126.

Статья поступила: 11.08.22. Принята к публикации: 10.11.22.

THE EVOLUTION OF RUSSIAN PEOPLE'S SOCIAL WELLBEING DURING THE POST-SOVIET ERA: FROM COLLAPSE TO CONTRASTING STABILITY (1994–2021)

KOZYREVA P.M.***, SMIRNOV A.I.*

*Institute of Sociology of FCTAS RUS, Russia; **National Research University "Higher School of Economics", Russia

Polina M. KOZYREVA, Dr. Sci. (Sociol.), First Deputy Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, National Research University "Higher School of Economics" (pkozyreva@isras.ru); Alexander I. SMIRNOV, Dr. Sci. (Sociol.), Senior researcher at the Institute of Sociology of FCTAS RAS (smir_al@bk.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. Using the data from the "Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics" (RLMS-HSE) as a foundation, this article analyzes the main trends in the evolution of Russian people's social wellbeing in relation to the social adaptation processes prevalent in post-Soviet Russia. Its main focus is to study the dynamics of several key characteristics of social wellbeing, which not only reveals the direction and nature of changes in attitudes at various stages of post-Soviet reformation, but also helps broaden our perspective when it comes to the scope of the Russian people's adaptation to life in an evolving society. It reveals that the transition to a new reality did not coincide with any significant shifts in social wellbeing characteristics, while the stability achieved in recent years appears to be fragile and ripe with internal contradictions in a situation of crisis and uncertainty.

Keywords: uncertainty, post-Soviet society, social adaptation, social wellbeing, social status, transformation.

REFERENCES

- Chernysh M.F., Epikhina Ya.B. (eds) (2021) *Sociological approaches to the study of social well-being*. [monograph]. Moscow: FNIITS RAN. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (ed.) (2011) *Social Well-Being of the Population Under Reforms: A Regional Aspect*. Moscow–St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2019) Social outcomes of the post-soviet transformations *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2. (In Russ.)

- Gritsenko G.D. (2014) Social wellbeing and social adaptation: the correlation of the notions. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Universum: Social Sciences: Electron. scientific magazine]. No. 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (accessed 20.06.2022). (In Russ.)
- Kozyreva P.M. (2004) *The processes of social adaptation and the evolution of the social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: TSOTS. (In Russ.)
- Mikhaylova L.I. (2010) Russians' social well-being and perception of the future. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 3: 45–59. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.) (2018) *Model of income stratification of the Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Shlykova E.V. (2017) Profile of "adaptive social well-being" of the population in the conditions imposed on risk. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki* [News of the Tula state university. Humanitarian sciences]. No. 1: 114–126. (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2020) *Factors of public well-being of residents of the Russian province*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science]. 26 (3): 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42. (In Russ.)
- Soboleva I.V. (2019) Social well-being of entrepreneurs and employees in small business. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 57–69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1998) Social mood – a phenomenon of modern sociological theory and practice. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 21–35. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis)*. Moscow: VES MIR. (In Russ.)

Received: 11.08.22. Accepted: 10.11.22.

А.А. МОСКОВСКАЯ, И.П. ПОПОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: УРОКИ ВЫБОРОЧНЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (2008–2021)

МОСКОВСКАЯ Александра Александровна – кандидат экономических наук, директор Центра социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (amoskovskaya@hse.ru); ПОПОВА Ирина Петровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник того же Центра (irina_popova@list.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу проблематики и оценке результатов эмпирических исследований социального предпринимательства в России, начиная от первых лет его изучения в 2008 г. до исследования 2021 г., которое обозначило альтернативы в его развитии. Показано, как развивалось научное знание о социальном предпринимательстве до настоящего времени и какие противоречия привели его к сегодняшнему состоянию неопределенности в России. Сделаны выводы о барьерах формирования социальных предпринимателей как социальной группы, что связано как с их характеристиками, готовностью к социальным изменениям и лидерству в развитии локальных сообществ, так и с институциональным контекстом, в котором значительную роль играет государство.

Ключевые слова: социальное предпринимательство • социальное предприятие • предприниматели • НКО • эмпирические исследования

DOI: 10.31857/S013216250020296-8

Предпосылки и задачи исследования. В литературе о социальном предпринимательстве (СП) стало общим местом говорить о разнообразии его форм и многочисленности определений [Bacq, Janssen, 2011; Mair et al., 2012; Dacin et al., 2010]. Несмотря на это, большинство определений опираются на один из двух подходов. Первый фокусируется на гибридной природе организаций СП – предприятиях, преследующих «двойную результативность» (“double bottom-line”¹), т.е. стремящихся к максимизации социального результата на основе рыночных механизмов обмена. В связи с этим говорится о «бизнесоподобном» (business-like) поведении для реализации социальной миссии [Dart, 2004; Doherty et al., 2014]. Второй подход ориентирован на новаторство и качественное преобразование положения целевых социальных групп. В этом случае основное внимание обращено к новаторским подходам и качеству социальных преобразований СП [Leadbeater, 1997; Alvord et al., 2004; Mair, Schoen, 2007].

В России СП как предмет экспертных дискуссий и научных исследований рассматривается со второй половины 2000-х гг. Появляются научные обзоры [Баталина и др., 2008], проводятся первые эмпирические исследования (ЦИРКОН, 2008; НИУ ВШЭ, 2009; GEM, 2009). Появление интереса к СП в России почти совпало с созданием в конце 2007 г. Фонда региональных социальных программ «Наше будущее» (далее Фонд «Наше будущее»), который специализируется на поддержке социального предпринимательства и с 2009 г. организует открытые конкурсы для социальных предпринимателей. Создание Фонда

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ, проект № 20-511-00047.

¹ Некоторые говорят и о “triple bottom-line”, если различать социальную и экологическую миссию СП.

способствовало развитию дискуссий о новых организациях, ставящих на первое место решение социальных проблем, сохраняя предпринимательскую природу.

Попытка сформировать список значимых эмпирических исследований на основе научных публикаций показала, что многие серьезные исследования остаются малоизвестными. Некоторые эмпирические проекты дали жизнь только одной научной публикации, ряд других не присутствует в научной литературе вовсе, если не считать аналитического отчета на сайте или презентаций на научных мероприятиях. На наш взгляд, анализ основных эмпирических исследований СП в России представляет научный и практический интерес для понимания его настоящего и будущего.

Наработанный за эти годы исследовательский материал можно условно разбить по следующим основным темам: *социальные предприниматели: личность, социальная группа, лидерство; специфика и модели СП; проблемы институционализации СП; место СП в общественном мнении и СМИ; взаимодействие социальных предприятий с государством*

Таблица

Исследования социального предпринимательства по основным тематическим направлениям

Основные темы / тематические направления	Исследования (название, организация, год, источник финансирования)
Социальные предприниматели: личность и социальная группа, лидерство	– «Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики», АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2012–2013 гг., при поддержке Фонда «Наше будущее»; рук. И. Задорин – «Социальный предприниматель-2018. Автопортрет», Исследовательская группа ЦИРКОН и Social Business Group, при участии Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ (далее – ЦСП НИУ ВШЭ), 2018, при поддержке Фонда «Наше будущее» и Рыбаков Фонда; рук. И. Задорин и И. Климов – «Социальное предпринимательство как форма гражданского участия, ФОМ», 2013 г., рук. Е. Петренко; исследование является частью проекта «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах», ФОМ, 2013–2014 гг., при поддержке Фонда ИСЭПИ – «Социальное предпринимательство как драйвер развития социокультурной среды малых территорий», НИУ ВШЭ в СПб., РГПУ им. А. Герцена, 2018–2019 гг.; рук. С. Богуславская, К. Кузьмина, Н. Рождественская
Специфика и модели СП	– Пилотный проект «Исследование моделей социального предпринимательства в России», ЦСП НИУ ВШЭ, 2009, при поддержке Оксфам Великобритании, 2009 г., рук. М. Мамута и А. Московская – Глобальный мониторинг предпринимательства в России, Высшая школа бизнеса СПбГУ (далее ВШБ СПбГУ) и НИУ ВШЭ, Global Entrepreneurship Monitor (GEM). Russia, 2009 г.² Рук.: в СПбГУ – О. Верховская, в НИУ ВШЭ, Москва – А. Чепуренко – «Бизнес-модели в социальном предпринимательстве», инициативное исследование Ю. Арай, 2017 г., на основе анализа бизнес-планов учащихся по программе ДПО «Управление проектами в области социального предпринимательства», реализованной в ВШМ СПбГУ в 2012–2014 гг. при поддержке Фонда Citi
Вопросы институционализации СП	– «Социальное предпринимательство на рынке социальных услуг в России: модели, акторы и способы институционализации в контексте Международного сравнительного исследования моделей социальных предприятий» ICSEM, ЦСП НИУ ВШЭ, 2015 г., при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, рук. А. Московская – «Ландшафт социального предпринимательства в России», инициативный проект ЦСП НИУ ВШЭ, 2017 г., рук. А. Московская

² Исследования в рамках GEM проводятся в России с 2006 г., URL.: <https://www.gemconsortium.org/economy-profiles/russia> (дата обращения: 06.05.2022). В 2009 г. в него включены вопросы о социальном предпринимательстве [Verkhovskaia et al., 2009].

Окончание таблицы

Основные темы / тематические направления	Исследования (название, организация, год, источник финансирования)
Место СП в общественном мнении и СМИ	– «Восприятие социального предпринимательства населением России», Группа Циркон, 2008, 2011, 2012, 2013 гг., при поддержке Фонда «Наше будущее». В 2015 г.: инициативное исследование группы ЦИРКОН. Рук. И. Задорин – «Отражение социального предпринимательства в средствах массовой информации», Скай Продакшн по заказу Фонда «Наше будущее», науч. рук. С. Давыдов
Взаимодействие СП с государством и основными стейкхолдерами	– «Информационный поиск и анализ вторичных источников о проектах, реализующих принципы социального предпринимательства в российских регионах», исследовательская группа "Циркон", 2008 г., при поддержке Фонда «Наше будущее», рук. Н. Возжова – Сравнительное исследование лучшей международной практики социального предпринимательства, ЦСП НИУ ВШЭ, 2011–2012 гг., при поддержке Фонда «Наше будущее», рук. А. Московская – «Социальное предпринимательство в России: образ будущего и перспективы развития», инициативное исследование ЦИРКОН и Social business group при поддержке Фонда «Наше будущее», 2021 г., рук. И. Задорин

Источник: собрано авторами на основе открытых источников, публикаций в научных журналах. Добавлены исследования, в которых авторы статьи принимали участие как руководители, эксперты или дискуссанты.

и основными стейкхолдерами. В таблице исследования сгруппированы по тематическим направлениям, которые, с нашей точки зрения, являются преобладающими для них. Этот подход помогает избежать повторения одних и тех же исследований в разных тематических блоках, хотя привязывание целого исследования к одному тематическому направлению иногда не лишено натяжки: многие исследования включают не одну, а несколько тем, это оговаривается в тексте.

Социальные предприниматели: личность, социальная группа, лидеры перемен.

В ранних международных исследованиях первое, на что начали обращать внимание исследователи, – это характеристики личности социальных предпринимателей: их мотивация, жизненный и профессиональный опыт. Однако быстро выяснилось, что вклад социального предпринимателя определяется не его личными чертами, а тем, что он делает [Dees, 2001; Alvord et al., 2004]. Исследование ЦИРКОН «Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики» фокусировалось на ценностях и мотивации людей, определяющих их поведение. В декабре 2012 – феврале 2013 г. опрошено 102 предпринимателя, для участия приглашались победители конкурсов Фондов «Наше будущее» и «Навстречу переменам», учащиеся программы дополнительного обучения Высшей школы менеджмента СПбГУ «Управление проектами в области социального предпринимательства» и др. Частично использовался инструментарий проведенного ранее группой ЦИРКОН опроса представителей малого бизнеса. Исследование включало расчет комплексных показателей – индексов склонности к СП, по совокупности ответов на разные вопросы анкеты. На основе четырех комплексных индексов рассчитывался сводный для каждого респондента и для всей их совокупности. Был сделан вывод о том, что в России постепенно формируется особый предпринимательский слой, который отличается от «конвенциональных» предпринимателей по ценностным ориентациям, социальной ответственности и инновационному мышлению. Среди них больше женщин, представителей среднего возраста (от 30 до 50 лет), людей с высшим образованием. Исследование зафиксировало признаки формирования сообщества социальных предпринимателей, многие из них знали друг друга, и, по мнению 75% опрошенных, назрела необходимость в ассоциации социальных предпринимателей [Шубина и др., 2013].

Позже с дополнениями ЦИРКОН провел исследование еще раз под названием «Социальный предприниматель – 2018» ($N=155$). Оно частично подтвердило выводы 2013 г. об отличиях группы социальных предпринимателей от представителей конвенционального бизнеса и населения в целом. Подтверждены ценности социальной ответственности, заботы о других, реализации выбранной социальной миссии. Одновременно в этом исследовании отчетливее прозвучала индивидуалистическая мотивация – независимость, стремление к успеху, ценности личностного роста, понимаемого как саморазвитие, получение нового личного опыта. Возможно, именно открытость новому может служить здесь триггером готовности к инновациям. Что касается прямых вопросов об инновациях и социальных изменениях, они оказались на втором плане и без подсказок опросника в открытых вопросах респондентами выделялись не так часто.

Исследование 2018 г. не выявило роста сплоченности и притязаний на защиту общих групповых интересов. Отсутствие явного запроса на объединение, на создание социальной группы хорошо согласуется с индивидуалистической мотивацией. Последняя, как это ни парадоксально, имеет оборотной стороной невысокие притязания на лидерство в производстве социальных изменений. В международных исследованиях СП лидерство рассматривается не как индивидуальное качество – способность руководить другими, а как способность объединить людей вокруг общей цели. Целью в случае СП является социальное изменение, выходящее за рамки интересов непосредственных участников предприятия [Alvord et al., 2004]. Запрос на такое лидерство и такие изменения в России наблюдается не у многих, это – скорее планы неопределенного будущего, чем программа действий, что существенно отличает российские кейсы от иностранных [Московская и др., 2011].

Одной из причин сдерживания формирования сообщества социальных предпринимателей (внутренних связей, общих интересов) служит ее высокая гетерогенность и неустойчивость экономического положения. В исследовании 2018 г. отмечается, что многие участники 2013 г. к моменту повторного опроса либо прекратили предпринимательскую деятельность, либо остались в бизнесе, но отошли от СП, большинство из них отказались участвовать в опросе 2018 г. [Социальный..., 2018].

Тема лидерства часто возникает при обсуждении предпринимательства. Но применительно к СП это не героизм одиночки или победа в конкуренции, а активизация гражданского участия в интересах преобразования жизни людей, часто – местных сообществ, где социальный предприниматель служит катализатором, драйвером изменений. Примеры такого рода мы находим в России в двух исследованиях малых территорий.

Проект ФОМ «Социальное предпринимательство как форма гражданского участия» (рук. проекта Е.С. Петренко³) был частью более широкого проекта 2013–2014 гг. «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах», реализованного при поддержке Фонда ИСЭПИ. Авторы проверяли гипотезу о том, что СП может быть источником тех социальных изменений, которые выходят за рамки проектного плана [Климова, Климов, 2015: 270]. Анализ материалов 15 социальных предприятий позволил описать феномен так называемого социально-культурного проекта, в котором реализация социальной миссии СП обеспечивает также создание новой ценностной и коммуникативной среды. По мнению авторов, это происходит на основе диверсификации задач СП с ориентацией на разные слои потребителей [там же: 299].

В другом исследовании коллег из Санкт-Петербурга СП также рассматривается как драйвер изменений социокультурной среды малых территорий (НИУ ВШЭ в СПб., РГПУ им. А. Герцена, 2018–2019 гг.). В нескольких районах Ленинградской и Архангельской областей было проведено 48 полуструктурированных интервью с участниками проектов и организаций СП с целью оценки воздействия социальных инноваций, формируемых проектами СП, на социальные связи между акторами внутри малых территорий и создание

³ В разработке темы принимали участие: И.А. Климов (НИУ ВШЭ), И.В. Щербакова (ИС РАН), И.И. Иванова (ФОМ), Ю.А. Кот (ФОМ).

новых моделей поведения. Опыт показал, что между акторами возникло некоммерческое и коммерческое партнерство. В результате такой кооперации создавались взаимодополняющие товары и услуги, возникали новые устойчивые площадки и сети взаимодействия, которые включали участников социальных проектов, представителей местного бизнеса и населения территорий [Богуславская и др., 2021].

На этот же подход, при котором социальный предприниматель или социальный новатор рассматривается как драйвер социальных изменений, было рассчитано и исследование Центра «СОЛЬ» с многообещающим названием «СоцЧейн»⁴. Мы не рассматриваем его здесь подробно из-за ряда методологических отступлений от критериев научного исследования, авторы и не претендовали на него. Вместе с тем задумка опереться на категорию «лидер перемен», выявить сферы, в которых лидерство привело к качественным социальным изменениям, и проверить гипотезу, не являются ли связи между «лидерами перемен» из разных сфер деятельности фактором успешности инноваций в каждой из них, могла бы стать предметом научного исследования как СП, так и социальных инноваций.

Специфика и модели функционирования СП. Для многих международных исследователей конвенциональным в определении СП считается присутствие трех составляющих: 1) первенство социальной миссии, состоящей в предложении социального блага, в котором нуждаются и которое недоступно для ряда категорий людей; 2) новаторский подход к производству и/или предоставлению такого социального блага; 3) экономическая устойчивость социального предприятия, обеспеченная встраиванием в рыночные взаимодействия путем продажи товаров и услуг [Huybrechts, Nicholls, 2012; Mair, Marti, 2006].

Разработка моделей СП позволяет решить многие исследовательские вопросы, прежде всего – объяснить разнообразие его форм в разных странах и показать, что они относятся к одному и тому же феномену. Для этого необходимо связать действующие в той или иной стране формы социальных предприятий с организационным ландшафтом, общественными институтами, различными видами капитала (экономического, социального, человеческого, политического) и участием заинтересованных сторон в управлении организацией⁵ [Mair et al., 2012; Mair et al., 2015].

Первое исследование моделей СП в России проведено в 2009 г. в рамках «Пилотного проекта по изучению деятельности организаций социального предпринимательства», организованного в сотрудничестве с Российским микрофинансовым центром и при поддержке Оксфам Великобритании (2009). Эмпирической базой стали данные фокусированных полуструктурированных интервью с представителями 10 организаций СП из 7 регионов России, с использованием методологии case-study. Интервью проводились с основателями социальных предприятий и с их независимыми партнерами и потребителями. Среди партнеров оказались государственные и частные предприятия, государственные структуры поддержки малого предпринимательства, региональные службы занятости, микрофинансовые организации и НКО. В основе отбора было представление разнообразия организаций, регионов и видов деятельности.

Среди ключевых факторов внешней среды, оказывающих влияние на успешное развитие СП и его специфику, – стабильность нормативно-правовых условий; учет баланса преимуществ и ограничений, связанных с выбором организационно-правовой формы предприятия; гибкость или ригидность местных органов власти, способных отзываться на предложения социальных предпринимателей; открытость социальных предпринимателей к поиску новых партнеров; соотношение в хозяйственном обороте предприятия рыночных сделок, обмена дарами, бартера, волонтерства, бесплатной поддержки целевых

⁴ «СоцЧейн: Карта лидеров изменений в социальной сфере». Центр содействия инновациям в обществе «СОЛЬ», рук. Ж. Асфари, 2018 г., при поддержке фонда «Друзья» и фонда RVVZ.

⁵ Для западных демократий управление в таких случаях означает «governance». В некоторых европейских подходах к определению СП «democratic governance» служит защитой социальной миссии от чисто коммерческого уклона и распределения дохода социального предприятия в пользу собственников или менеджеров [Defourny, Nyssens, 2010].

групп. Оказалось, что самые необычные сочетания указанных факторов способны обеспечивать работающие предприятия [Московская и др., 2011; Попова, 2012].

В первых российских работах по изучению СП было важно опереться на международный опыт и сравнительные исследования. Такое сравнение стало возможно на базе глобального мониторинга предпринимательства Global Entrepreneurship Monitor (GEM), который в 2009 г. для всех стран содержал дополнительный список вопросов по СП. Вопросы включались в опросы населения и экспертов. Проект реализовывался в России двумя исследовательскими группами – из ВШБ СПбГУ и НИУ ВШЭ [Verkhovskaia et al., 2009]. Выяснилось, что на момент исследования Россия имела самые низкие показатели развития СП среди всех участников, включая развивающиеся страны. Была разработана типология СП, основанная на характеристиках: преобладание социальной миссии над экономическими задачами; получение дохода от основной деятельности; наличие инновационного вклада. Наличие или отсутствие той или иной характеристики позволило выделить четыре вида социальных предприятий. Если в среднем по обследованным странам наиболее распространены формами СП были социально ориентированные предпринимательские организации НКО (24%) и гибридные организации, где достижение социальной миссии сопровождается доходной деятельностью (23%), то в российской выборке ни их, ни коммерческих, социально ориентированных фирм не оказалось. Обнаружены только традиционные НКО (28%) и социально ответственный бизнес (72%). Это неудивительно, если вспомнить, что 2009 г. стал для России первым годом организации открытых конкурсов СП Фондом «Наше будущее», а до 2007 г. о СП в России почти никто не знал. В то же время сегодня по-прежнему актуальны комментарии экспертов GEM 2009 г. о том, что низкое развитие СП часто обусловлено отсутствием традиции обращения бизнеса к вопросам, беспокоящим общество, недостаточной поддержкой СП со стороны общественных и государственных институтов, отсутствием предоставления преимуществ для организаций СП в конкуренции с конвенциональным бизнесом [Verkhovskaia et al., 2009].

Польза изучения типов социальных предприятий может состоять в исследовании их бизнес-моделей. В 2018 г. проведено инициативное качественное исследование бизнес-планов 77 социально-предпринимательских фирм/проектов выпускников программы ДПО «Управление проектами в области социального предпринимательства» (ВШМ СПбГУ). Из 137 проектов защитившихся слушателей были отобраны 77, которые удовлетворяли принципам СП. Группировка осуществлялась на основе пересечения двух признаков: 1) место целевой группы благополучателей в производственном цикле социального предприятия (поставщики, работники или конечные потребители); 2) источник основных финансовых средств (благополучатель или третья сторона) [Арай, 2018]. Несмотря на ограниченность выборки (из моделей выпала распространенная в мире и в России категория социальных предприятий, где основным благополучателем является работник предприятия⁶), исследование интересно и как способ проверки работы в российских условиях международных моделей СП [Hockerts, 2015], и в целях создания адекватных условий его развития. Не случайно принцип положения целевой группы в производственном цикле социального предприятия лег позднее в основу законодательства о социальном предпринимательстве в России⁷.

Вопросы институционализации социального предпринимательства. В 2015 и в 2017 гг. ЦСП НИУ ВШЭ предпринял ряд исследований, которые объединяют институциональный взгляд на развитие СП и попытка связать институционализацию СП

⁶ Социальные предприятия трудовой интеграции – так называемые WISEs, work integration social enterprises.

⁷ Речь идет о поправках в Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» (209-ФЗ от 24.07.2007), утвержденных в июле 2019 г. и введших понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие» в законодательное поле. Закон установил четыре альтернативных условия признания организации социальным предприятием, три из которых определяются местом благополучателя в производственном цикле социального предприятия.

с доминирующими представлениями о нем со стороны основных общественных акторов – представителей государства, крупного бизнеса, НКО и самих социальных предпринимателей. Исследование «Социальное предпринимательство на рынке социальных услуг в России: модели, акторы и способы институционализации (в контексте Международного сравнительного исследования моделей социальных предприятий ICSEM)» проведено в 2015 г. Поскольку оно было частью указанного международного исследования, мы использовали общую для всех стран-участниц анкету в качестве гайда полуструктурированных интервью с российскими социальными предпринимателями (45 интервью из семи регионов России). Проводилось также выявление ведущих дискурсов СП среди НКО (анализ сайтов ресурсных центров НКО и опрос учащихся акселерационной программы НКО по теме СП), крупного бизнеса и государства (выступления на форумах, посвященных СП). Идея была в том, чтобы сформулировать доминирующие образы СП в дискурсах заинтересованных сторон и посмотреть, как они согласуются между собой. В ходе исследования выявлены четыре модели: 1) «социальный бизнес» (СП=бизнес в социальной сфере; 2) «идеальный бизнес» (любой бизнес – это СП, если он ответственный); 3) СП – это предпринимательская деятельность НКО, но лучше называться НКО, чем СП; 4) СП – особые «гибридные организации» (организации с социальной миссией, сочетающие черты коммерческой и некоммерческой деятельности). Первый дискурс продвигался преимущественно государством⁸, второй – бизнесом, третий – НКО, четвертый – заметной частью действующих социальных предприятий. 1-я и 4-я модели оказались устойчивыми.

Исследование, проведенное в 2017 г. той же группой участников, развивало тему предыдущего и одновременно подняло вопрос о противоречиях, которые вносят разные дискурсы СП в процесс его институционализации. В 2017 г. на основе количественного анализа 202 социальных предприятий расхождения в дискурсах заинтересованных сторон были уточнены – государство и бизнес поддерживали модель социального бизнеса, а НКО, уже занимающиеся СП, оказались на стороне гибридной модели. В результате нами был поднят вопрос о рисках замещения деятельности, направленной на помощь уязвимым социальным группам («гибридная» модель СП), платными услугами для платежеспособных клиентов (модель «социального бизнеса» или «бизнеса в социальной сфере»). Конфликт двух основных «проектов легитимации» СП не только сдерживал понимание и признание новой практики, но и грозил подавлением проектом государства гибридной природы СП [Московская и др., 2017].

Отражение СП в общественном мнении и медиапространстве. На протяжении 2008–2015 гг. исследовательская группа ЦИРКОН под руководством И. Задорина на основе всероссийской репрезентативной выборки (1600–1605 чел.) проводила исследования общественного мнения об отношении к СП. В 2008, 2011, 2012, 2013 гг. они были поддержаны Фондом «Наше будущее». В 2015 г. это был инициативный проект самого ЦИРКОНа, призванный оценить произошедшие сдвиги. Сравнение данных 2015 и 2008 гг. не подтвердило того, что тема СП «пошла в массы». Некоторая положительная динамика наблюдается лишь в общественных ожиданиях. Если в 2008 г. доля тех, кто считал развитие СП маловероятным, невероятным или затруднился ответить, составляла 65 против 35% допускающих его развитие в близком или отдаленном будущем, к 2015 г. позиции «пессимистов» и «оптимистов» сравнялись. Что касается информированности россиян об СП, то его уровень за исследованный период практически не изменился.

О чем это говорит? С одной стороны, несмотря на рост числа участников конкурсов СП, абсолютное число социальных предприятий остается слишком низким, чтобы быть замеченным населением. С другой стороны, у населения нет канала наблюдения за социальными предпринимателями, так как в СМИ СП имеет редкое и часто невыразительное звучание.

⁸ Отметим, что поддержка государством того или иного дискурса о социальном предпринимательстве служит источником давления на практику предприятий не только в России, но и, например, в Великобритании [Teasdale, 2012].

Исследование СМИ, проведенное в 2016 г. по заказу Фонда «Наше будущее» исследователями медиа-коммуникаций НИУ ВШЭ (Скай Продакшн, рук. С. Давыдов), было посвящено сравнительному анализу публикаций о СП в СМИ России, США и Великобритании на основе контент-анализа изданий. Его дополняли полуструктурированные интервью с российскими экспертами – специалистами вузов и представителями СМИ. Выяснилось, что публикации в разных странах сильно разнятся по преобладающим жанрам. Если в России подавляющее большинство публикаций о СП создавалось в жанре новости или информационной заметки (73% в центральных и 83% в региональных изданиях), то в США и Великобритании в этом жанре делалось менее половины. Большая часть публикаций относилась либо к аналитическим статьям, либо к колумнистике, которая отличается периодичностью и отражает мнение популярных у читателей авторов. В России интеллектуальные и личностно окрашенные публикации составляют в 2–3 раза меньшую долю. Эти результаты объяснимы, если иметь в виду, что российские СМИ, с одной стороны, ориентируются на массовые запросы, с другой – на запросы государства, в политике которого СП не занимает значительного места.

Взаимодействие СП с государством и основными стейкхолдерами: барьеры и проблемы развития. Выше мы говорили о стейкхолдерах как источнике легитимации новой практики СП и противоречиях на этом пути. Далее рассмотрим вопросы роли стейкхолдеров в деятельности социальных предприятий. Первым российским эмпирическим исследованием, связавшим вопрос о потенциальных стейкхолдерах СП с деятельностью НКО, стало исследование группы ЦИРКОН в 2008 г. Его цель – информационный поиск и анализ вторичных источников о проектах, реализующих принципы социального предпринимательства в российских регионах⁹. Исследование базировалось также на анализе интервью руководителей ресурсных центров НКО¹⁰, собранных в 10 регионах России методом экспертного опроса.

К потенциальным социальным предприятиям в исследовании отнесены НКО, ориентированные на социальные услуги и имеющие опыт коммерческой деятельности, а также сотрудничество благотворительных организаций с малым бизнесом. В качестве перспективных сфер деятельности рассматривалась помощь «новым» целевым группам благотворительных организаций – в жилищной сфере, в сфере образования, досуга, просветительских программ. Эта работа позволила сформулировать основные группы проблем в развитии СП на базе НКО – таких как непонимание представителями НКО природы СП и логики принятия решений, существование устойчивых стереотипов о несовместимости предпринимательства и деятельности в общественных интересах; необходимость законодательного оформления СП и помощи в привлечении финансовых средств, особенно на начальном этапе его развития. Этот подход не теряет актуальности и сегодня с учетом того, что государство не закрыло для НКО путь в СП, поскольку государственные грантовые конкурсы федерального и регионального уровней нередко содержат номинацию «социальное предпринимательство».

В 2012 г. в ЦСП НИУ ВШЭ проведено исследование лучшей международной практики СП (рук. А. Московская при поддержке Фонда «Наше будущее»), которое дало пищу для размышлений о границах влияния стейкхолдеров на деятельность социальных предприятий. Первоначально планировалось участие иностранных и российских социальных предпринимателей, но затем Фонд предложил ограничиться изучением лучшего международного опыта. В опросе приняли участие 125 социальных предпринимателей из 38 стран мира – победители международных конкурсов СП, проводимых глобальной организацией «Ашока» (Ashoka) и Фондом Сколла (Skoll Foundation). Опрос проходил методом

⁹ Возжова Н.П., Комисаров А.А., Шубина Л.В. Информационный поиск и анализ вторичных источников о проектах, реализующих принципы социального предпринимательства в российских регионах. 2008. URL: zircon.ru (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁰ Для международных исследований характерно относить тему СП к сфере исследований некоммерческого сектора («неприбыльных организаций», not-for-profit) или «третьего сектора».

формализованного онлайн-анкетирования. Рекрутирование респондентов осуществлялось по имеющимся электронным адресам и персональным приглашениям через социальные сети. Анкета предназначалась руководителям социальных предприятий и размещалась онлайн на английском и испанском языках.

Одной из центральных тем стала проверка гипотезы о зависимости социальных предприятий от более сильных стейкхолдеров, анализировались структура доходов организаций и отношения с государством. Выяснилось, что зависимость СП от государственных органов власти и других стейкхолдеров (например, грантодателей, местных сообществ) не является доминирующим фактором в деятельности социального предприятия, хотя большинство респондентов признавали их значимость, как и желательность государственного финансирования. В целом представители лучшей практики СП оказались весьма независимыми социальными и экономическими акторами и придерживались несхожих взглядов, в том числе на социальную отчетность. Ответы колебались от максимальной открытости перед стейкхолдерами, включая публикацию финансовой отчетности, до коротких опросов получателей услуг для внутреннего пользования организации [Oberemko et al., 2013].

Тема стейкхолдеров получила продолжение в исследовании ЦИРКОН «Социальное предпринимательство в России: образ будущего и перспективы развития» в 2021 г.¹¹ В нем приняли участие около 70 экспертов – известных специалистов, представляющих органы управления, бизнес-структуры, институты развития (фонды), научно-исследовательские учреждения и собственно социальные предприятия. Метод экспертного сценарно-прогностического мониторинга включал анкетный, экспертный опросы и офлайн-онлайн сессии. Это исследование проводилось после законодательного оформления СП и формирования государственных реестров социальных предприятий. Тем неожиданнее был основной его результат – признание неопределенности и многовариантности развития СП в России. Авторы даже вывели такую формулу: «неопределенность образа будущего СП». Другим важным выводом стало отсутствие единодушия экспертов и по тому, что собой представляет социальное предпринимательство, и по тому, каким может быть наиболее вероятный сценарий его развития. Эксперты проявили единодушие лишь в одном – все они признали, что решающее значение в формировании сценариев развития СП играют внешние для него силы: государство, крупный бизнес и частные некоммерческие фонды.

Заключение. Проведенные эмпирические исследования могут многое рассказать о специфике и проблемах развития СП в России, в том числе для будущих исследований. Формирование социальных предпринимателей как социальной группы до сих пор не состоялось. Совокупность социальных предприятий становится все менее однородной, значительную часть социальных предпринимателей мало что связывает между собой. Это касается различий не только в составе благополучателей или бизнес-моделей, но и в ценностях. Несмотря на приверженность помощи другим и социальную ответственность, значительная часть социальных предпринимателей движимы индивидуалистическими мотивами, свойственными конвенциональному бизнесу, – личностный рост, стремление к успеху, саморазвитие, самореализация, – за всем этим не просматривается стремления к интеграции и формированию сообщества, включая сообщество тех, кому СП помогает.

С идентификацией социального предпринимателя в международной литературе тесно связан вопрос о лидерстве в достижении социальных перемен. Опросы ЦИРКОНа не только показывают, что многие социальные предприниматели не считают новаторство первоочередным свойством СП, а если и считают, то видят инновации скорее как внутреннее свойство, технический прием, облегчающий деятельность предприятий, но

¹¹ Социальное предпринимательство в России: образ будущего и перспективы развития. Краткое резюме по результатам экспертного исследования. 2021 г. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/04f/sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezyume-issledovaniya.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

дистанцируются от понимания инноваций как качественных изменений за пределами организации, в сообществах. Такой подход к новаторству существенно отличается от того, как видится СП международным экспертам.

Существует большой нереализованный потенциал исследования моделей социальных предприятий в России. В то же время модели, выявленные исследователями, связаны с институциональным контекстом, в который следует вписываться социальным предприятиям. Но если такое вписывание сопряжено с большим числом ограничивающих норм и соблюдением большого числа условий, социальные предприниматели потеряют интерес к поиску инновационных решений и вообще расширению. В таких условиях выгодным может стать статус «номинального социального предприятия». Такие риски есть во многих странах, но в России они выше из-за более высокого вмешательства государства в экономику.

Для дальнейшего развития СП важно обратить внимание на замечания проекта GEM. С одной стороны, государству необходимо предоставить конкурентные преимущества социальным предприятиям, коль скоро они берут на себя повышенные социальные обязательства. С другой – в ряде стран именно крупные компании первыми отзываются на запросы населения, становясь примером развития СП. В России для взаимодействия общества с бизнесом нет прямых каналов, их заменяет государство. Именно с этим связано замечание экспертов GEM об отсутствии в России традиции обращения бизнеса к вопросам, беспокоящим общество. Социальные предприятия могли бы стать таким каналом, но пока это – единичные случаи. Установление более тесных связей СП с сообществами и их интересами повысит ценность СП и для граждан, и для многих стейкхолдеров, что сделает определенной и многообещающей картину будущего развития СП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арай Ю. Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: подход к построению типологии // Российский журнал менеджмента. 2018. № 16 (2). С. 253–272.
- Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России / ГУ–ВШЭ. Науч. рук. А. Московская / Препринт WP-1/2008/02. Сер. «Институциональные проблемы российской экономики». М., 2008.
- Богуславская С.Б., Кузьмина К.А., Рождественская Н.В. Социальное предпринимательство как драйвер развития социокультурной среды малых территорий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 85–100.
- Климова С.Г., Климов И.А. Модернизационные эффекты социального предпринимательства // Петербургская социология сегодня – 2015: Сб. науч. тр. Социологического института РАН. Вып. 6. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Московская А.А., Берендяев А.А., Москвина А.Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 31–51.
- Попова И.П. Профессионализация через социальное предпринимательство: создание новых компетенций в сфере театральной педагогики // Мир России: Социология, этнология. 2012. № 3. С. 80–99.
- Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Отв. ред. А.А. Московская. М.: ГУ ВШЭ, 2011.
- Социальный предприниматель – 2018. Автопортрет. Краткий аналитический отчет по результатам исследования / Исследовательская группа ЦИРКОН, Social Business Group, при участии Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ. При поддержке Фонда «Наше будущее» и Рыбаков Фонда. М., 2018.
- Шубина Л., Задорин И., Мойсов В., Халкина Е., Хомякова А. Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. Итоговый аналитический отчет. ЦИРКОН. 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf (дата обращения: 01.09.2022).
- Alvord S.H., Brown D.L., Letts C.W. Social entrepreneurship and societal transformation: An exploratory study // Journal of Applied Behavioral Science. 2004. № 40(3). P. 260–282.

- Aygören H. Research in Social Entrepreneurship: From Historical Roots to Future Routes // *Phan Ph.H., Kickul J., Bacq S., Nordqvist M.* (eds) *Theory and Empirical Research in Social Entrepreneurship*. The Johns Hopkins University series on Entrepreneurship. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2014.
- Bacq S., Janssen F. The multiple faces of social entrepreneurship: A review of definitional issues based on geographical and thematic criteria // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2011. № 23. Vol. 5–6. P. 373–403.
- Dart R. The legitimacy of social enterprise // *Nonprofit Management & Leadership*. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 411–424.
- Dees J.G. The Meaning of Social entrepreneurship. Center for the Advancement of Social entrepreneurship. Duke University's Fuqua School of Business, 2001 (revised vers.).
- Defourny J., Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences // *Journal of social entrepreneurship*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 32–53.
- Doherty B., Haugh H., Lyon F. Social enterprises as hybrid organizations: A review and research agenda // *International Journal of Management Reviews*. 2014. № 16. P. 417–436.
- Hockerts K. How Hybrid Organizations Turn Antagonistic Assets into Complementarities. California management review. 2015. Vol. 57. № 3. P. 83–106.
- Huybrechts B., Nicholls A. Social entrepreneurship: definitions, drivers and challenges // *Volkman C.K., Tokarski K.O., Ernst K.* (eds) *Social Entrepreneurship and Social Business. An Introduction and Discussion with Case Studies*. Wiesbaden: Springer Gabler, 2012.
- Leadbeater Ch. The rise of the social entrepreneur. Demos, UK, 1997.
- Mair J., Battilana J., Cardenas J. (2012) Organizing for Society: A Typology of Social Entrepreneurial Models // *Journal of Business Ethics*. 2012. № 111. P. 353–373.
- Mair J., Marti I. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight // *Journal of World Business*. 2006. № 41. P. 36–44.
- Mair J., Mayer J., Lutz E. Navigating Institutional Plurality: Organizational Governance in Hybrid Organizations // *Organization Studies*. 2015. Vol. 36(6). P. 713–739.
- Mair J., Schoen O. Successful social entrepreneurial business models in the context of developing economies: An explorative study // *International Journal of Emerging Markets*. 2007. № 2. P. 54–68.
- Oberemko O.A., Moskovskaya A.A., Chernyshova M.V. Dependent and Independent social enterprises: a comparative study of organizations in international perspective CIRIEC 4th International research conference «Social economy on the move... at the crossroads of structural change and regulation»: Papers and Presentations 25. October 2013. URL: <http://mpa.ub.uni-muenchen.de/54893/> MPRA Paper No. 54893 (дата обращения: 01.09.2022).
- Teasdale S. What's in a Name? Making Sense of Social Enterprise Discourses // *Public Policy and Administration*. 2012. Vol. 27. № 2. P. 99–119.
- Verkhovskaia O., Dorokhina M. With participation by Shirokova G., Tsyganova N., Aray Iu. Global Entrepreneurship Monitor. Report. Russia, 2009. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/751/1/GEM_2009_eng.pdf (дата обращения: 01.09.2022).

Статья поступила: 22.05.22. Финальная версия: 07.09.22. Принята к публикации: 02.10.22.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA: LESSONS FROM SELECTIVE EMPIRICAL STUDIES (2008–2021)

MOSKOVSKAYA A.A.*, POPOVA I.P. ** **

*National Research University "Higher School of Economics", Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Aleksandra A. MOSKOVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Director, Centre for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies, National Research University "Higher School of Economics" (amoskovskaya@hse.ru); Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (irina_popova@list.ru). Both – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number № 20-511-00047.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems and evaluation of the results of empirical studies of social entrepreneurship (SE) in Russia, starting from the first years of the identification of SE in 2008, until the latest scholarly study of SE of the ZIRCON group in 2021, which stated uncertainty and multivariance of the prospects of social entrepreneurship in Russia. By analyzing the studies conducted in 2008–2021, it is shown how scholarly knowledge about the SE has developed up until today, and what main barriers and contradictions have led to current state of ambiguity in the development of SE in Russia. Conclusions are drawn about the barriers to the formation of social entrepreneurs as a social group associated with the characteristics of social entrepreneurs themselves, their readiness for social change, for leadership in the development of local communities, as well as with the institutional context in which the state plays a significant role.

Keywords: social entrepreneurship, entrepreneurs, empirical research.

REFERENCES

- Alvord S.H., Brown L.D., Letts C.W. (2004) Social entrepreneurship and societal transformation. *Journal of Applied Behavioral Science*. No. 40(3): 260–282.
- Araj Yu. (2018) Business models in social entrepreneurship: an approach to building a typology. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Journal of Management]. No. 16 (2): 253–272. (In Russ.)
- Aygören H. (2014) Research in Social Entrepreneurship: From Historical Roots to Future Routes. In: Phan Ph.H., Kickul J., Bacq S., Nordqvist M. (eds) *Theory and Empirical Research in Social Entrepreneurship*. The Johns Hopkins University series on Entrepreneurship. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd.
- Bacq S., Janssen F. (2011) The multiple faces of social entrepreneurship: A review of definitional issues based on geographical and thematic criteria, *Entrepreneurship & Regional Development*. 23: 5–6, 373–403.
- Batalina M., Moskovskaya A., Taradina L. (2008) *Review of the experience and concepts of social entrepreneurship, taking into account the possibilities of its application in modern Russia*. GU–VSHE. Nauch. ruk. A. Moskovskaya. Preprint WP-1/2008/02. Seriya "Institucional'nye problemy rossijskoj ekonomiki". (In Russ.)
- Boguslavskaya S.B., Kuz'mina K.A., Rozhdestvenskaya N.V. (2021) Social'noe predprinimatel'stvo kak drajver razvitiya sociokul'turnoj sredy malyh territorij. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. Vol. 19. No. 1: 85–100. (In Russ.)
- Dart R. (2004) The legitimacy of social enterprise. *Nonprofit Management & Leadership*. Vol. 14. No. 4: 411–424.
- Dees J.G. (2001) *The Meaning of Social entrepreneurship*. Center for the Advancement of Social entrepreneurship. Duke University's Fuqua School of Business (revised vers.).
- Defourny J., Nyssens M. (2010) Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences. *Journal of social entrepreneurship*. Vol.1. No.1: 32–53.
- Doherty B., Haugh H., Lyon F. (2014) Social enterprises as hybrid organizations: A review and research agenda. *International Journal of Management Reviews*. No. 16: 417–436.
- Hockerts K. (2015) How Hybrid Organizations Turn Antagonistic Assets into Complementarities. *California management review*. Vol. 57. No. 3: 83–106.
- Huybrechts B., Nicholls A. (2012). Social entrepreneurship: definitions, drivers and challenges In: Volkmann C.K., Tokarski K.O., Ernst K. (eds) *Social Entrepreneurship and Social Business. An Introduction and Discussion with Case Studies*. Wiesbaden: Springer Gabler.

- Klimova S.G., Klimov I.A. (2015) Modernizatsionnye efekty Social'nogo predprinimatel'stva. In: *Petersburg sociology today – 2015: Collection of scientific papers of the Sociological Institute of RAS*. Iss. 6. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Leadbeater Ch. (1997) *The rise of the social entrepreneur*. Demos, UK.
- Mair J., Battilana J., Cardenas J. (2012) Organizing for Society: A Typology of Social Entrepreneurial Models. *Journal of Business Ethics*. Vol. 111: 353–373.
- Mair J., Marti I. (2006) Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*. No. 41: 36–44.
- Mair J., Schoen O. (2007) Successful social entrepreneurial business models in the context of developing economies: An explorative study. *International Journal of Emerging Markets*, 2: 54–68.
- Mair J., Mayer J., Lutz E. (2015) Navigating Institutional Plurality: Organizational Governance in Hybrid Organizations. *Organization Studies*. Vol. 36(6): 713–739.
- Moskovskaya A.A., Berendyaev A.A., Moskvina A.Yu. (2017) Between social and economic good: the conflict of Social Entrepreneurship legitimization projects in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 31–51. (In Russ.)
- Moskovskaya A.A., ed. (2011) *Sotsial'noe predprinimatel'stvo v Rossii i v mire: praktika i issledovaniya*. Moscow: GU VSHE.
- Oberemko O.A., Moskovskaya A.A., Chernyshova M.V. (2014) *Dependent and Independent social enterprises: a comparative study of organizations in international perspective CIRIEC 4th International research conference "Social economy on the move... at the crossroads of structural change and regulation"*: Papers and Presentations 25. October 2013. Paper No. 54893. URL: <http://mpr.ub.uni-muenchen.de/54893/> MPRA
- Popova I.P. (2012) Professionalization through social entrepreneurship: creation of new competencies in the field of theater pedagogy. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [Universe of Russia: sociology, ethnology]. No. 3: 80–99. (In Russ.)
- Shubina L., Zadorin I., Moysov V. et al. (2013) *Portrait of a social entrepreneur: key characteristics*. The final analytical report. ZIRCON. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf (accessed 01.09.2022). (In Russ.)
- Social Entrepreneur – 2018. Self-portrait*. (2018) A brief analytical report on the results of the study. Zircon Research group, Social Business Group, with the participation of Centre for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies, NRU HSE. with the support of the Foundation "Our future" & Rybakov Foundation. (In Russ.)
- Social Entrepreneurship in Russia: Vision of the Future and Prospects for Development Brief Summary Based on Expert Research Results*. 2021. URL: [sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezyume-issledovaniya.pdf](https://www.sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezyume-issledovaniya.pdf) (accessed 01.09.2022). (In Russ.)
- Teasdale S. (2012) What's in a Name? Making Sense of Social Enterprise Discourses *Public Policy and Administration*. Vol. 27(2): 99–119.
- Verkhovskaia O., Dorokhina M. (2009) With participation by Shirokova G., Tsyganova N., Aray Iu. *Global Entrepreneurship Monitor*. Report. Russia 2009. Graduate School of Management, St. Petersburg State University. URL: <https://www.gemconsortium.org/economy-profiles/russia> (accessed 01.09.2022).

Received: 22.05.22. Final version: 07.09.22. Accepted: 02.10.22.

Н.Д. КОЛЕННИКОВА, Е.Д. СЛОБОДЕНЮК

ВЛИЯНИЕ КОРОНАКРИЗИСА НА ПОЛОЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник (kolennikova-nina@mail.ru); СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (eslobodenjuk@hse.ru). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. На материалах общероссийского социологического опроса (весна 2021 г.) анализируется влияние коронакризиса на различные социальные слои для выявления универсальных и локальных последствий, а также источников резистентности к новым вызовам. Исследование показало, что финансовые риски в российских условиях для представителей всех социальных групп универсальны. Для неблагополучных слоев повышены риски, связанные с получением стабильных доходов и занятостью, но среди них реже встречаются заболевания коронавирусом и последствия изменения образа жизни. Для благополучных россиян значимо ниже оказались риски, связанные с работой, что позволило им быстро адаптироваться к эпидемиологическим ограничениям, освоить новые навыки для осуществления трудовой деятельности. Однако риски переболеть коронавирусом и отказаться от привычного образа жизни для них были выше. Таким образом, способность быстро адаптироваться определяется скорее образованием и защищенностью на рабочем месте, чем величиной доходов.

Ключевые слова: коронакризис • социальные последствия пандемии • доходная стратификация • ресурсообеспеченность • защищенность на рабочем месте

DOI: 10.31857/S013216250021249-6

При всей многоаспектности научного осмысления последствий пандемии коронавируса, на наш взгляд, недостаточное внимание уделяется сравнительному анализу того, как последствия пандемии сказываются на различных слоях населения. Попробуем оценить, как последствия коронакризиса, касающиеся разных сторон жизни человека (здоровья, образа жизни, работы и финансового благополучия), связаны с позицией в стратификации по доходам, а также в классификациях по образованию, ресурсообеспеченности и социальной защищенности на рабочем месте¹. Поставленную задачу авторы реализовывали на данных опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенных в разные годы по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения². В первую очередь использовались данные общероссийского социологического опроса по репрезентативной выборке в марте 2021 г. ($N = 2000$)³.

Теоретико-методологические основания исследования. Осмысляя характер удара пандемии по различным слоям населения, обратимся к наиболее значимым для России классификациям этих слоев [Тихонова, 2014; Общество неравных возможностей..., 2022]:

¹ Осознавая значимость некоторых иных классификаций – объем властных полномочий (О.И. Шкаратан), престиж профессии (Н.Е. Тихонова), региональные и поселенческие неравенства (Н.Е. Зубаревич), авторы оставляют эти сюжеты за рамками рассмотрения.

² Речь идет о массовых слоях населения, доступных для интервьюера в ходе опроса.

³ Кроме данных опроса в марте 2021 г. использовались также данные опросов, проведенных в 2012 г. ($N = 4000$), в октябре 2015, 2016, 2018 гг. ($N = 4000$, все годы) и сентябре 2020 г. ($N = 2000$). При анализе различных социальных групп численность ни одной из них не составляла менее 130 респондентов.

Таблица 1

**Соотношение социальных слоев россиян по ключевым стратификационным основаниям,
2021 г., % от всего населения**

По доходам		По ресурсо-обеспеченности		По образованию		По защищенности на рабочем месте	
Высокодоходные	9% (164)	Высокоресурсные	7% (132)	С высшим	33,2% (664)	Привилегированные	7% (142)
Среднедоходные	26% (473)	Среднересурсные	9% (179)	Со средним специальным или неоконченным высшим	48,1% (961)	Стабильные	28% (561)
Медианная группа	44% (812)	Низкоресурсные	43% (869)				65% (1297)
Низкодоходные	21% (381)	Безресурсные	41% (820)	С (не)полным средним	18,8% (375)	Незащищенные	

Примечание. В скобках указана абсолютная численность групп.

1) по величине доходов, 2) по ресурсообеспеченности, 3) по образованию и 4) по защищенности на рабочем месте. Все они отражают положение россиян в системе неравенств и ранжируют их от наихудшего до наилучшего (табл. 1).

Для построения модели доходной стратификации мы использовали верифицированную методику, согласно которой слои выделяются на основе соотношения среднедушевых доходов с поселенческой медианой [Модель доходной..., 2018]. Использовалась ее версия, где население дифференцировано на четыре группы: низкодоходных (с доходами менее 0,75 медианных), относящихся к медианной группе (0,75–1,25 медианных), среднедоходных (1,25–2 медианных) и высокодоходных (с доходами выше 2 поселенческих медиан).

В основу классификации по ресурсообеспеченности заложено суммарное количество видов помощи, которые россияне готовы оказать своим близким⁴. Среди видов помощи рассматривались возможности дать в долг до/свыше 100 тыс. руб., устроить на хорошую работу, устроить ребенка в хороший вуз/школу, продвинуть по карьерной лестнице, решить жилищную проблему, определить в хорошую больницу, связать с хорошим врачом, найти подработку и содействовать в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем. В массе своей россияне могут оказать один вид помощи (как правило, финансовой) либо никакой. По этой причине в классификации по данному показателю выделены четыре группы: безресурсные (не могут оказать какой-либо помощи), низкоресурсные (могут оказать один ее вид), среднересурсные (могут оказать два вида) и высокоресурсные (три и более видов).

Классификация россиян по образованию включает в себя три базовые категории, широко используемые в исследовательской практике, – имеющие полное среднее образование, среднее профессиональное, а также высшее (в т.ч. второе высшее и ученую степень)⁵.

Четвертая классификация отражает уровень социальных гарантий работника. Мы уделяем большое внимание этому аспекту, поскольку в современном обществе данный критерий тесно соотносится с престижностью и качеством позиции индивида на рынке труда [Гимпельсон и др., 2018; Тихонова, 2020]. Весь комплекс базовых социальных гарантий на рабочем месте встречается относительно редко, поэтому они превращаются в дефицитный ресурс [Коленникова, 2021]. Из восьми социальных гарантий, представленных в инструментарии исследования, для половины работающего населения в 2021 г. обеспечивалось не более четырех. Эта величина отражает стандарт на современном российском

⁴ Под ресурсообеспеченностью, таким образом, подразумевается способность индивида выступить в роли донора в социальных сетях, оказать какую-либо материальную помощь или нематериальную поддержку.

⁵ Россияне с основным общим образованием и ниже объединены с теми, кто получил полное среднее образование, в силу малочисленности этой группы в выборке (46 человек).

рынке труда, поэтому значимое отклонение в лучшую или худшую сторону (1,25 или 0,75 от медианного значения) свидетельствует об относительной привилегированности/незащищенности работника. В этой связи россияне, которым обеспечивалось до трех гарантий, объединены в группу «незащищенных», а те, кто имел более пяти гарантий, – в группу «привилегированных».

Последствия пандемии для четырех сфер жизни. Пандемия оказала неравномерное воздействие на многие сферы жизни россиян (табл. 2). Только 11% россиян заявили, что кризис практически никак не сказался на их жизни.

Чаще всего россияне упоминали **финансовые потери**. Не сумевшая в полной мере восстановиться от рецессии 2014–2016 гг. российская экономика пребывала накануне пандемии в состоянии «негативной стабилизации» [Тихонова, 2019], наблюдалось падение реальных располагаемых доходов населения. Хотя в 2018–2019 гг. этот тренд приостановился, пандемия в 2020 г. вновь его простимулировала⁶. Согласно опросам, численность россиян с доходами ниже 0,75 медианных по типам поселений постепенно увеличивалась – с 25%

Таблица 2

Последствия пандемии по степени их распространенности

Здоровье	Финансы	Работа	Образ жизни
Не менее 50%*			
	– Рост расходов на продукты питания и медикаменты	– Негативные последствия (рост нагрузок, потеря работы, задержка зарплаты, неоплачиваемый отпуск, срыв деловых мероприятий)	
Не менее 20% россиян			
– Заболевание коронавирусом – Проблемы с получением медицинской помощи по вопросам, не связанным с COVID-19	– Сокращение доходов – Трата большей части сбережений семьи	– Адаптация к новым условиям (переход на «удалёнку», освоение новых навыков для удаленной работы или сохранения своего рабочего места, выход на новую работу, появление новых деловых планов)	– Отказ от планов на отпуск – Изменение досуговых практик (отказ от привычных, освоение новых видов досуга)
Не менее 10% россиян			
– Рост внимания к своему здоровью			– Изменение планов – Улучшение или ухудшение отношений в семье
Не менее 2% россиян			
– Формирование вредных привычек	– Сокращение расходов на продукты питания и медикаменты	– Открытие или закрытие бизнеса	– Лично не пострадали, но пострадали близкие

Примечание. По сферам «здоровье», «финансы», «образ жизни» сгруппировано по доле от всего населения страны, по сфере «работа» – по доле от работающего населения. *Здесь и далее по таблице указана минимальная доля россиян, столкнувшихся с каждым из указанных последствий.

⁶ Реальные располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения: 15.02.2022).

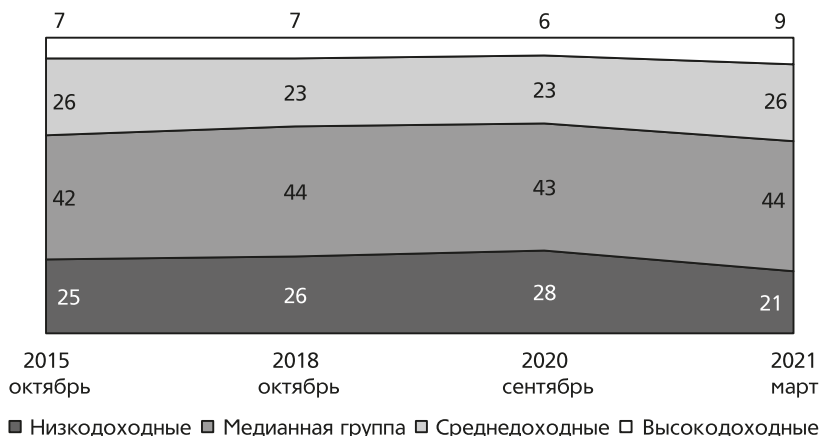

Рис. 1. Динамика распределения россиян по доходным группам, 2015–2021 гг., %

в 2015 г. до 28% в 2020 г. (рис. 1). Одновременно с падением доходов происходило истощение финансовых ресурсов домохозяйств: в 2020 г. по сравнению с 2015 г. число россиян, имеющих сбережения, снизилось с 33 до 27%, а число имеющих кредиты возросло с 38 до 45%. В 2018 г. президент поставил задачу двукратного сокращения бедности в стране, которая повлекла за собой расширение мер социальной политики поддержки наиболее уязвимых слоев населения [Кузьминов, Овчарова, 2019: 74–81], что способствовало сдерживанию расширения численности низкодоходных слоев⁷.

Таким образом, россияне встретили вызовы пандемии в условиях, когда у многих реальные доходы сокращались, а государство сдерживало рост лиц с доходами ниже прожиточного минимума. В результате хотя бы с одним из финансовых последствий коронакризиса столкнулись практически 3/4 граждан страны (72%), почти каждый второй россиянин ощутил негативную динамику своего материального положения (48% в 2020 г.). Обращаясь к данным мониторинговых опросов с 2012 г., мы видим, что это – рекордное значение числа негативных оценок. Сопоставимое наблюдалось только в период прошлой рецессии (47% в 2015 г. и 2016 г.), в благополучный же 2012 г. таких было 13%. К весне 2021 г. доля заявляющих о негативной динамике материального положения сократилась до 40%, но по субъективным оценкам россиянами своего материального благополучия события 2020–2021 гг. нанесли не менее тяжелый удар, чем рецессия 2014–2016 гг.

Довольно массовыми оказались последствия в **сфере поддержания здоровья и в образе жизни**. По большей части они были вызваны строгими государственными мерами противодействия распространению коронавируса: длительным локдауном, объявленным в апреле 2020 г., и последующими периодами самоизоляции, которые вводились сначала в силу отсутствия эффективных защитных механизмов (вакцинации), а во второй половине 2021 г. ввиду высокого роста числа заболевших. Эта практика серьезно повлияла на жизнь россиян и существенным образом трансформировала разные аспекты их жизни, связанные с отношениями в семье, досугом и личным бюджетом времени, а также здоровьесберегающим поведением [Социология пандемии..., 2021; Информационно-аналитический бюллетень..., 2021]. В частности, в контексте изменений в повседневной жизни россияне чаще упоминали об отказе от планов на отпуск (30%), привычного досуга (28%), срыве мероприятий (26%), а также о повышении нагрузок на работе (18%) или смене формата работы на дистанционный (16%). В отношении последствий для здоровья ключевым стал опыт заболевания коронавирусом,

⁷ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.02.2022).

о котором на момент опроса в марте 2022 г. заявляли 59% россиян. Кроме того, довольно часто россиянами декларировалось повышение внимания к собственному здоровью (18%) на фоне еще одного значимого последствия коронакризиса – проблем с получением медицинской помощи по проблемам, не связанным с COVID-19 (22%). Примечательно также распространенное среди большинства россиян (59%) мнение, что пандемия нанесла серьезный ущерб их психологическому состоянию. Каждый четвертый (24%) упоминал, что пандемия негативно сказалась на отношениях в семье.

Значимыми оказались изменения в **сфере занятости и трудовой деятельности**. Так, 50% работающих россиян столкнулись с каким-либо негативным последствием – сокращением или задержкой зарплат, вынужденным выходом в неоплачиваемый отпуск, потерей работы, ростом нагрузок. Широко распространены иные последствия, которые скорее следует трактовать как адаптацию к новым условиям: более четверти занятых (29%) были вынуждены осваивать новые навыки, необходимые для сохранения работы или поиска новой, перейти на удаленку, перестроить деловые планы и т.д.

Последствия пандемии: общее и особенное. Удар пандемии пришелся неравномерно: с одними последствиями столкнулось большинство россиян вне зависимости от их уровня образования, доходов и пр., а с другими – отдельные группы. Рассмотрим, в каких слоях населения сильнее всего проявились изучаемые последствия (табл. 3).

Таблица 3

Доли представителей различных слоев населения, столкнувшихся с хотя бы одним последствием пандемии коронавируса из соответствующей их группы, 2021 г., %

Слои населения	Последствия пандемии по сферам воздействия				
	Здоровье	Финансы	Работа*	Образ жизни	Отсутствие последствий
По доходам					
Низкодоходные	49	79	56	54	11
Медианная группа	65	78	66	60	9
Среднедоходные	59	70	57	62	13
Высокодоходные	57	76	66	66	14
По ресурсообеспеченности					
Безресурсные	58	76	62	54	11
Низкоресурсные	57	76	57	60	11
Среднересурсные	64	74	67	71	12
Высокоресурсные	63	77	82	77	11
По образованию					
Полное среднее	54	73	51	50	16
Среднее профессиональное / неоконченное высшее	61	77	60	58	10
Высшее образование / ученая степень	58	77	69	66	10
По защищенности на рабочем месте					
Незащищенные	59	77	58	55	11
Стабильные	57	75	64	67	9
Привилегированные	68	69	67	68	16
Россияне в целом	59	76	61	60	11

Примечание. В каждой ячейке первых четырех столбцов указана доля (от 100% представителей соответствующего слоя) столкнувшихся с хотя бы одним проявлением пандемии из групп последствий, указанных в столбцах таблицы. Темной заливкой выделены значения, отклоняющиеся более чем на величину статистической погрешности в 3% в большую сторону от среднего по стране, светлой заливкой – соответственно, в меньшую. *Доля сталкивавшихся с последствиями пандемии из группы «работа» указана от работающего населения.

Рис. 2. Динамика наличия сбережений и долгов в различных доходных группах россиян, 2012–2021 гг., %

Универсальными по воздействию оказались только финансовые потери. Шансы испытать на себе эти последствия у россиян были практически одинаковыми независимо от того, в какую из групп по каждой классификации они попадали. Наибольший прирост лиц, имеющих долговую нагрузку, с 2020 г. по 2021 г. фиксировался среди наиболее обеспеченных, а минимальный – в среднедоходных слоях. Наибольшими темпами в высокодоходных слоях сокращались сбережения (рис. 2).

Наименее универсальными оказались последствия, касающиеся занятости и образа жизни, которые сильнее проявляли себя в благополучных группах, чем в неблагополучных. Россиянам с высоким уровнем образования, получающим сравнительно высокие доходы, занимающим хорошие рабочие места, имеющим возможность помогать знакомым и близким, чаще приходилось перестраивать свою жизнь в условиях пандемии (откладывать инвестиции в образование, покупку недвижимости и пр.), а также адаптироваться к новым способам исполнения трудовых обязанностей (переходить на удаленный режим работы, менять формат участия в деловых мероприятиях и пр.). Впрочем, у них для этого чаще всего были необходимые ресурсы и возможности. Для неблагополучных же россиян – с низким уровнем образования, занимающих ненадежные рабочие места, имеющих низкие доходы, а также не способных выступать донорами в социальных сетях – коронакризис усугубил их и без того шаткое положение на рынке труда, и они чаще сталкивались с негативными последствиями на работе (потерей рабочего места, выходом в неоплачиваемые отпуска, задержками зарплат). Те изменения на работе, которые следует интерпретировать как «адаптацию» под сложившиеся условия, среди них практически (или вовсе) не встречались. Это во многом объясняется характером их труда, чаще не предусматривающим дистанционной работы или вовлеченности в деловые мероприятия и т.д.

Все указанные тенденции не менее ярко демонстрируются при оценке рисков оказаться в числе пострадавших (табл. 4). Здесь мы обращаемся к полученным ранее результатам кластеризации россиян по схожести последствий, с которыми они столкнулись в условиях пандемии [Коленникова, 2021; Горшков, Тюрина, 2021]. Согласно этим данным, выделяются три группы населения, у которых наборы испытываемых последствий были схожими, – «пострадавшие» (27%), «адаптанты» (30%) и «стабильные» (43%)⁸.

⁸ Использовался метод кластеризации k-средними на основании ответов респондентов на вопрос «С чем из перечисленного вы, а также ваши близкие столкнулись за год жизни в условиях пандемии коронавируса?». Оптимальное количество кластеров определялось с помощью иерархического кластерного анализа. Абсолютная численность групп по последствиям коронакризиса в используемом массиве составила 538, 582 и 880 человек соответственно.

Таблица 4

**Доли представителей групп со схожими последствиями от коронакризиса
среди различных слоев населения, 2021 г., %**

Слои населения	Группы со схожими последствиями		
	пострадавшие	стабильные	адаптанты
Группы по доходам			
Низкодходные	26	54	20
Медианная группа	30	40	30
Среднедходные	23	44	33
Высокодходные	23	40	37
Группы по ресурсобеспеченности			
Безресурсные	29	49	22
Низкоресурсные	26	45	29
Среднересурсные	25	32	42
Высокоресурсные	19	27	55
Группы по образованию			
Полное среднее	60	14	26
Среднее профессиональное / неоконченное высшее	42	28	30
Высшее / ученая степень	38	39	23
По защищенности на рабочем месте			
Незащищенные	30	48	22
Стабильные	22	36	41
Привилегированные	20	36	44

Примечание. Светлым фоном выделены те подгруппы россиян, которые имеют повышенную вероятность оказаться в числе стабильных, адаптантов или пострадавших (выше статистической погрешности). Темным фоном отмечены подгруппы, в которых такая вероятность превышает среднее значение по выборке не менее чем на 10%.

Таблица показывает, что социально неблагополучные слои населения неоднородны по их способности противостоять вызовам пандемии: часть из них смогла сохранить стабильное положение, но другая часть значительно пострадала. У россиян из низкодходных, безресурсных групп, не имеющих высшего образования, мало что изменилось в жизни, так как терять им было практически нечего. Чуть более благополучные представители социальных «низов» (с медианными доходами, средним специальным или неоконченным высшим образованием и т.д.), наоборот, пострадали, поскольку имеющихся у них ресурсов оказалось недостаточно для адаптации к кризисной ситуации, а высокая уязвимость на рабочем месте сформировала для них повышенные социальные риски.

Качественно отличается ситуация у занимающих высокие позиции во всех четырех рассматриваемых классификациях. Имеющиеся ресурсы помогли им в целом успешно адаптироваться к сложившейся ситуации и сохранить возможности не только для поддержания текущего уровня и качества жизни, но и для сохранения привилегированной позиции на рынке труда. Однако это совсем не означает, что их позиции неуязвимы. Социально-экономические потрясения последних лет показывают, что повышенные риски обычно наблюдаются в России, прежде всего, именно у тех, кому есть что терять.

Выводы. Исследование показало, что воздействие пандемии на различные группы и слои россиян, различающихся уровнем дохода, образования, ресурсобеспеченности и защищенности на рабочем месте, было неоднородным. Оно качественно не изменило соотношение групп в российской социальной структуре, но создало определенные риски для сокращения в ней условно благополучных позиций и истощения ресурсной базы различных групп населения.

Наиболее массовыми оказались последствия, связанные с финансовой обеспеченностью российских семей и с трудовой деятельностью. С первыми столкнулось абсолютное большинство россиян, что в значительной степени обусловлено предшествующей экономической ситуацией. Вторые вновь продемонстрировали высокую дифференцирующую силу, что во многом сыграло решающую роль в адаптации к новым условиям. Высокая позиция индивида в классификациях по образованию, ресурсообеспеченности и защищенности на рабочем месте гораздо чаще свидетельствовала об успешной адаптации индивида к текущей ситуации, чем наличие высоких доходов. Даже имея значимые по российским меркам доходы, но не имея высокого образования и хотя бы «средних» социальных гарантий на работе, индивид чаще оказывался в числе наиболее пострадавших от последствий коронакризиса. Это свидетельствует, во-первых, о довольно широком распространении жизненных рисков, формируемых пандемией, а во-вторых, о ключевой роли неденежных составляющих в их нивелировании. Широко, хотя и не столь массово, повлияла пандемия также на образ жизни и на здоровье россиян, что определялось в основном ростом заболеваемости и вводимыми мерами по борьбе с коронавирусной инфекцией. Однако при этом коронакризис оказался большей угрозой для россиян, условно благополучных по всем проанализированным основаниям. Это происходит, в частности, из-за их концентрации в крупных населенных пунктах и включенности в большее число видов активности, что повышало риски заражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 4. С. 489–530.
- Горшков М.К., Тюрина И.О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 739–754.
- Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2.
- Коленникова Н.Д. Воздействие коронакризиса на социальное благополучие работающих россиян // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12. С. 41–50.
- Кузьминов Я.И., Овчарова Л.Н. Национальные цели социального развития: вызовы и решения. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Модель доходной stratификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Общество неравных возможностей: Социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 183–200.
- Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. кол. А.А. Ослон. М.: ИНФОРМ, 2021.
- Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 27–47.
- Тихонова Н.Е. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 71–83.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: ИС РАН, 2014.

Статья поступила: 29.03.22. Финальная версия: 20.10.22. Принята к публикации: 22.10.22.

IMPACT OF THE CORONACRISIS ON THE SITUATION OF DIFFERENT POPULATION STRATA

KOLENNIKOVA N.D.*, SLOBODENYUK E.D.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Nina D. KOLENNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher (kolennikova-nina@mail.ru); Ekaterina D. SLOBODENYUK, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher (eslobodenyuk@hse.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The article analyzes coronacrisis impact on various segments of the population. The purpose is to identify universal and local consequences of the pandemic, as well as the sources to resist new challenges. For the analysis we use data from a FCTAS RAS study in the spring of 2021. The study showed that financial risks for representatives of all social groups are universal in Russian conditions. For disadvantaged segments of the population, for all analyzed reasons, the risks associated with obtaining stable incomes and employment grew. They are also less likely to contract the coronavirus and make significant lifestyle changes. For prosperous Russians, the risks associated with work are significantly lower. This allowed them to quickly adapt to epidemiological restrictions, learn new skills for their work. However, risks of contracting coronavirus and abandoning their usual lifestyle were higher for them. Thus, the ability to quickly adapt to new challenges in modern Russia is determined more by the quality of human potential and level of social protection in the workplace than by the income size. Along with this, potential weakening of positions under impact of the coronavirus and growing international tension for representatives of the upper and middle strata create significant risks of changes in the social structure, as well as transformation of channels and factors of social mobility.

Keywords: coronacrisis, aftermath of the pandemic, income stratification, human potential, resource endowment, social security in the workplace.

REFERENCES

- Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Sharunina A. (2018) Low paid jobs in the russian labour market: Does exit exist and where does it lead to? *Ekonomicheskii zhurnal vysshey shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal]. Vol. 22. No. 4: 489–530. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tyurina I.O. (2021) The state and dynamics of the Russian mass consciousness and behavioral practices under the COVID-19 pandemic. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 4: 739–754. (In Russ.)
- Information and Analytical Bulletin (INAB)*. (2021) Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics). No. 2. (In Russ.)
- Kolennikova N. (2021) The coronacrisis impact on the social well-being of the employed Russians. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 12: 41–50. (In Russ.)
- Kuzminov Y., Ovcharova L. (2019) *National goals for sustainable development: challenges and solutions*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*. (2018) Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Slobodenyuk E. (2017) Consequences of the 2015 crisis: Slipping into poverty or precarity? *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15(2): 183–200. (In Russ.)
- Society of unequal life chances: Social Structure of contemporary Russia*. (2022) Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Sociology of the pandemic. CoronaFOM project*. (2021) Ed. by A.A. Oslon. Moscow: InFOM. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2014) *Social structure of Russia: theory and reality*. Moscow: Noviy khronograf: IS RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2019) "Negative stabilization" and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 1: 27–47. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2020) Russian professionals: Specifics of jobs and of human potential. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 71–83. (In Russ.)

Received: 29.03.22. Final version: 20.10.22. Accepted: 22.10.22.

© 2022 г.

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ, И.А. ЛАВРОВ

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ В ПОИСКАХ МОЛОДЕЖИ

КРЫШТАНОВСКАЯ Ольга Викторовна – доктор социологических наук, директор (olgakrysht@yandex.ru); ЛАВРОВ Иван Андреевич – заместитель директора (lavrov.sociology@gmail.com). Оба – Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Аннотация. Анализируется деятельность политических партий в социальных сетях, направленная в первую очередь на молодежную аудиторию, во время избирательной кампании в Государственную Думу РФ 2021 г. Авторами изучена активность партий в восьми социальных сетях, проанализировано более 1,5 тысячи аккаунтов. Установлена корреляция между интенсивностью работы партий по агитации в сетях и результатами голосования. В то же время методы, используемые партиями в сетях, не всегда адекватны поставленным задачам. Многие приемы агитации связаны с попытками использовать стиль канцелярита, офлайн-авторитет лидеров, навязывать позицию, что приводит, наоборот, к оттоку молодых подписчиков. Для изменения ситуации партии начинают заимствовать у молодых блогеров дискурсы и приемы распространения информации, активно привлекать студентов в свои штабы для работы в социальных сетях. Избирательные кампании становятся гибридными, соединяя старые и новые формы, внедряя геймификацию и политеймент. В результате роль молодежи в избирательных кампаниях принципиально изменилась: из пассивных статистов они становятся законодателями моды (трендсеттерами), а умудренные жизнью политики оказываются в роли адаптеров, подражая образцам поведения 20-летних.

Ключевые слова: социальные сети • выборы • политические партии • сетевые лидеры • сетевая власть • парламент • молодежь • инфлюенсеры • избирательные кампании • слабые связи

DOI: 10.31857/S013216250021398-0

Сегодня любые выборы проходят с привлечением широких возможностей интернет-ресурсов. Избирательные кампании изменились: агитаторы не ходят от двери к двери, не уговаривают жильцов многоквартирных домов пойти на выборы, не раздают листовки с фотографиями кандидатов в депутаты. Большая часть активности партий в предвыборный период переместилась в виртуальное пространство, в электронные социальные сети, которые стали основной площадкой работы с избирателями. Сетевые медиа чрезвычайно удобны для политики: масштаб агитационного охвата и скорость коммуникации с электоратом возрастают, а финансовые затраты сокращаются. Поэтому предвыборные кампании все больше перемещаются в онлайн.

Для понимания особенностей этих процессов при финансовой поддержке РФФИ в 2021 г. проведено исследование сетевой деятельности политических партий РФ в ходе избирательной кампании в Государственную Думу VIII созыва. Авторы проанализировали

Статья написана по материалам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 21-011-31795.

более 1500 аккаунтов партий, а также партийных лидеров партий и активистов в восьми социальных сетях – Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Instagram, Telegram, TikTok, YouTube и Twitter¹.

Исследования электорального потенциала. Впервые о значительном влиянии социальных сетей на исход политической борьбы заговорили в 2000-х гг. в США в связи с острым противостоянием Республиканской и Демократической партий. Подробно описаны кейсы борьбы виртуальных сообществ *Tea Party*, связанной с Республиканской партией, и *Coffee Party*, аффилированной с демократами². После президентских выборов 2008 г. социологи заговорили, что победа Б. Обамы прямо связана с его успехами в социальных медиа [Baumgartner et al., 2010]. Предвыборная кампания Д. Трампа 2016 г. подтвердила: Интернет стал играть беспрецедентно большую роль в политическом успехе³.

Вопрос об использовании цифровых технологий в электоральных процессах изучался учеными и в других странах. Датские социологи М. Сковсгард и А. Ван Дален провели кластерный анализ влияния социальных сетей на электоральный процесс и пришли к выводу, что наиболее эффективно социальные медиа используют челленджеры (Challengers), пытающиеся занять место в парламенте впервые, а не инкубенты (Incumbents), стремящиеся сохранить власть [Skovsgaard, Van Dalen, 2013]. Австралийские исследователи А. Бранс и Б. Мун подтвердили, что сетевая активность является важным фактором победы оппозиционных сил [Bruns, Moon, 2018]. К такому же выводу приходит и В. Жан, анализируя избирательную кампанию в Сингапуре 2015 г., где благодаря социальным сетям оппозиционным партиям удалось мобилизовать молодежь и отбить несколько мест в парламенте у правящей партии [Zhan, 2016].

Российские социологи также пытались понять возможности при помощи виртуальной активности влиять на политический процесс. В 2016 г. А.М. Балацкий исследовал результаты выборов в Госдуму VII созыва и пришел к выводу, что относительно неплохой итог «Партии роста» оказался достигнут благодаря работе в соцсетях [Балацкий, 2016]. При анализе выборов 2021 г. Н. Великая и А. Малинин обращали внимание на высокую активность партии «Новые люди» в Инстаграме и ВКонтакте; анализ обратной связи пользователей свидетельствовал, что их аудитория состоит из «живых людей», а не ботов [Великая, Малинин, 2021]. Д.И. Гигаури тоже доказывал, что социальные сети в канун выборов в Госдуму РФ становятся действенным инструментом агитации [Гигаури, 2021].

В то же время среди ученых есть другое мнение. Ряд исследователей отмечают, что политическое интернет-пространство наполнено поддельными аккаунтами, которые действуют в автоматическом режиме или по сговору с заказчиком. Американский социолог Ф. Ховард назвал их «политическими ботами» [Howard et al., 2018]. Феномен «ботов» раскрывают в своих работах российские исследователи В. Василькова, Н. Легостаева [2019] и Д. Мартьянов [2016]. Кроме этого зафиксировано, что партии-инкубенты имеют возможность использовать человеческие ресурсы, принуждая активистов вести агитацию в сетях. Чем более разветвленной региональной сетью располагает партия, тем больше у нее возможностей создавать искусственную информационную волну. Но все же, несмотря на фейковую активность в сетях, политические акторы оказываются под влиянием формирующейся реальности «новой власти». В чем же это влияние?

¹ Фейсбук и Инстаграм – продукты компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ по решению Тверского районного суда Москвы от 21 марта 2022 г. Социальная сеть Твиттер заблокирована на территории РФ на основании решения Генеральной прокуратуры от 24 февраля 2022 г.

² См., например: Zernike K. Coffee Party, With a Taste for Civic Participation, Is Added to the Political Menu // New York Times. March 1. 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/03/02/us/politics/02coffee.html> (дата обращения: 17.09.2022).

³ Walsh K. How Donald Trump's Media Dominance is Changing the 2016 Campaign // U.S. News & World Report. December 31. 2015. URL: <https://www.usnews.com/news/the-report/articles/2015/12/31/how-donald-trumps-media-dominance-is-changing-the-2016-campaign?context=amp> (дата обращения: 17.09.2022).

Старые партии, являющиеся элементами иерархически устроенной власти, приходят в мир, где, согласно концепции М. Пренски [Prensky, 2001], царствуют «цифровые аборигены» (Digital Natives). Умудренные опытом политики сначала ведут себя в социальных сетях уверенно, но постепенно обнаруживают, что они – чужаки, «цифровые иммигранты» (Digital Immigrants), которым надо осваивать новую «азбуку». Цифровые аборигены свободно перемещаются в интернет-пространстве, говорят на своем языке, владеют видео- и аудионавыками интерактивной коммуникации, легко переходят с одной площадки на другую, создавая и распространяя стримы, мемы, вирусные тик-токи. Зрелые же политики привыкли действовать в парадигме иерархической власти.

Старые партии, придя в новый для себя сетевой мир, вынуждены приспосабливаться к иным условиям. Можно принудить своих подчиненных подписаться на аккаунт партии, можно дать распоряжение публиковать каждый день по 10 постов и даже ставить лайки. Но через короткое время становится ясно, что в сети эти методы неэффективны. Тот из политиков, кто ощутил стиль «новой власти», получает неожиданно высокий отклик аудитории, и его шансы на победу возрастают.

Проанализируем эти тенденции на материалах российской «электронной политики» накануне парламентских выборов 2021 г.

Официальные аккаунты партий в социальных сетях. По результатам нашего исследования самой популярной сетью среди российских политиков является сеть ВКонтакте, далее идут Твиттер и Инстаграм (табл. 1). Каждая победившая на выборах в Госдуму партия избрала свою стратегию агитации в сетях: «Единая Россия» фокусировалась на Твиттере, КПРФ – на Ютубе, ЛДПР предпочла сеть ВКонтакте, «Справедливая Россия» действовала главным образом в Фейсбуке, «Новые люди» активнее других осваивали ТикТок. Наименьшей популярностью среди политиков на выборах пользовался Телеграм, который не стал лидирующей сетью ни у одной партийной структуры.

По критерию совокупных усилий агитации в социальных сетях во время избирательной кампании можно составить рейтинг партий: на первом месте – «Единая Россия» (почти 600 тыс. подписчиков), на втором – КПРФ (458 тыс.), на третьем – ЛДПР (385 тыс.), на четвертом – «Новые люди» (355 тыс.), на пятом – «Справедливая Россия» (210 тыс.).

Индекс вовлеченности. Об эффективности работы официальных страничек можно судить не только по численности аудитории, но и по *индексу вовлеченности*, который рассчитывался как частное от деления совокупного числа актов обратной связи (лайков,

Таблица 1

**Количество подписчиков официальных аккаунтов партий
в основных социальных сетях на сентябрь 2021 г. (число аккаунтов)**

Социальные сети	Всего	Единая Россия	КПРФ	СР	ЛДПР	Новые люди
ВКонтакте	423 217	117 310	100 986	32 709	136 459	35 753
Twitter	363 399	161 200	94 100	2 199	105 900	0
Instagram	322 700	132 000	64 500	40 800	21 500	63 900
YouTube	217 100	0	141 000	49 700	13 200	13 200
TikTok	214 486	0	0	0	9 086	205 400
Одноклассники	206 321	75 416	32 226	20 243	77 365	1 071
Facebook	191 039	76 425	25 778	64 802	20 022	4 012
Telegram	66 135	32 267	0	0	1 891	31 977
<i>Всего</i>	<i>2 004 397</i>	<i>594 618</i>	<i>458 590</i>	<i>210 453</i>	<i>385 423</i>	<i>355 313</i>

Примечание. Заливкой выделены сети, преимущественно используемые указанными в таблице партиями.

Таблица 2

**Численность совокупной аудитории парламентских партий
и индексы вовлеченности на сентябрь 2021 г.**

Партия	Официальные аккаунты парламентских партий (тыс. чел.)	Индекс вовлеченности
Единая Россия	594,6	2,1
КПРФ	458,6	5,6
ЛДПР	385,4	1,2
Новые люди	355,3	1,6
Справедливая Россия	210,4	0,9

комментариев, репостов) на размер аудитории в расчёте на каждый день предвыборной кампании. Чем выше значения индекса, тем успешнее работает пресс-служба партии со своей аудиторией, вовлекая ее в обсуждения. Само наличие обратной связи говорит, что партия ведет не монолог, а диалог со своими подписчиками, среди которых могут быть как сторонники партии, так и ее критики.

Таблица 2 демонстрирует отсутствие прямой связи численности аудитории с ее активностью. Так, «Единая Россия» превосходит все другие партии по количеству подписчиков, но заметно уступает коммунистам по интерактивности: индекс вовлеченности официального аккаунта КПРФ почти вдвое выше, чем аналогичный показатель у ЕР.

Аффилированные аккаунты. Партии во время избирательной кампании ведут агитацию не только от имени официального аккаунта. Для коммуникации с электоратом создавались тысячи связанных аккаунтов, которые мы будем называть «аффилированными». Таким образом, официальный аккаунт партии является своего рода хабом, создающим разветвленное «дерево страниц» в сетях, которые работают на общую цель.

Эта связь фиксировалась нами методом *Google dorking* [Toffalini et al., 2016], позволяющим подсчитать количество аффилированных с партией аккаунтов по каждой социальной сети (табл. 3). Такой подход позволил увидеть не только характеристики работы центрального штаба партии, но и локальные ресурсы, которая каждая политическая структура задействовала в избирательной кампании. Мы видим, что самой разветвленной сетью аккаунтов в социальных медиа обладает правящая партия «Единая Россия» – более 45 тыс. аффилированных аккаунтов. Серьезную работу вели также региональные структуры КПРФ (37 тыс. аккаунтов) и ЛДПР (27 тыс.). Скромные показатели были у «Справедливой России» и у «Новых людей».

Таблица 3

**Количество аффилированных с парламентскими партиями аккаунтов
в социальных сетях на сентябрь 2021 г.**

Социальные сети	Всего аффилированных аккаунтов	Единая Россия	КПРФ	СР	ЛДПР	Новые люди
ВКонтакте	24012	6910	8270	882	5630	2320
Twitter	19531	7320	5490	718	5040	963
Instagram	5060	1900	962	245	1190	763
YouTube	38470	11800	15200	1300	8220	1950
TikTok	2545	142	925	8	1350	120
Одноклассники	9641	4280	2570	771	1740	280
Facebook	22426	13300	3610	765	4060	691
Всего	121685	45652	37027	4689	27230	7087

Таким образом, две лидирующие на выборах партии – ЕР и КПРФ – в ходе кампании продемонстрировали значительно большую работу в социальных медиа, чем их конкуренты. Отчасти это связано с их большими ресурсами и использованием механизмов «старой власти», основанной на контроле и отчетности.

Официальные и сетевые лидеры партий. Успех партий на выборах обуславливался не только работой центрального штаба и региональных отделений. Очень многое зависело от конкретных личностей, которые играли подчас большую роль, чем официальные институты. Посмотрим, как влияли на эффективность избирательной кампании официальные лица партии (формальные лидеры, включая председателей партий, вице-спикеров и руководителей партийных фракций в парламенте), сравнивая их показатели с результатами топовых блогеров (табл. 4).

Таблица 4

Официальные лица партий и их сетевая популярность, сентябрь 2021 г.

Партии	Спикер, вице-спикеры		Руководители фракций	
	ФИО	число подписчиков (тыс. чел.)	ФИО	число подписчиков (тыс. чел.)
ЕР	Володин В.	360,1	Васильев В.А.	1,9
	Жуков А.Д.	0		
	Гордеев А.В.	4,4		
	Кара-оол Ш.В.	228,5		
	Кузнецова А.Ю.	101,3		
	Неверов С.И.	19,7		
	Толстой П.О.	159,6		
	Яровая И.А.	15,1		
КПРФ	Мельников И.И.	1,9	Зюганов Г.А.	428,2
СР	Бабаков А.М.	3,8	Миронов С.М.	456,0
ЛДПР	Чернышов Б.А.	6,8	Жириновский В.В.	2 676,6
НЛ	Даванков В.А.	1,2	Нечаев А.Г.	90,3
ВСЕГО		902,4	ВСЕГО	3 651,1

Сетевое влияние В. Жириновского в последней избирательной кампании в Госдуму было беспрецедентно высоким, его популярность (2,7 млн подписчиков) находилась на уровне топовых инфлюенсеров. Второй в этом рейтинге – лидер коммунистов Г. Зюганов с 428 тыс. подписчиков. Спикер Госдумы В. Володин (360 тыс.) – самый популярный блогер от правящей партии. В то же время мы видим официальных функционеров ЕР, которые не ведут сетевой работы: например, вице-спикер от ЕР А. Жуков не имеет открытых аккаунтов ни в одном социальном медиа. А. Даванков от НЛ, И. Мельников от КПРФ и В. Васильев от ЕР имеют «спящие» аккаунты с минимальным числом подписчиков.

Топовые блогеры партий. Но все ли дело в официалах? Проведя анализ Рунета, мы обнаружили связанных с партиями блогеров, которые не являются их официальными лицами, но могут быть отнесены к «сетевым лидерам». В таблице 5 представлены данные о размере аудиторий официальных лиц партии и их топовых блогеров.

Как видим, аудитория председателя партии «Единая Россия» Д. Медведева превосходит прочих единороссов: более 10 млн подписчиков против 3,3 млн у Т. Баженова, популярного телеведущего, ставшего депутатом Госдумы VIII созыва. Это – уникальная ситуация: во всех других партиях официальные лица проигрывают в популярности сетевым лидерам. Другие сетевые лидеры ЕР – влиятельные политики, представляющие Республику Чечня, М. Даудов и А. Делимханов – имеют 2,5 млн и 1,9 млн подписчиков

Таблица 5

**Сравнение размера аудиторий парламентских партий,
их формальных лидеров и топовых блогеров на сентябрь 2021 г.**

Партии	Официальные аккаунты парламентских партий (тыс. чел.)	Официальные лица партий	Количество подписчиков (тыс. чел.)	Сетевые лидеры партий	Количество подписчиков (тыс. чел.)
Единая Россия	519,2	Медведев Д.А.	10416,7	Баженов Т.Т.	3311,7
				Даудов М.Х.	2531,0
				Делимханов А.С.	1908,0
КПРФ	426,4	Зюганов Г.А.	428,2	Бондаренко Н.Н.	2965,6
				Енгальчева Е.А.	390,5
				Клычков А.Е.	155,9
СР	190,2	Миронов С.М.	456,0	Стариков Н.В.	626,5
				Делягин М.Г.	346,0
				Вассерман А.А.	345,6
ЛДПР	308,1	Жириновский В.В.	2676,6	Хованский Ю.М.	6351,5
				Фургал С.И.	374,0
				Дегтярев М.В.	247,2
Новые люди	354,2	Нечаев А.Г.	31,9	Барановская Ю.Г.	2718,2
				Летучая Е.А.	1999,6
				Певцов Д.А.	508,9

соответственно, значительно уступая Д. Медведеву, но входя в топ-10 политиков по популярности в сетях. Правящая партия имеет в ресурсе и таких известных людей, как мэр Москвы С. Собянин (1,7 млн) и депутат ГД Т. Буцкая (1,6 млн), PR которой был построен на теме беременности и родов (в сети это сообщество называют «#яжмать»), главы Татарстана Р. Минниханов и Башкортостана Р. Хабиров (по миллиону подписчиков).

«Единая Россия» отличается от прочих партий не только развитостью региональной сети и мощью официального аккаунта партии, но и тем, что она не нуждается в привлечении селебрити исключительно на время избирательной кампании. Ее стратегия иная: она интегрирует лидеров общественного мнения в партию на постоянной основе, причем это делается в регионах и на федеральном уровне.

Топовый блогер-коммунист Н. Бондаренко в 7 раз популярнее в сети, чем официальный лидер партии Г. Зюганов (почти 3 млн против 400 тыс. подписчиков). Отличие КПРФ от других партий также в том, что под ее знамёна встают самостоятельные яркие политики, которые не являются членами команды Зюганова. Кроме Н. Бондаренко, это Е. Енгальчева, Е. Ступин из Мосгордумы, П. Грудинин, молодой экономист В. Жуковский. Их коммуникация в сетях отличается резкой критикой власти, быстрой реакцией на актуальные проблемы. По сути дела, мы видим не единую работу КПРФ в виртуальном пространстве, а несколько сообществ, различающихся позиционированием в политическом поле – от лояльной позиции центрального штаба партии во главе с Г.А. Зюгановым и его команды до радикально оппозиционных молодых политиков типа Жуковского или Ступина. Может показаться, что сетевые лидеры от КПРФ по многим вопросам противостоят партийной бюрократии, находятся к ней в оппозиции. Но многообразная палитра присутствия коммунистов в сети дает особую устойчивость партии, которая не зависит от действий только одного человека – формального лидера. Толерантность партии к оттенкам политических оценок левого спектра делает ее сегодня более сильной и дает перспективу на будущее.

В партии «Справедливая Россия» также идет работа по созданию пула аффилированных политиков, которые не входят в команду лидера партии, но ведут работу на своих

площадках. Здесь сетевым лидером является публицист и общественный деятель Н. Старилов, который превосходит по популярности С. Миронова (более 600 тыс. подписчиков), хорошие позиции имеют М. Делягин и А. Вассерман (более 300 тыс. подписчиков у каждого), писатель З. Прилепин (290 тыс.). Особую роль у спавороссов играет депутат ГД Ф. Тумусов: у него более 100 тыс. подписчиков только в ТикТоке, самой молодежной сети, он снимает видеоролики с юмором, присущим юным блогерам.

Анализ топовых блогеров ЛДПР показывает, что партия находится в настоящий момент в ситуации неустойчивости в связи со сменой лидера. Избранный в мае 2022 г. председателем партии Л. Слуцкий пока не может конкурировать с В. Жириновским: к моменту выборов в Госдуму в 2021 г. у него была совокупная аудитория 18,6 тыс. человек, через год она возросла до 18,8 тыс.

«Новые люди» – партия-челленджер, прорыв которой в Госдуму в 2021 г., на наш взгляд, прямо связан с сетевой популярностью С. Авксентьевой, бывшего мэра Якутска. Она стала популярным блогером в 2019 г. и благодаря своим высказываниям по самым острым вопросам получила федеральную известность. В настоящее время она имеет более чем 300 тыс. подписчиков. «Новые люди» избрали оригинальную тактику ведения избирательной кампании, сделав акцент на сети ТикТок, аудитория которой самая юная. Кроме того, в избирательный штаб было привлечено большое количество студентов, которые занимались социальным маркетингом в сетях (SMM⁴). В результате этой работы партия нарастила свою популярность среди молодежи. «Новые люди» также использовали известность народного артиста РФ Д. Певцова (полмиллиона подписчиков). К избирательной кампании были привлечены популярные телезвезды Ю. Барановская (2,7 млн) и Е. Летучая (около 2 млн), которые также принесли дополнительные голоса молодых.

Архаика в сети. Получив представление о количественных показателях деятельности партий в социальных сетях, перейдем теперь к особенностям публикуемого политиками контента. Мы выделили пять основных специфических приемов, которые широко использовались партийными активистами «старого поколения» для расширения своей электоральной базы: иерархия, репортатив, анонимизация, привлечение селебрити и модерация.

Иерархия. Данью старой традиции доцифровых избирательных кампаний являются попытки партий строить активность в сетях на основе авторитета формальных лидеров и официальных аккаунтов. Политические партии, построенные по иерархическому принципу, приходят в виртуальное пространство в поиске сторонников и оказываются в ситуации, когда они не могут действовать по-старому, отдавая приказы и распределяя контент из единого центра. Если же они остаются на прежних принципах, то их сетевая деятельность быстро обнаруживает неэффективность. Раньше можно было созвать своих сторонников на съезд и заставить их слушать скучные речи. В цифровом мире аудитория испаряется, если ей неинтересно. Для успеха контент должен стать «вирусным», то есть распространяться от одного подписчика к другому без приказов – лишь в силу того, что он интересен многим.

Репортатив⁵. Типичной чертой поведения партийных функционеров в сети являются высказывания в духе «отчета партхозактива» советской эпохи. Репортаж о проделанной работе, снабженный групповыми фотографиями с различных совещаний, наводит тоску на аборигенов сети. Формальная обстановка и канцелярит дисгармонируют с принятой в сетях персонификацией контента, когда блогер показывает фрагменты личной жизни, отдыха, неформальных встреч, высказывает свою точку зрения о повестке. Старомодные репортативы никогда не касаются острых вопросов, вызывающих дискуссию. Стилистически

⁴ Social Media Marketing – использование социальных платформ в качестве каналов для продвижения бренда, в том числе и политического.

⁵ В лингвистике этим термином обозначают сообщения о новостях в социальных сетях [Яковлева, 2011].

архаичный стиль таких отчетов вызывает отторжение сетевых аборигенов и их насмешки. Реакцией на это часто становится «закрытие» поста, то есть блокировка возможности оставлять комментарии или жесткое модерирование, сопряженное с удалением негативных высказываний. Это в свою очередь ведёт к еще большей редукции аудитории.

Анонимизация. В политических сетевых публикациях практически полностью отсутствует персонализация. Сухие тексты могут быть написаны лично лидером, его референтом, пресс-службой, помощниками. В нем нет места эмоциям, искренности, нет реакции на текущие события. Сухой выверенный текст не обладает никакими личностными чертами. Политики в сети выступают чаще всего безликими функциями, выполняющими определенное задание, выражающее линию партии. Бюрократ анонимен (об этом писал Макс Вебер), блогер обязан быть личностью. Это противоречие удастся преодолеть немногим. Бездушные и обезличенные блоги политиков отпугивают подписчиков.

Звезды из телевизора. Часто руководство политической структуры не понимает причин негативной реакции сетевого народа на их публикации. Они стараются разнообразить публикуемый контент, привлекая известных артистов, режиссеров, писателей, спортсменов. Это не всегда имеет позитивные последствия. Цифровые аборигены полагают, что популярность селебрити зиждется на телевизионной популярности, конструируемой властью, что многие «звезды» проплачены и отрабатывают заказ, в то время как сеть любит свободных. Поэтому селебрити из телевизора в сети часто выглядит бледно, так как живет по законам доцифрового мира.

Модерация. Открытая дискуссия в сети чревата тем, что комментарии могут носить жестко негативный характер. Чтобы избежать этого, многие партии и политики решают запретить комментарии либо модерировать их, редуцируя диалог до монолога. Получается, что политик высказывается, но не желает знать реакцию сетевого народа. Так делает, например, З. Прилепин (СР), сокращая свою аудиторию, блокируя возможность подписчиков высказываться. Связь становится односторонней и, следовательно, не сетевой. Причины такого поведения политиков понятны: хейтеры и тролли быстро могут испортить настроение. Однако здесь приходится или развивать интерактивную коммуникацию, или оставаться за порогом цифрового мира.

Новый стиль старых зубров. Партии, сосредоточив усилия избирательных штабов на работе в социальных сетях, оказались в парадоксальной ситуации. Созданные как инструменты «старой власти», подчиненной формальному лидерству и иерархической субординации, их аккаунты должны действовать в среде, основанной на «слабых связях» (*weak ties* – термин М. Грановеттера [Granovetter, 1973]). Сетевая власть не признает авторитетов и формальных статусов, сетевой народ перетекает от одного сообщества к другому, реагируя на аттрактивный контент. Сетевую моду формируют трендсеттеры, которые могут не иметь никакого статуса, присвоенного досетевыми властными субъектами. Сеть рождает своих лидеров – инфлюенсеров. Солидные властные иерархии пришли в «чужой монастырь» и очень скоро обнаружили, что их представления о правилах достижения победы здесь не работают. Партийные руководители, средний возраст которых 55 лет, столкнулись с необходимостью прислушиваться к мнению «цифровых аборигенов», изучать предпочтения и субкультуру молодых.

Появление персонажей. Анализ сетевого поведения публичных политиков отчетливо обнаруживает тех, кто отказался от архаичных методов ведения своих страниц, кто нащупал адекватные цифровым нормам формы подачи материала. К таким политикам мы можем отнести, например, лидера ЕР Д. Медведева. Он еще в бытность президентом страны приобрел в интернете прозвище «Медвед», что сделало его не просто политиком, а персонажем сети. Он публикует фотографии с лаконичным текстом или вовсе без текста, которые имеют символический смысл, дешифруемый сетевыми аборигенами. Например, в период проведения акции оппозиции в 2021 г. «включи фонарик и выйди во двор» аккаунт Медведева опубликовал фото леса, освещенного одиноким фонарем, который стал вирусным. С марта 2022 г. Медведев начал вести блог в сети Телеграм и быстро набрал

более 820 тыс. подписчиков. Его высказывания стали жесткими и «ястребиными». Теперь он прочитывается цифровыми аборигенами как фигура загадочная, если не трагическая.

Инфлюенсеры вместо селебрити. Партии постепенно пришли к пониманию, что использования телевизионных звёзд в агитационной работе совершенно недостаточно, так как ТВ-аудитория заметно постарела. Сетевая молодежь перестала реагировать на «народного артиста» или «олимпийского чемпиона», если его имидж развивался исключительно в старых СМИ. Для поколения интернета верно правило: «если тебя нет в сети, тебя нет вообще». Это вынудило штабы партий искать поддержку сетевых лидеров, которые популярностью вовсе не обязаны власти.

Первые шаги были довольно неуклюжими: откровенные попытки подкупить рэперов вскоре становились известными, рушили рейтинг исполнителя и не приносили ожидаемых очков партии. Со временем в арсенале партий появились блогеры-фрики, которые играют на любви сетевых аборигенов к юмору, мемам, косплею и стендапу с использованием общенной лексики. Стало понятно, что не надо делать такого фрика членом партии, достаточно привлечь его к агитационной кампании во время выборов.

В этом плане «Единая Россия» отстает от других партий, так как она в течение многих лет занималась поиском лидеров общественного мнения (ЛОМов), интегрировала их в партию, а затем использовала в избирательных кампаниях. ЕР наполнена ЛОМами старого типа, доцифровыми знаменитостями, начиная с народных артистов и заканчивая главврачами больниц, директорами школ и заводов. Малые партии куда более гибки в поисках новых моделей агитационной работы.

Геймификация. Виртуальный мир дал импульс мультимедийности. Длинные тексты ушли в прошлое. Аудитория симпатизирует тем, кто использует не только краткие тексты, но и аудио-видеоконтент. Развитие ярких, парадоксальных и кратких форм сетевого перформанса привело к удивительной трансформации: молодые, которые в доцифровом обществе считались политически индифферентной группой, вдруг заинтересовались выборами, митингами, дебатами. Сетевая жизнь наполнилась игрой, и этот процесс получил название «геймификации» [Detering et al., 2011]. Игрой стали викторины, забавные голосования, смешные названия, переодевания, постановочные съемки, конкурсы, квесты и проч. Геймифицированные выборы стали частью жизни молодых, которые открыли для себя политический театр.

Партии в поисках голосов избирателей тоже использовать игровые приемы. Депутат ГД от «Справедливой России» Ф. Тумусов снимал веселые тик-токи, нижегородский блогер от «Новых людей» О. Щеглов снимал ролики о починке ям на дорогах «дошираком». Партии состязались в использовании «прикольных» раздач подарков типа санитайзеров, крышек для закатывания консервов, детских игрушек, которые неизменно сопровождались партийными логотипами и агитационными материалами.

Штабы партий на выборах 2021 г. стали широко применять «челенджи» – серийные видео со стандартным действием по принципу эстафеты. В то время как мировая элита снимала челенджи с обливанием ледяной водой знаменитостей или с нарочитым падением со ступенек трапов частных бизнес-джетов, политики объявляли челендж «В Госдуму на самокате», «Конверт добра», «Образовательный автопробег», «ДебатыКандидаты» (Новые люди), «Я/мы Якутия» (Справедливая Россия), «Чистые руки» (ЛДПР), «География подвига», «Skibidi Challenge», «Mannequin Challenge», «Дай пять», «Дружба без границ» (Единая Россия) и др. Проводились викторины и конкурсы с раздачей подарков победителям: на знание истории России (Новые люди), «КПРФ открывает таланты» (КПРФ). Первичные отделения ЕР проводили викторину «Росквиз». В качестве призов раздавался мерч партий – футболки, толстовки, сумки, блокноты, ручки с символикой партий. Все это привлекает молодежь, создавая атмосферу карнавала, веселья, особого комьюнити вокруг партии, к которому ты можешь стать причастным.

Молодые тренд-сеттеры и пожилые адаптеры. Самая распространенная подработка молодых людей во время избирательной кампании сегодня – это ведение аккаунтов

партий в социальных сетях. Без смм-службы теперь не обходится ни один партийный штаб. Эта необходимость осваивать цифровое пространство для иерархических структур старой власти имеет ряд последствий.

Во-первых, партия никогда не придумывает что-то совершенно новое для использования в сети. Она использует моду, которая сложилась. Трендсеттером сетевой моды является цифровое поколение, впитавшее язык и обычаи сети. Опытные политики лишь следуют за молодыми. Впервые в человеческой истории политики вынуждены подражать молодежи, становясь адаптерами, идущими за настоящими законодателями моды.

С приходом молодежи в штабы партий связан новый этап в поисках средств привлечения поколения «цифровых аборигенов». Партии начинают использовать сетевые перформансы, которые режиссируются молодыми: распаковки подарков, челенджи, сетевые флэш-мобы, конкурсы и проч. Избирательные кампании становятся гибридными, смешивая старые и новые формы, внедряя геймификацию и политейнмент (термин Дж. Ниланда [Nieland, 2008]).

Данные исследования привели нас к выводу, что роль молодежи в избирательных кампаниях принципиально изменилась: из пассивных статистов они становятся режиссерами-постановщиками, сетевыми спичрайтерами, актерами, косплеерами. Миллениалы и зумеры начинают играть роль законодателей моды, а умудренные жизнью политики становятся их адаптерами, подражая и копируя образцы поведения 20-летних. Это делает роль молодежи в политике беспрецедентно значимой.

Во-вторых, сетевые и вирусные приемы распространения информации, просачиваясь в политику, подтачивают основы глобальной иерархии социума. Чиновники и депутаты старой школы принимают необходимость действовать в сети особым образом как временную необходимость. Да, выборы требуют заигрывания с молодыми. Но в душе доцифровой человек ворчит о разрушении культурного кода, поругании основ нравственности, понимаемой в традиционалистском плане. В целом отторгая сетевой *габитус*, они хотят лишь рационально использовать его в повседневной практике избирательной кампании, поиграть в него три месяца и забыть до следующих выборов. Но так не получается. Политические структуры проникаются сетевым духом свободной коммуникации, возникают новые связи, сообщества, друзья. Традиционная вертикаль власти теряет монополию, хотя и противодействует диффузии сетевых методов в ткань государства.

У политических структур, по сути, нет выбора: социальные сети на сегодняшний день являются самой эффективной площадкой для привлечения электората. Жители социальных сетей – это главным образом молодежь 20–35 лет. Поэтому, развивая активность в социальных медиа, партии вынуждены апеллировать не ко всем возрастным категориям в равной степени. Они стоят перед жесткой необходимостью принимать правила сети, говорить с ее обитателями на одном языке. Конечно, надо помнить, что активностью в сети можно управлять, накручивая число подписчиков, имитируя сетевую активность, покупая сторонников. Но ценности нового мышления цифровой эпохи – абсолютная прозрачность, постоянная обратная связь, доступность каждого для всех – распространяются и проникают в сознание все большего количества людей. И это меняет реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий А.М. Социальные сети в электоральном менеджменте: проблемы и перспективы // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2016. № 4. С. 167–171.
- Василькова В.В., Легостаева Н.И. Социальные боты в политической коммуникации // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. № 19 (1). С. 121–133.
- Великая Н.М., Малинин А.Ю. Медиаактивность новых политических партий в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва: социологический анализ // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 84–98.

- Гигаури Д.И. Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. № 11. С. 1–21.
- Мартьянов Д.С. Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. № 12 (1). С. 74–89.
- Яковлева Я.М. Сетевой дискурс как жанр: сценарий, режиссура, реквизит // Обсерватория культуры. 2011. № 4. С. 115–118.
- Baumgartner J.C., Mackay J.B., Morris J.S. et al. Communicator-in-chief: How Barack Obama used new media technology to win the White House. Lexington Books, 2010.
- Bruns A., Moon B. Social media in Australian Federal elections: comparing the 2013 and 2016 campaigns // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2018. Vol. 95. No. 2. P. 425–448.
- Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From game design elements to gamefulness: defining "gamification" // Proceedings of the 15th International academic MindTrek conference: Envisioning future media environments. N.Y.: Association for Computing Machinery. 2011. P. 9–15.
- Granovetter M.S. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78. Iss. 6. P. 1360–1380.
- Howard P.N., Woolley S., Calo R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // Journal of Information Technology & Politics. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 81–93.
- Nielsen J.U. Politainment. The International Encyclopedia of Communication. Chichester: John Wiley & Sons, 2008.
- Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9. No. 5. P. 1–6.
- Skovsgaard M., Van Dalen A. Dodging the gatekeepers? Social media in the campaign mix during the 2011 Danish elections // Information, Communication & Society. 2013. Vol. 16. Iss. 5. P. 737–756.
- Toffalini F., Abba M., Carra D., Balzarotti D. Google Dorks: Analysis, Creation, and New Defenses // International Conference on Detection of Intrusions and Malware, and Vulnerability Assessment. San Sebastian: Springer, 2016. P. 255–275.
- Zhang W. Social media and elections in Singapore: comparing 2011 and 2015 // Chinese Journal of Communication. 2016. Vol. 9. Iss. 4. P. 367–384.

Статья поступила: 03.08.22. Финальная версия: 16.10.22. Принята к публикации: 17.10.22.

POLITICAL PARTIES IN SEARCH OF THE YOUTH

KRYSHTANOVSKAYA O.V.*, LAVROV I.A.*

*Russian State University for the Humanities, Russia

Olga V. KRYSHTANOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Director (olgakrysht@yandex.ru); Ivan A. LAVROV, Deputy director (lavrov.sociology@gmail.com). Both – Scientific Center of Digital Sociology "Yadov-center", Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31795.

Abstract. The article "Political Parties in Search of the Youth" is devoted to the analysis of political parties' activity in social media during the 2021 election campaign to the State Duma. We have studied parties' actions in eight social media: Facebook, VK, OK, Instagram, Telegram, TikTok, YouTube, and Twitter. A total of more than 1.5 thousand accounts were analyzed. It was found that those parties that were most active in social media got the best results in the elections. There was a contradiction between the parties' efforts to build an audience in social media and the methods they used to disseminate information. Many used methods belonged to the "old school", or were associated with attempts to use the authority of the offline leaders, the discourse actively used clerical language, which led the youth to unfollow. To change this situation, parties are beginning to actively involve young people in their headquarters to work in social media. Election campaigns are becoming hybrid, mixing old and new forms, introducing gamification and politainment. Results of the research have led us to the conclusion that the role of young people in election campaigns has changed fundamentally: from passive statisticians they become trendsetters, and life-wise politicians turn out to be their followers, imitating and copying the behavior patterns of 20-year-olds.

Keywords: social media, elections, political parties, online leaders, network power, parliament, youth, influencers, electoral campaigns, weak ties.

REFERENCES

- Balackiy A.M. (2016) Social Media in Electoral Management: Problems and Prospects. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Istoricheskie nauki»* [Vestnik of Omsk University. Ser. "Historical Sciences"]. No. 4: 167–171. (In Russ.)
- Baumgartner J.C., Mackay J.B., Morris J.S., Otenyo E.E., Powell L., Smith M.M., Waite B.C. (2010) *Communicator-in-chief: How Barack Obama used new media technology to win the White House*. Lexington Books.
- Bruns A., Moon B. (2018) Social media in Australian Federal elections: comparing the 2013 and 2016 campaigns. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 95. No. 2: 425–448.
- Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. (2011) From game design elements to gamefulness: defining "gamification". In: *Proceedings of the 15th International academic MindTrek conference: Envisioning future media environments*. New York: Association for Computing Machinery: 9–15.
- Gigauri D.I. (2021) State Duma Elections 2021: Blogs, Social Media and Party Identity in Virtual Space. *Sociodinamika* [Sociodynamics]. No. 11: 1–21. (In Russ.)
- Granovetter M.S. (1973) The strength of weak ties. *American Journal of Psychology*. Vol. 78. Iss. 6: 1360–1380.
- Howard P.N., Woolley S., Calo R. (2018) Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 15. No. 2: 81–93.
- Martyanov D.S. (2016) Political bot as a profession. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX]. No. 12 (1): 74–89. (In Russ.)
- Nieland J.U. (2008) *Politainment. The International Encyclopedia of Communication*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Prensky M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. Vol. 9. No. 5: 1–6.
- Skovsgaard M., Van Dalen A. (2013) Dodging the gatekeepers? Social media in the campaign mix during the 2011 Danish elections. *Information, Communication & Society*. Vol. 16. Iss. 5: 737–756.
- Toffalini F., Abba M., Carra D., Balzarotti D. (2016) Google Dorks: Analysis, Creation, and New Defenses. In: *International Conference on Detection of Intrusions and Malware, and Vulnerability Assessment*. San Sebastian: Springer: 255–275.
- Vasilkova V.V., Legostaeva N.I. (2019) Social bots in political communication. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [Bulletin of the RUDN University. Ser.: Sociology]. No. 19 (1): 121–133. (In Russ.)
- Velikaya N.M., Malinin A.Y. (2021) Media-activity of new political parties on the eve of elections to the State Duma VIII convocation: a sociological analysis. *Vestnik RGGU. Ser. «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»* [Bulletin of RSUH. Series "Philosophy. Sociology. Art History"]. No. 3: 84–98. (In Russ.)
- Yakovleva Y.M. (2011) Network discourse as a genre: scenario, directing, props. *Observatoriya kul'tury* [Culture Observatory]. No. 4: 115–118. (In Russ.)
- Zhang W. (2016) Social media and elections in Singapore: comparing 2011 and 2015. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 9. Iss. 4: 367–384.

Received: 03.08.22. Final version: 16.10.22. Accepted: 17.10.22.

И.Л. НЕДЯК, Т.В. ПАВЛОВА, С.В. ПАТРУШЕВ

ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ПРОФСОЮЗ РОССИИ: ГРАЖДАНСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕДЯК Ирина Леонидовна – доктор политических наук, главный научный сотрудник (iraned@mail.ru); ПАВЛОВА Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (tamarapavlova@mail.ru); ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, руководитель отдела (servpatrushev@gmail.com). Все – отдел сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Рассмотрены характеристики Горно-металлургического профсоюза России (ГМПР) – актора развития гражданского общества и правового государства. Становление его как профсоюза современного типа обеспечивается рационализацией профсоюзного членства. Сохранение активистского потенциала ГМПР в значительной степени связано с вовлеченностью его членов в общественные практики. Ставка ГМПР на развитие колдоговорных отношений оправдала себя в сфере защиты и реализации социальных и трудовых прав работников. На предприятиях ГМК сформировано политико-правовое пространство, этос и нормы которого экстраполируются на региональный и федеральный уровни, легитимируют политический порядок, повышают уровень социального и институционального доверия, создают условия формирования у граждан эмансипаторных нормативно-ценностных установок и паттернов поведения.

Ключевые слова: профсоюз • типы участия • профсоюзный и гражданский активизм • нормативно-ценностные установки • институциональное доверие

DOI: 10.31857/S013216250021079-9

Горно-металлургический профсоюз России (ГМПР) объединяет более 600 тыс. человек в 53-х субъектах Российской Федерации. За 30 лет существования ГМПР удалось укрепить свои позиции среди работников, успешно выстраивать стратегию социального партнерства на предприятиях с предпринимателями и государством. ГМПР активно участвует в работе Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Заинтересованный в адекватном представительстве предпринимательской стороны, профсоюз способствовал созданию в 1997 г. Ассоциации промышленников горно-металлургического комплекса (АМРОС), с которой подписываются Отраслевые тарифные соглашения – основа заключения коллективных договоров на предприятиях, формирования правового поля взаимодействия работников и предпринимателей [Горно-металлургический профсоюз России, 2000: 66–68].

Исследование авторами деятельности ГМПР началось в середине 1990-х гг. [Горно-металлургический профсоюз России, 1996]. На протяжении 25-ти лет под руководством С.В. Патрушева проводились регулярные социологические обследования (фактически – мониторинг) деятельности этого профсоюза [Горно-металлургический профсоюз России, 2000; ГМПР..., 2004; ГМПР..., 2007; ГМПР..., 2011]. Исследования выявили, в частности, позитивную роль профсоюза горняков в накоплении социального капитала, основанного на нормах доверия и реципрокности. Сделан вывод о субкультуре членов профсоюза, которому присущ «потенциал доверия, взаимодействия и сотрудничества» [ГМПР..., 2000: 126–130].

Цель нашего исследования – опираясь на эмпирические данные, показать правовые и гражданские аспекты деятельности ГМПР, политико-институциональные экспликации его акторской роли в российском обществе. Эмпирическая база основана преимущественно на материалах анкетного опроса, проведенного весной 2021 г. [Отчет..., 2021].

Выборка составила 1385 человек в 39-ти регионах России на 126-ти предприятиях горно-металлургического комплекса (ГМК)¹. Преемственность инструментария и методики с предыдущими обследованиями позволяет сопоставить полученные результаты с опросами 1999, 2003, 2007 и 2011 гг.

Становление и развитие профсоюза горняков. ГМПР уходит корнями к основанному в феврале 1918 г. Всероссийскому профессиональному союзу рабочих-металлистов, в Уставе которого в качестве очередных задач были зафиксированы содействие развитию революционной классовой борьбы, участие в организации и поднятии промышленности, укрепление трудовой дисциплины. В последующем профсоюз металлистов разделился на отдельные формирования, вслед за отраслевой дифференциацией ГМК [История..., 2020; Модели..., 2020]. В 1991 г. в условиях перехода от государственно-командной экономики к рыночной съезд представителей профсоюзных структур предприятий ГМК учредил на базе разобщенных по территориальному принципу профсоюзных организаций единый профсоюз. Профсоюз трудящихся горно-металлургической промышленности РСФСР численностью 2 млн членов [Тарасенко, 2011] был призван объединить и координировать работу первичных и территориальных организаций работников ГМК. С апреля 1994 г. он получает название «Горно-металлургический профсоюз России».

За 30 лет своей новой истории профсоюз продемонстрировал способность придерживаться рациональной тактики определения своего места в общероссийском и международном профсоюзном движении. В 1999 г. он вошел в состав Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) (присоединился к 21 млн участников) и тогда же – в Международную федерацию металлистов (МФМ), которая в 2012 г. трансформировалась в Глобальный союз IndustriAll – международное объединение профсоюзов промышленных рабочих, представляющее 50 млн человек в 140 странах мира. Профсоюз тесно сотрудничает с Международной организацией труда (МОТ) и Всеобщей конфедерацией профсоюзов (ВКП).

В контексте истории отечественного тред-юнионизма ГМПР формально нельзя признать ни «традиционным», т.е. воспроизводящим стратегии и практики профсоюзов советского периода, ни «альтернативным» профсоюзом, возникшим на новых принципах в постсоветский период². В первые годы становления ГМПР столкнулся с общими для всех профсоюзов России проблемами [Аносов, 2017]. Трудовые отношения приобрели договорный характер и потребовали новых правил: трансформации правовой системы, регулирующих условия труда и деятельность профсоюзов законов, обновления правовой подготовки активистов и всего членского корпуса, освоения опыта трипартизма и ведения коллективных переговоров. Положение осложняли общие для современных профсоюзов проблемы: кризис традиционных форм представительства, необходимость адаптации к новой ситуации в сфере трудовых отношений, включая глобализацию экономики, технологические новшества, усиление мобильности на рынках труда, растущее многообразие интересов наемных работников. В то же время прошлые нормы продолжали влиять на профсоюзные практики: не произошло качественных изменений ни в роли профсоюза на рабочем месте, ни в его взаимоотношениях с государством. Главные препятствия на пути развития постсоциалистических профсоюзов – недоверие к ним рабочих, консерватизм профсоюзного аппарата, воспроизведение традиционных бюрократических моделей сотрудничества с работодателем, упор на расширение

¹ Среди опрошенных – 48% мужчин и 52% женщин разных возрастных групп (16% – до 30 лет, 78% – от 31 до 60 лет), из них 72% представляют металлургические предприятия, 13% – горнорудные, 3% – учебные заведения. 6% были руководителями высшего и среднего звена, 9% – низшего звена управления (участка, бригады, группы), специалисты высшего уровня квалификации – 37%, среднего – 10%, по 29% – служащие технического и обслуживающего персонала и квалифицированные рабочие. Имели высшее образование 57%, среднее профессиональное образование – 37%. 19% респондентов – выборные профсоюзные работники, 72% – представители первичных профорганизаций, 2% – территориальных.

² Отчет по проекту: «Альтернативные профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых конфликтов». URL: <https://refdb.ru/look/1118996-pall.html> (дата обращения: 12.07.2022).

профсоюзной организации, которое требует технической и организационной поддержки от вышестоящих профсоюзных органов и влечет зависимость от них. Альтернативные профсоюзы не предложили новых решений накопившихся проблем. Это касается не только российских профсоюзных объединений, но и зарубежных, исследователи которых отмечают дефицит стимулов преобразования профсоюзов изнутри и извне [Pringle, Clarke, 2011: 4, 28].

Зависимость от работодателя означает, что коллективные договоры дают ненамного большие преимущества для работников, чем предусмотрено законом. Поэтому важным направлением деятельности профсоюзов становится инициирование и лоббирование предложений по правовому регулированию сферы труда. Эти действия обычно публичны – через участие в работе парламента, в трехсторонних органах на федеральном и региональном уровнях. Нередко они подкрепляются петициями, акциями протеста и демонстрациями.

Политическая позиция профсоюза зависит от его способности реализовать стратегии социального партнерства и избежать социального столкновения. Коллективно-договорные практики ГМПР, охватившие более 98% занятых в отрасли, являются основным полем деятельности профсоюза. Более половины его членов считают наиболее важным из профсоюзных прав именно «право на ведение коллективных переговоров и заключение колдоговоров и соглашений, контроль за их исполнением» [ГМПР..., 2004: 64]. В контексте новой экономической реальности – ограничение рынков сбыта российской продукции, разрушение логистических цепочек, проблемы с импортозамещением – ГМПР в мае 2022 г. предложил план мер для сохранения производства, рабочих мест, уровня заработной платы и социальной стабильности в трудовых коллективах.

Членство в профсоюзе. Всегда острая проблема и традиционно важное направление политики абсолютного большинства профсоюзов – приращение количества и качества своих членов. Численность членов ГМПР в последние три десятилетия неуклонно сокращалась, отражая курс власти на деиндустриализацию страны под флагом ее модернизации и перехода в постиндустриальную фазу. Как следствие, если в 1991 г. численность профсоюза составляла около 2 млн человек, то в 2021 г. – 612 тыс. человек при той же степени охвата.

ГМПР удастся сохранить активистский потенциал: более половины его членов активно или более-менее активно работают в профсоюзе, хотя опрос 2021 г. показал «откат» этого показателя (табл. 1).

В исследованиях на рубеже 2000-х гг. нами была предложена следующая типология профсоюзного участия:

- *рациональный тип (РТ)* ориентирован на защиту социально-экономических прав работника – уровня заработной платы, против необоснованного увольнения, других форм произвола начальства, что означает понимание роли профсоюза в системе трудовых отношений, его задач и функций;
- *организационный тип (ОТ)* присущ членам профсоюза, для которых важно чувство причастности к организации, другие мотивы практически не имеют значения;
- *традиционный тип (ТТ)* представлен теми, кто видят в профсоюзе источник льгот, материальной помощи, иных благ и услуг, т.е. сохраняют прежнее представление о роли профсоюза, хотя и оно во многом меняется;
- *инерционный тип (ИТ)* участия характерен для тех, кто не задумывается над причинами своего пребывания в профсоюзной организации, находится в ней по привычке, причем

Таблица 1

Активность в профсоюзе, 2007–2021 гг., %

Самооценки активности участия в деятельности профсоюза	2007	2011	2015	2021
Активно	32	31	37	31
Более-менее активно	30	29	30	23
Участвую время от времени	25	23	20	24
Совсем не участвую	11	16	9	21

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Зачем конкретно вам нужен профсоюз», 2021 г., %

Таблица 2

Типы профсоюзного участия, 2003 и 2021 гг., %

Ответы на вопрос, почему лично вы остаетесь в профсоюзе	Типы участия							
	2021				2003			
	РТ	ОТ	ТТ	ИТ	РТ	ОТ	ТТ	ИТ
Ради объединения действий в защиту интересов и прав работающих	30				9			
Профсоюз защищает меня от произвола начальства	10				8			
Профсоюз помогает сохранить уровень зарплаты	10				13			
Профсоюз защищает меня от увольнения	6				3			
Из чувства причастности к организации		14				8		
Из-за социальных гарантий, льгот и материальной помощи			22				40	
По привычке				8				19
Удельный вес типов участия, %	56	14	22	8	33	8	40	19

Примечание. В 2003 г. в опросе участвовали 1385 человек, в 2021 г. – 1000 респондентов.

за последние десятилетия привыкнуть нужно было и к новой ситуации, и к новому состоянию профсоюза.

В XXI в. произошли количественные изменения, отражающие рационализацию членства: наблюдается увеличение доли содержательного участия респондентов рационального и организационного типов, изменение характера традиционного участия, ориентированного на расширение социальных услуг, как, впрочем, и инерционного типа участия (табл. 2).

Профиль и содержание изменений позволяют говорить о новом качестве ГМПР – о рационализации мотивации участия, что подтверждают ответы опрошенных горняков на вопрос «Зачем конкретно вам нужен профсоюз?» (рис. 1). Как видим, более половины членов организации остаются в ней сознательно. Доминирующая мотивация членства в профсоюзе – его деятельность по защите трудовых прав (65%), она значительно превышает показатели традиционного советского потребительского и инерционного отношения к профсоюзу («иногда дает путевки на отдых» – 34%, «помогает перехватить деньги» – 16%, «привык быть в профсоюзе» – 24%).

Стратегия ГМПР и факторы гражданской/политической активности. Гражданская и политическая активность проявляется в двух формах: участие, понимаемое как деятельность в рамках существующих правил игры, и действие, понимаемое как деятельность, направленная на изменение правил игры [Патрушев, 2009; Структуры господства..., 2020]. Политика ГМПР ориентирована на обе формы активности.

В последние годы в условиях сужения поля публичной политики профсоюз сконцентрировался на стратегиях участия. По данным опроса 2021 г., по сравнению с опросом 2015 г. значительно (с 13 до 1%) уменьшилось количество участников несанкционированных митингов и других акций протеста. Значительно увеличилось участие горняков в таких мирных (конвенциональных) формах, как подпись под обращением, петицией в органы власти (до 16 против 7%), сбор денег на благотворительность (до 30 против 12%) и оказание помощи другим работникам предприятия (до 19 против 10%). Особенно расширилась такая форма коллективного волонтерства, как участие в субботниках, – с 17 до 53%, охватив более половины членов профсоюза.

При этом респонденты, как правило, самостоятельно, не под влиянием работодателей или существующих правил, принимали решение об использовании той или иной формы гражданской и политической активности. 64% респондентов самостоятельно принимали решение об участии в выборах, около 30% – об участии в избирательных кампаниях и разрешенных демонстрациях, о подписании петиций. 25–26% по своей инициативе участвовали в дискуссиях о политике в Интернете и в работе других (помимо профсоюза) общественных организаций. Принципиально важно, что данные обследований показывают *прямую корреляцию между активностью в профсоюзе и другими формами гражданской и политической активности* [Мирясова и др., 2013; Мирясова, 2014]. Это хорошо видно при выявлении различий форм гражданского участия активных и неактивных членов профсоюза, а также выборных и рядовых членов.

Как видим (табл. 3), активные члены профсоюза в полтора раза чаще, чем неактивные, помогают другим работникам (46 против 28%), почти вдвое чаще подписывают петиции (38 против 20%), в шесть раз чаще участвуют в легальных митингах (42 против 7%). Любопытно, что различия в уровнях активности между активными и неактивными членами практически не прослеживаются в отношении таких традиционных, «неполитизированных» форм, как донорство и участие в субботнике. Аналогичная картина складывается и из анализа данных, где сравнивается активность выборных и рядовых членов профсоюза (табл. 4). Инициаторами коллективных действий, как правило, являются выборные члены и профсоюзные активисты, которые способствуют накоплению социального капитала, влияющего на вовлеченность в различные практики.

В отношениях с существующими партиями стратегия профсоюза ориентируется на практику «взаимодействия с политическими партиями, чьи программные установки

Таблица 3

Гражданское участие активных и неактивных членов профсоюза, 2021 г., % выделенных подгрупп по степени активности

Активность в профсоюзе	Виды активности (ответы на вопрос, участвовал ли респондент, начиная с 2017 г., в следующих акциях)								
	забастовки	акции протеста	помощь другим работникам	петиции	легальный митинг	благотворительность	донорство	субботник	не ответили
Активные	0	2	31	24	24	41	8	59	11
Более или менее активные	0	1	15	14	18	29	11	53	21
Участвуют время от времени	1	1	18	11	7	28	9	51	27
Совсем не участвуют	0	0	10	9	0	17	9	46	39

Таблица 4

**Гражданская активность выборных и рядовых членов профсоюза, 2021 г.,
% опрошенных членов**

Виды активности	Выборные члены	Рядовые члены
Субботник	56	53
Благотворительность	41	29
Помощь другим работникам	32	19
Петиции	28	14
Легальный митинг	27	12
Донорство	5	10
Акции протеста	2	1
Забастовки	0	0
Не ответили	12	23

соответствуют целям и задачам профсоюза»³. Данные обследования 2021 г., как и предыдущих опросов, выявляют тотальное недоверие членов ГМПР (как и россиян в целом) ко всем политическим партиям. Во всех проводившихся нами опросах около 60% респондентов отмечали, что в России нет политических партий, представляющих их интересы, против менее 40% считающих, что такие партии есть. В обследовании 2021 г. распределение ответов на вопрос «Есть ли в России политические партии, действующие в интересах таких людей, как вы?» подтверждает это соотношение: положительно ответили 36%, отрицательно – 60%. В опросе 2011 г. соотношение было 37 и 56% [ГМПР..., 2011: 120]. В рейтинге институционального доверия респондентов-горняков политические партии находились в 2021 г. на последнем месте (6%), после Государственной думы (10%), Общественной палаты (9%) и государственного аппарата (9%). Первое место в рейтинге занимают профсоюзы (47%), опередившие даже президента, рейтинг которого среди членов ГМПР за последние 10 лет, по результатам наших опросов, снизился с 62 до 40%.

Обследования 2021 г. и предшествующие свидетельствуют о наличии запроса членов профсоюза на политическое представительство. Однако прослеживается тенденция к колеблющейся поддержке позиций, связанных с положительной оценкой роли партий в представительстве интересов трудящихся (с 37% в 2003 г. до 71% в 2011 г. и 52% в 2021 г.), наряду с ростом в последнее десятилетие критических и отрицательных оценок такой роли (соответственно с 79 до 73% и 91%) (табл. 5).

Таблица 5

**Оценки роли политических партий в решении социальных проблем, 2003–2021 гг.,
% опрошенных**

Оценки	2003	2007	2011	2021
Положительные оценки				
Полезно, когда партии в программах отражают интересы трудящихся	24	35	37	26
Партии полезны, если способствуют квалифицированному представительству рабочих на более высоком уровне	11	10	19	16
Партии способствуют успешному и быстрому решению проблем трудящихся	3	7	15	10
Отрицательные оценки				
Партии выступают в роли защитников интересов рабочих только в период выборов	25	23	29	36
Партии используют рабочих для получения власти, а потом предают	33	19	26	29
Политические партии ничего не дают рабочим	21	13	18	26

³ Программа действий Горно-металлургического профсоюза России на 2017–2021 годы. URL: https://www.gmpr.ru/upload/iblock/d63/viv3_rez0l.pdf (дата обращения: 12.07.2022).

Таблица 6

**Мнения об общественно-политической позиции профсоюза, 1999–2021 гг.,
% опрошенных**

Мнения, что профсоюз должен делать	1999	2003	2007	2011	2015	2021
Выработать и проводить собственную политическую линию	32	48	49	49	30	30
Быть в стороне от политики, это не его дело	28	27	23	24	20	20
Поддерживать нынешний социально-экономический курс правительства	3	10	19	13	10	10
Поддерживать те силы, которые выступают за проведение другой социально-экономической политики	14	19	14	11	9	9

Таблица 7

**Выбор общественно-политической линии профсоюза рядовыми
и выборными членами, % опрошенных**

Профсоюзный статус	Профсоюз в стороне от политики	Поддерживает проводимый курс	Против проводимого курса	Собственная политическая линия
Выборные члены	17	9	12	41
Рядовые члены	21	11	9	28

При рассмотрении факторов гражданского и политического участия особое значение имеет анализ ответов на вопрос, связанный с выработкой профсоюзной стратегии, – об общественно-политической позиции профсоюза (табл. 6).

На протяжении последних 20 лет устойчиво сохраняется, как видим, наибольшая поддержка позиции, что профсоюз должен выработать и проводить собственную политическую линию, хотя за последнее десятилетие количество ее сторонников уменьшилось почти на 20 п.п. При этом значительно выросло число затруднившихся с ответом (с 11% в 2011 г. до 31% в 2021 г.): члены профсоюза, видимо, не обладают достаточными информацией и компетентностью, чтобы выбрать конкретный вариант стратегии. Это подтверждается анализом распределения ответов рядовых и выборных членов профсоюза (табл. 7): среди последних заметно больше сторонников линии на самостоятельную, по сути тред-юнионистскую политику. Учитывая существенную поддержку позиции, что профсоюз должен быть в стороне от политики (20% респондентов), можно сделать вывод и о востребованности у некоторой части респондентов установки на деполитизацию, дистанцирование от существующих политических партий и политики в целом.

Формулируя свою стратегию, руководство профсоюза, очевидно, должно иметь в виду и представления членов ГМПР о желаемом будущем для страны. Важно, что на вопрос «К чему должна стремиться Россия прежде всего?» 45% респондентов ответили «к благу общества», столько же – «к счастью каждого человека», 7% – «к величию государства». Можно предположить, что установкам и представлениям членов ГМПР ближе всего стратегия, ориентированная на социал-демократическую модель общества, важной составной частью которой является сопряжение интересов личности и общего блага.

Политические экспликации деятельности ГМПР. Стержнем действующей модели политики ГМПР респонденты солидарно называют два сопряженных направления профсоюзной работы – представительство и защита интересов работников (54%) и ведение коллективных переговоров, заключение коллективных договоров (51%). Респонденты высоко оценивают усилия ГМПР в этих областях.

Исследование показало, что сформированная профсоюзными практиками убежденность работников предприятий в своей правовой защищенности при взаимодействии с работодателем принципиальным образом влияет на восприятие отношений власти

Таблица 8

Уверенность в равной правовой защите, % опрошенных

Субъекты взаимодействий с работниками	Уверенность в равной защите работника в сравнении с другими субъектами		
	уверен	не уверен	затруднились ответить
Работодатель	36	22	42
Государство	16	40	44

и общества, является мощным фактором легитимации всех уровней власти. Она положительно сказывается на оценочных суждениях респондентов о положении дел на предприятии, в регионе проживания и обществе в целом, существенным образом определяя весь набор установок – от когнитивных до поведенческих.

Во время опроса 2021 г. на равную защиту со стороны закона в отношениях с работодателем рассчитывали 36% респондентов, не рассчитывали 22%, ответить затруднились 42%. На первый взгляд достигнутые результаты не очень впечатляют. Но их реальное значение выявляет сопоставление с данными об уверенности респондентов в правовой защите при взаимодействии с государством: здесь положительно ответили 16% (разница в 20 п.п.), отрицательно – 40% (разница в 18 п.п.), затруднились ответить – 44% (табл. 8).

Полученные данные побуждают выделить две типологические группы. Первый тип составили респонденты, уверенные в своей правовой защите при взаимодействии с работодателем («защищенные»), второй тип – те, кто так не считают («незащищенные»). Выше отмечалось, что большинство респондентов (69%) отдает профсоюзу первое место в деятельности по защите их прав и интересов, но «защищенные» дают даже более высокие оценки (79% – на 10 п.п. больше); а «незащищенные» – соответственно на 13 п.п. меньше (56%).

Наблюдается прямая корреляция между уверенностью респондентов в правовой защищенности при взаимодействии с работодателем и их доверием к институтам: деятельность ГМПР по формированию правового взаимодействия на предприятии экстраполируется на государственный уровень, способствует легитимации государственной власти и политического порядка РФ. Действительно, на равную защиту со стороны закона при взаимодействии с государством рассчитывают 38% «защищенных» (в два раза больше, чем по всей выборке, где таких 16%) и 5% «незащищенных». Не уверены в такой защите 36% первой группы и шокирующие 86% – во второй. Разница в 50 п.п. в оценках защищенности законом при взаимодействии с государством позволяет определить деятельность профсоюзов по укреплению правового взаимодействия на предприятиях как важнейшее направление стратегий легитимации государственной власти.

Уверенность в правовой защите при взаимодействии с работодателем на предприятиях комплекса заметно повышает уровень доверия респондентов всем государственным структурам РФ (рис. 2). Важность выявленной корреляции самоочевидна в силу низкого доверия граждан к институтам государственной власти в целом.

Обращает на себя внимание полное сходство «иерархии доверия» у всей выборки, у «защищенных» и у «незащищенных» при существенном различии в самих оценках. Первое место в рейтинге доверия заняли профсоюзы, хотя в абсолютном большинстве опросов о доверии институтам и лидерам РФ это место занимает президент. Самые низкие позиции в иерархии объектов доверия занимают правительство и государственный аппарат – весьма неблагоприятный фактор развития продуктивного взаимодействия профсоюзов и государства.

Отметим также связь между уверенностью респондентов в правовой защите на предприятии и доверием политическим партиям. Похоже, что деятельность ГМПР по формированию политико-правового пространства на предприятиях «перевернула» известную тезу о профсоюзах как приводном ремне партии: теперь профсоюз выполняет функции приводного ремня от масс к партиям.

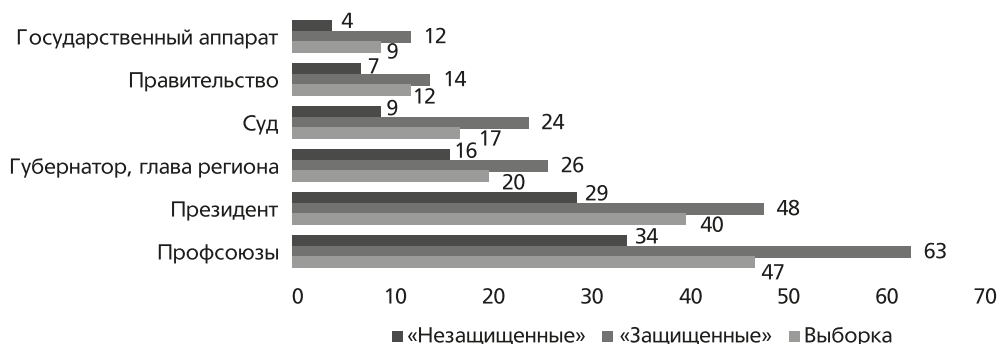

Рис. 2. Доверие к структурам и институтам государственной власти РФ, 2021 г., %

Рис. 3. Мнения о роли политических партий, 2021 г., %

Среди «защищенных» вдвое больше, чем среди «незащищенных», считающих, что в России есть политические партии, которые действуют в интересах таких людей, как они (47 против 22%). Мнение, будто в России нет политических партий, которые действуют в интересах таких людей, как они, разделяют 50% «защищенных» и 75% «незащищенных». Ответы на эти два вопроса зеркалят друг друга, указывая на устоявшееся мнение респондентов (рис. 3).

Лояльнее к политическим партиям относятся респонденты, ощущающие себя участниками политико-правовых отношений на предприятии. 23% «защищенных» и 35% «незащищенных» убеждены, что политические партии ничего не дают рабочим. Еще сильнее различия среди тех, кто обвиняет партии в политической нечистоплотности, соглашаясь с утверждением, что партии используют рабочих для получения власти, а потом предают их: 25% «защищенных» и 43% «незащищенных».

Вера в правовую защищенность при взаимодействии с работодателем оказывает заметное влияние на формирование у респондентов нормативно-ценностных установок, которые соответствуют задачам модернизации общества и развития солидаристских отношений, благоприятных для повышения гражданской компетентности работников комплекса.

Это проявляется, в частности, в том, что «защищенные» демонстрируют более высокий уровень межличностного доверия. Считают, что людям можно доверять 48% этой группы, в отличие от 38% у всей выборки и 39% «незащищенных». Сильно различаются мнения «защищенных» и «незащищенных» о целесообразности объединения для защиты общих интересов – важный показатель наделения полномочиями социального актора: за такое объединение выступают 85% «защищенных» и 69% «незащищенных» (по всей выборке – 77%).

Отметим еще один немаловажный социетальный аспект в деятельности ГМПР по формированию правового взаимодействия с работодателем. Уверенность в правовой защите при взаимодействии с работодателем положительно влияет на оценочные суждения респондентов об экономическом положении дел на предприятиях комплекса, в городе проживания и в стране в целом.

В заключение – о выявленной прямой корреляции между уверенностью респондентов в их правовой защите на предприятии и повышением доверия к профсоюзу. Считают, что профсоюз завоевал доверие большинства работников, 77% «защищенных» против 49% «незащищенных», а деятельность ГМПР оценивают как «довольно успешную» 44% «защищенных», но только 19% «незащищенных».

Заключение. Результаты проведенных за два с половиной десятилетия исследований деятельности ГМПР позволяют констатировать: последовательная коллективно-договорная практика авторитетного и пользующегося доверием работников профсоюза серьезно влияет на формирование коллективно-воображаемого образа российского государства, на легитимацию его структур. Деятельность профсоюза создает «снизу» предпосылки формирования в России инклюзивной политики. Реализуемая в широком контексте гражданского и политического участия деятельность ГМПР указывает на один из способов решения сложной и хронически не решаемой задачи по формированию акторов социальных и политических изменений – рациональных, компетентных, способных к рефлексии граждан, которые получили навыки взаимодействия с предпринимателями и структурами государства на принципах политико-правового равенства и взаимной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аносов С. Профсоюзы в современной России: некоторые направления исследований // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3. С. 244–261.
- ГМПР в меняющемся обществе. Аналитический доклад. М.: ГМПР, декабрь 2007.
- ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности: аналитический доклад. М.: ГМПР, декабрь 2011.
- ГМПР: солидарность и сотрудничество. Исследования и материалы. Редколл. И.В. Леденева, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев. М.: Антарес, 2004.
- Горно-металлургический профсоюз России в 90-е годы: вступая в 21 век: исследования и материалы / Редколл. А.М. Кацва, И.В. Леденева, С.В. Патрушев. М.: РИК Русанова, 2000.
- Горно-металлургический профсоюз России в 90-е годы: социальные проблемы и организованные действия / Отв. ред. А.М. Кацва. М.: Весь Мир, 1996.
- История социально-трудовых отношений в России. СПб.: СПбГУП, 2020.
- Мирясова О.А. Работники горно-металлургического комплекса: настроения и активность накануне нового политического цикла // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 2. № 12. С. 261–274.
- Мирясова О.А., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Цысина Г.А. Гражданское и политическое в профсоюзных практиках // Гражданское и политическое в российских общественных практиках. М.: РОССПЭН, 2013.
- Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт). СПб.: СПбГУП, 2020.
- Отчет по результатам исследования «ГМПР в год своего 30-летия: влияние, развитие, перспективы» / Отв. ред. и рук. проекта С.В. Патрушев. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.

Структуры господства, граждане и институты [Жаворонков А.В. и др.]. Отв. ред. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. М.: РОССПЭН, 2020.

Тарасенко М.В. Горно-металлургическому профсоюзу России – 20 лет // *Металлург*. 2011. № 1. URL: <https://naukarus.com/gorno-metallurgicheskomu-profsoyuzu-rossii-20-let> (дата обращения: 12.07.2022).

Pringle T., Clarke S. The challenge of transition. Trade unions in Russia, China and Vietnam. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

Статья поступила: 07.07.22. Финальная версия: 24.10.22. Принята к публикации: 26.10.22.

THE MINERS' AND METALLURGICAL WORKERS UNION OF RUSSIA: POLITICAL, LEGAL, AND CIVIC ASPECTS OF THE ACTIVITY

NEDYAK I.L.*, PAVLOVA T.V.*, PATRUSHEV S.V.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina L. NEDYAK, Dr. Sci. (Polit.), Senior Researcher (iraned@mail.ru); Tamara V. PAVLOVA, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher (tamarapavlova@mail.ru); Sergey V. PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Department of Comparative Political Studies (servpatrushev@gmail.com). All – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Presented analysis of the political, legal and civil aspects of the Miners' and Metallurgical Workers Union of Russia (MMWU) activities provides grounds to identify it as a rather successful actor in the policy of civil society development, social cohesion and societal integration of Russian society. The team of the Department of Comparative Political Studies of the IS RAS has been studying the activities of the MMWU for over 25 years; a solid database was collected and a series of empirical studies of the trade union's activities was conducted. The results of the latest survey served as a basis in this review and data from previous studies are also used. The findings of long-term monitoring gave the authors grounds to substantiate the conclusions reached. The formation of the MMWU as a modern type trade union is based on its conscious efforts in rationalization and modernization of membership. Thanks to it and due to the involvement of trade-union members in civic and political life MMWU activist potential has been maintained. Development of collective bargaining relations is a top priority of MMWU's policy. It has ensured protection of social and labor rights of workers. But not solely. What is especially important it has generated a political and legal space at the enterprises, the ethos and norms of which have been extrapolated to the regional and federal levels in the most vital realms for the healthy community. They legitimize social and political orders, increase institutional trust level, create favorable conditions for promoting emancipatory values and thereby agency and empowerment.

Keywords: trade union, types of participation, trade union and civic activism, normative-value attitudes, institutional trust.

REFERENCES

- Anosov S.S. (2017) Trade unions in modern Russia: some areas of research. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems]. Vol. 9. No. 3: 244–261. (In Russ.)
- History of social and labor relations in Russia*. (2020) St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
- Katzva A.M., ed. (1996) *Mining and Metallurgical Workers Union of Russia in the 90s: Social Problems and Organized Actions*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Katzva A.M., Ledeneva I.V., Patrushev S.V., eds. (2000) *Mining and Metallurgical Workers Union of Russia in the 90s: Entering the 21st Century. Research and Materials*. Moscow: RIK Rusanova. (In Russ.)
- Miryasova A. (2014). Employees of the Mining and Metallurgical Complex: Mood and Activity on the Eve of a New Political Cycle. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 2. No. 12: 261–274. (In Russ.)
- Miryasova A., Pavlova T., Patrushev S., Tzysina G. (2013) Civil and Political in trade-union practices. In: *Civil and political in Russian social practices*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- MMWU in a changing society. Analytical report*. (2007) Moscow: GMPR, December. (In Russ.)
- MMWU: development vector in the conditions of crisis, modernization and stability: analytical report*. (2011) Moscow: GMPR, December. (In Russ.)

- MMWU: solidarity and cooperation. Research and materials.* (2004) Editorial board: I.V. Ledeneva, T.V. Pavlova, S.V. Patrushev. Moscow: Antares. (In Russ.)
- Models of the trade union movement: history and modernity (foreign experience).* (2020) St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (2009) Civic activity: an institutional approach (research perspectives). *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 6: 24–32.
- Patrushev S.V., ed. (2021) *Report on the results of the study "GMPR in the year of its 30th anniversary: impact, development, prospects"*. FNISC RAS. Moscow: FNISTs RAN. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E., eds. (2020) *Structures of domination, citizens and institutions*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Pringle T., Clarke S. (2011) *The challenge of transition. Trade unions in Russia, China and Vietnam*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tarasenko M.V. (2011) The Mining and Metallurgical Trade Union of Russia is 20 years old. *Metallurg* [Metallurgist]. 2011. No. 1. URL: <https://naukarus.com/gorno-metallurgicheskomu-profsoyuzu-rossii-20-let> (accessed 12.07.2022). (In Russ.)

Received: 07.07.22. Final version: 24.10.22. Accepted: 26.10.22.

Социология международных отношений

© 2022 г.

А.В. АТАНЕСЯН, А.Е. МКРТИЧЯН

АРМЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой прикладной социологии (atanesyan@yandex.ru); МКРТИЧЯН Артур Ервандович – доктор философских наук, декан (amkrtchyan@ysu.am). Оба – факультет социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения.

Аннотация. Провозгласившая политику комплементаризма как приоритета союзнических отношений с РФ и параллельного многопланового (преимущественно невоенного) взаимодействия со странами Запада, постсоветская Армения все чаще сталкивалась со сложной проблемой выбора, выдвигавшейся как Россией, так и Западом. С началом современной эпохи прямой и открытой конфронтации между Западом и РФ (в частности, по поводу Крыма и Украины) прежняя модель армянского комплементаризма стала концептуально и практически невозможной. Несмотря на это, после «Бархатной революции» 2018 г. армянские элиты продолжают реализовывать параллельные и не всегда последовательные взаимоотношения как с РФ, так и с ЕС и США. Авторами предпринята попытка выяснения степени общественной поддержки пророссийского и прозападного векторов внешнеполитического курса властей Армении. Представлена актуальная динамика общественных восприятий и приоритетов во взаимоотношениях с внешними акторами после 44-дневной войны 2020 г. в Нагорном Карабахе на уровне как межгосударственных отношений, так и региональных пророссийских и прозападных союзов. Кроме динамики внешнеполитических приоритетов армянского общества в исследовании представлен микроуровень восприятий армянского общества в отношении представителей тех или иных государств региона. Исследование выявило картину внешнеполитических предпочтений армянского общества, все еще характерную для модели комплементаризма с привнесением новых элементов как пришедшими во власть после «Бархатной революции» элитами, так и меняющейся ситуацией в регионе и мире. Вносимые в армянский комплементаризм коррективы могут производить впечатление новых возможностей, но на деле создавать все больше рисков безопасности Армении и региона в условиях глобального противостояния между РФ и Западом.

Ключевые слова: Армения • Россия • Запад • «Бархатная революция» • война в Нагорном Карабахе • комплементаризм • общественное мнение

DOI: 10.31857/S013216250022088-9

Статья подготовлена по результатам исследования «Армянское общество на перепутье: внешнеполитическая ориентация, восприятия и предпочтения», осуществленного в сотрудничестве с Фондом Конрада Аденауэра в Армении (2021–2022).

Эволюция армянского комплементаризма. Постсоветская региональная динамика характерна несколькими основными тенденциями, прежде всего – открытым либо завуалированным поэтапным выходом ряда бывших советских республик из-под традиционного влияния РФ. Осуществление программы Восточного партнерства с ЕС с участием Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины, участие этих стран, а также государств Центральной Азии в программах НАТО имели целью именно постепенный вывод данных государств из наработанных взаимосвязей с Россией как минимум через материальное, политическое и идеологическое стимулирование альтернативного восприятия структуры региональной безопасности. Российское военное присутствие на постсоветском пространстве сталкивалось с нежеланием бывших братских республик нести на себе «бремя» элементов системы безопасности России. В результате после череды «цветных революций» в начале 2000-х гг. Грузия избрала прямой проамериканский курс, а Украина стала реконструировать национальную идентичность в противопоставлении себя России.

Ориентация союзников России по ОДКБ (в том числе Армении) на стратегическую приоритетность РФ под воздействием внешних соблазнов и стимулов постепенно теряла необходимый ресурс, наработанную инерционность и осмысленность. Членство в ОДКБ сочеталось с отсутствием единого информационного поля, со слабостью диалога и синхронизации восприятий и действий на уровне политических элит и обществ в плане единого понимания внешних угроз и встраивания в системное противодействие [Атанесян, 2011]. Параллельно происходило включение членов ОДКБ в другие союзы, отчасти несовместимые с единым видением внешних угроз и союзнических обязательств.

Ориентация элит и обществ в союзнических с РФ государствах на модели поведения российских государственных учреждений и чиновников синхронизировалась с самостоятельным (схожим) политическим поведением в виде попыток совмещения демократических преобразований (отчасти – их симуляции) с традиционной клановостью, культурой коррупции [Sahakyan, Atanesyan, 2006] и псевдопатриотизма, создавая диссонанс между формальным озвучиванием национальных приоритетов и фактически недостаточными усилиями по их реализации. Атомизация единого постсоветского информационно-идеологического пространства и активное системное внешнее воздействие западной «мягкой силы» [Nye, 1990] через образовательные, культурные, молодежные программы, туризм, Интернет – при отсутствии или существенной недееспособности российской «мягкой силы» – привели к декларативности ситуационных союзнических взаимодействий. Параллельно им шло развитие альтернативных тенденций и направлений, а по сути – целенаправленное размывание приоритетности стратегических взаимоотношений с Россией как основным союзником.

Попытки противопоставить западной «мягкой силе» российский аналог ни по форме, ни по содержанию не были сопоставимы и не увенчались успехом. Непоследовательность российской «мягкой силы» (вплоть до ее практического отсутствия) можно объяснить как функциональными особенностями (бюрократией, коррупцией, неэффективным управлением, отсутствием концептуальных подходов, недостаточной масштабностью) организаций, фондов и медийных каналов, создававшихся для ее реализации¹, так и бытующим в российской экспертной среде мнением, что «мягкая сила» России вообще не нужна².

На протяжении постсоветского этапа независимости Армения придерживалась про-российского стратегического курса, параллельно развивая партнерские взаимоотношения со странами Запада, включая ЕС (особые отношения с отдельными европейскими государствами) и США [Kostanyan, Giragosian, 2017; Mirzoyan, 2010]. Это называлось

¹ Евгений Примаков пообещал улучшить работу Россотрудничества // SNG.Today. 2020. 26 июня 2020. URL: <https://sng.today/moscow/13855-evgenij-primakov-poobeschal-uluchshit-rabotu-rossotrudnichestva.html> (дата обращения: 26.05.2022).

² Фененко А. Реальность и мифы «мягкой силы» // Российский совет по международным делам (РДСМ). 2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/> (дата обращения: 13.05.2022).

политикой комплементаризма, или сбалансированных интересов [Armenia's Foreign..., 2013; Minasyan, 2012]. Такой подход был обоснован как географическим и цивилизационным положением Армении на перекрестке Запада и Востока, так и диаспоральным ресурсом как инструментом реализации национальных интересов Армении в различных государствах [Manukyan, 2021; Aleksanyan, Bejanyan et al., 2019]. Несмотря на участие в ряде программ НАТО, военно-стратегическое партнерство с РФ считалось в Армении безальтернативным. В области трансформации науки и образования как Армения, так до последнего времени и РФ ориентировались на западные стандарты (Болонскую систему). Вместе с тем в экономической и идеологической сфере политика комплементаризма перманентно ставила армянскую политическую элиту перед сложной проблемой выбора (в частности, между ассоциацией Армении с ЕС и членством в ЕАЭС) [Шанявский, 2016]. Проблему выбора внешнеполитического вектора в рамках модели многовекторности и «умной силы» [Gallarotti, 2015] до украинского кризиса пытались решать путем наведения мостов между интересами Запада и РФ, предлагая превратить Армению в уникальную площадку стратегического диалога [Второй стратегический..., 2013].

Пришедшая благодаря «Бархатной революции» в Армении весной 2018 г. новая политическая элита во главе с бывшим оппозиционным депутатом, журналистом Н. Пашиняном, в основном выступала с критикой прежней власти, не затрагивая внешнеполитический курс страны [Атанесян, 2018]. С приходом к власти Пашинян инициировал политико-уголовное преследование прежнего военно-политического руководства страны, а также некоторых представителей крупного бизнеса. Преследованиям подверглись представители всех ветвей власти, в том числе судебной, а на ключевые должности были выдвинуты лояльные новому руководству люди, включая руководителей министерства обороны, полиции и службы национальной безопасности, которых премьер-министр Пашинян затем неоднократно менял. Подобные частые кадровые перестановки следует расценивать как системное перераспределение власти и ресурса в пользу новых элит с гарантированием их неприкосновенности через «своих людей» в силовых ведомствах. Вместе с тем постоянные кадровые смещения, а также гонения на «бывших» руководителей постепенно лишили систему государственного управления ранее наработанного опыта и ресурса, ослабили внутреннюю конкурентность, сделали лояльность власти одним из основных критериев отбора и назначения чиновников, а в целом дестабилизировали институциональные структуры управления, причем в условиях актуализации внешних (в том числе военных) угроз безопасности страны [Атанесян, Челпанова, 2021].

Как до смены власти в стране через «Бархатную революцию» 2018 г., так и после революции армянские элиты придерживались политики комплементаризма. В последние годы они продолжают, теперь уже не всегда открыто, предпринимать определенные действия как в формате стратегических взаимоотношений с РФ, так и в рамках взаимодействия с западными структурами. В частности, в контексте украинского кризиса комплементарные попытки постреволюционных армянских элит все еще схожи в основном с пророссийским курсом дореволюционных элит Армении. Не присоединившись к признанию Крыма частью РФ, Армения вместе с Беларусью проголосовала против принятой Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции о милитаризации Крыма от 17 декабря 2018 г., а затем в числе 35 государств воздержалась при голосовании по Резолюции ES-11/1 «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 г. Затем Армения не стала голосовать за принятую в качестве санкции за действия РФ в Украине резолюцию ГА ООН о «Приостановлении прав Российской Федерации, связанных с членством в Совете ООН по правам человека», а также воздержалась при принятии большинством членов ГА ООН Резолюции о «Территориальной целостности Украины: соблюдении принципов Устава ООН» от 12 октября 2022 г., осуждавших проведение 23–27 сентября 2022 г. референдумов в Донецкой, Запорожской, Луганской и Херсонской областях о присоединении к РФ.

Вместе с тем существенным различием между до- и послереволюционными армянскими элитами является их подход к комплементаризму в вопросах безопасности самой

Армении. Если до «Бархатной революции» армянские элиты пытались балансировать между интересами России и Запада в преимущественно пророссийском ключе, отдавая предпочтение комплексному стратегическому союзу с РФ и исходя из принципа «Россия – прежде всего» [Terzyan, 2019], то пришедшие к власти в Армении после «Бархатной революции» элиты стали реализовывать политику комплементаризма по модели открытых дверей. Они приглашали участвовать в решении стратегических вопросов безопасности Армении не только стратегического союзника в лице России, но и других глобальных и региональных акторов, прежде всего ЕС и США.

Причиной подобного смещения подходов и методов к реализации армянского комплементаризма новыми элитами является не только приписываемая постреволюционной власти в Армении и лично Пашиняну антироссийская настроенность, прикрытая его публичными пророссийскими выступлениями³, но и, прежде всего, недостаточная наполненность армяно-российских стратегических взаимоотношений конкретным содержанием и функциональностью, в чем есть вина обоих государств. Образовательная, информационно-идеологическая и культурная составляющие безопасности Армении были в существенной степени (а после «Бархатной революции» 2018 г. – целиком) отданы на управление западным институциональным структурам. Кроме того, восприятие армянами себя как союзников России, а также РФ как союзницы Армении постепенно размывалось через утрату единых внешнеполитических ориентиров. Поступательное сближение России с Турцией и Азербайджаном, продолжавшими наращивать направленный против интересов Армении единый военно-экономический и политический ресурс, создало ценностный диссонанс на уровне национальной идентичности и вызвало внутренний раскол как внутри армянского общества, так и в диаспоре. Противоречивый образ России как союзницы и Армении, и врагов Армении не укладывается в привычную логику «друзья моего друга – мои друзья», а также восприятия себя, «других» и «чужих» как необходимых ориентиров групповой идентичности. Подобная утрата внутренних ориентиров через неопределенность внешнеполитической ориентации отчасти привела к утрате веры в Россию как исторического гаранта безопасности Армении, отчасти – к внутреннему конфликту и даже расколу внутри армянского общества по поводу того, кого теперь следует считать «своими» и «чужими».

Как следствие, открытое постреволюционными армянскими элитами окно возможностей по участию в трансформации места Армении в регионе (в том числе в политико-географическом пространстве) не только для РФ, но и для других акторов (ЕС, США, Иран) демонстрирует иную модель армянского комплементаризма, в которой России больше не отводится приоритетная роль, несмотря на фактическую незаменимость РФ для Армении. Даже являющаяся традиционной угрозой безопасности Армении Турция, активно реализующая политику смещения в свою пользу структуры региональной безопасности, после войны в Карабахе осенью 2020 г. активно претендует на роль участницы в настоящем и будущем Армении, не встречая особого сдерживания со стороны как самой Армении, так и РФ.

Между тем принципиальные противоречия между интересами России и Запада в различных регионах мира (прежде всего, вокруг Украины) с вероятностью вовлечения в конфликт большого политико-географического пространства, включая Армению, объективно сузили возможности для балансирования. Несмотря на объективные и субъективные причины для поиска Арменией новых союзников и защитников, глобальный кризис вокруг Украины и его вероятное углубление сделали необходимой переориентацию сил в регионе с опорой, прежде всего, на имеющийся, гарантированный, наработанный ресурс. Понимание подобной необходимости на уровне как элит, так и общества является стратегической задачей выживания в условиях глобального кризиса. В этом плане выявление общественных настроений в ключевых, опорных и вместе с тем все более спорных

³ Армянский демарш: Ереван ищет новых друзей // NEWS.RU. 28 сентября 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27454.3/4657042/> (дата обращения: 17.10.2022).

единицах региональных комплексов безопасности, включая Армению после «Бархатной революции» 2018 г. и Карабахской войны 2020 г., является важным компонентом стратегического планирования в условиях актуальных рисков и неопределенности.

Именно на выявление внешнеполитических приоритетов и предпочтений армянского общества было направлено проведенное авторами в июле – октябре 2021 г. (т.е. после Карабахской войны 2020 г. и непосредственно после внеочередных парламентских выборов в Армении в июне 2021 г.) масштабное социологическое исследование⁴. Основной задачей исследования было выявление восприятия и приоритетов армянского общества в условиях внешнеполитической дилеммы «Россия – Запад». Особенности пророссийской и прозападной позиции в армянском обществе измерялись через предпочтительность институциональных форм взаимодействия в рамках региональных военно-политических и экономических союзов (ОДКБ, НАТО, ЕС, ЕАЭС), а также через измерение микроклимата в армянском обществе, включая желание/нежелание иметь с представителями России и Запада деловые, дружеские и семейные отношения.

Россия и Запад как полюса общественных предпочтений. Прежде всего, исследование показало, что после случившихся с Арменией двух системных кризисных событий – «Бархатной революции» 2018 г. и сопутствовавших ей общественно-политических трансформаций, а затем поражения в войне в Нагорном Карабахе 2020 г. и затяжного внутривойного конфликта – армянское общество продолжает рассматривать взаимоотношения с РФ как приоритетные. Так, согласно результатам исследования, 56% опрошенных предпочли пророссийскую, 37% – прозападную, 7% – нейтральную внешнеполитическую ориентацию Армении.

Вместе с тем, если сравнить уровень доверия России в армянском обществе за последнее десятилетие, то он постепенно падал (рис. 1)⁵.

Как видим, тенденция падения доверия к РФ является актуальной и характерной для последнего десятилетия. Она, соответственно, имеет под собой системные, комплексные причины. В связи с этим необходимо отметить три ключевых момента. Во-первых, уровень

Рис. 1. Уровень доверия России и Франции в армянском обществе до и после «Бархатной революции» 2018 г. и Карабахской войны 2020 г., %

⁴ Исследование осуществлено на базе факультета социологии Ереванского государственного университета в сотрудничестве с Фондом Конрада Аденауэра и Экспертным центром «Социес». В рамках исследования проведены стандартизированные анкетные интервью с общенациональной выборкой, включая 1530 респондентов по всей Армении. Размер ошибки выборки – 3%. Социально-демографическая структура выборки: 37% опрошенных – из Еревана, 63% – жители десяти других регионов Армении; 48% – мужчины и 52% – женщины; 26% – люди в возрасте 18–30 лет, 46% – 31–55 лет, 28% – от 56 лет и старше; 64% – люди с неоконченным средним, средним и средним специализированным образованием, 36% – с высшим образованием, в том числе 1% – с ученой степенью.

⁵ Показатели на 2011–2019 гг. приведены по: CRRC Caucasus Barometer // CRRC Armenia. 2017, 2020. URL: https://www.crrc.am/wp-content/themes/crrc/barometer_files/presentations-2017.pdf; https://www.crrc.am/wp-content/uploads/2019/03/CB_2019_PPT_ENG_v.3.pdf (дата обращения: 16.04.2022).

доверия РФ как союзнице после войны в Нагорном Карабахе 2020 г. фактически оставался прежним. Поэтому не является достаточно обоснованным говорить о разочарованности граждан Армении в степени участия РФ и падении уровня доверия в отношении союзницы в армянском обществе именно под влиянием событий в Карабахе. Во-вторых, после войны в Карабахе обозначился существенный рост доверия к Франции как к наиболее дружественному с точки зрения общественного восприятия государству Запада. Это, вероятнее всего, связано с традиционно дружественными армяно-французскими взаимоотношениями, с выделившейся среди других стран ЕС и существенно отличной от позиции США ролью Франции во время войны в Карабахе 2020 г., а также с менее завышенными ожиданиями армянского общества в отношении участия Франции по сравнению с существенно завышенными ожиданиями в отношении роли России. Как следствие, после войны в Карабахе вырос именно рейтинг Франции, а не России. В-третьих, говоря о Западе как альтернативе России в восприятии армянского общества, следует учесть диспропорциональную стереотипность образа Запада. Для сравнения: рейтинг Франции и США после войны в Карабахе составил 84 и 38% соответственно.

Результаты исследования дифференциации внешнеполитической ориентации армянского общества между Россией и Западом по возрастным подгруппам респондентов, по уровню образования и по месту проживания демонстрируют интересную картину (рис. 2, 3, 4). Респондентам было предложено указать свое предпочтение в отношении России и Запада по шкале, где крайние полюса отражают однозначную предпочтительность либо России, либо Запада, а промежуточные варианты демонстрируют разные степени тяготения к полюсам.

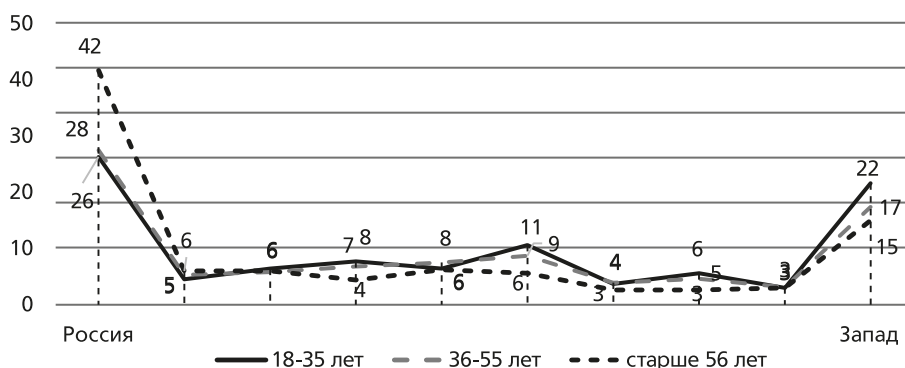

Рис. 2. Результаты по возрастным группам респондентов, в % от групп

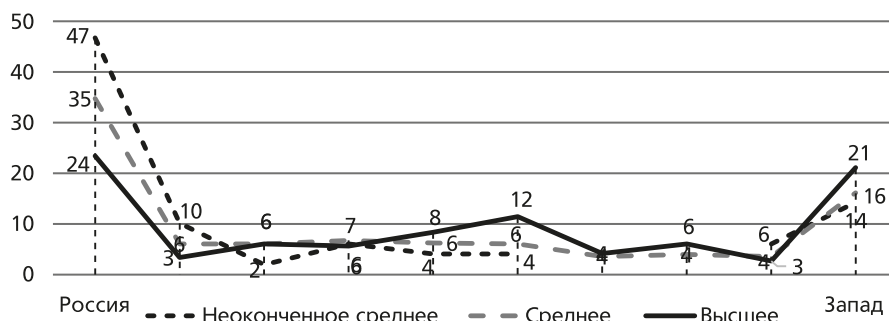

Рис. 3. Результаты по образовательным группам респондентов, в % от групп

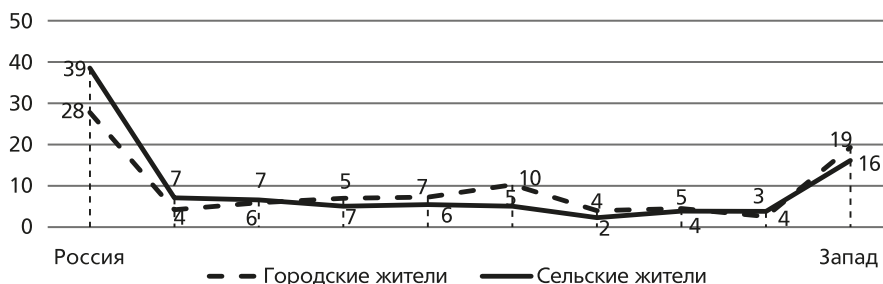

Рис. 4. Восприятия городских и сельских жителей, в % от групп

Как видим, граждан с однозначно пророссийскими предпочтениями больше, чем с прозападными. Наиболее пророссийски настроены пожилые представители армянского общества (старше 56 лет), люди с неоконченным и окончанным средним образованием, сельские жители. Тяготение этих категорий граждан к России и пророссийской внешнеполитической ориентации объясняется, в частности, ностальгичностью восприятий пожилого поколения в отношении России, ассоциирующейся с Советским Союзом. Что касается граждан без высшего образования и сельских жителей, то они, как правило, наиболее активно участвуют в трудовой (сезонной) миграции на территорию РФ, соответственно, экономически зависят от России и склонны считать ее важным источником своего благосостояния.

Можно заметить, что чем моложе граждане Армении, тем больше они тяготеют к Западу. Среди прозападно настроенного населения несколько больше городских жителей, однако доля пророссийски настроенных среди сельчан существенно выше, чем среди горожан. Наконец, среди представителей армянского общества с прозападной ориентацией больше людей с высшим образованием, чем без. Это означает, что прозападная ориентация набирает обороты среди представителей среднего класса и бюрократии. Кроме того, политические настроения граждан с высшим образованием более рациональны. Их тяготение к Западу может быть результатом рефлексии, а не ностальгии или эмоциональных проявлений, а также следствием воздействия на них западной «мягкой силы» — образовательных программ, грантов, туризма в странах ЕС и США, возможности сравнивать конкретные европейские страны и РФ по экономическим, социальным и другим показателям. Распространенность прозападных настроений среди армянской молодежи и населения с высшим образованием свидетельствует о недостаточном воздействии на них «мягкой силы» России, о ее неэффективности или даже отсутствии.

Внешнеполитическая ориентация и отношение к постреволюционной власти.

Мы попытались выяснить отношение к РФ и Западу в связи с провластными и оппозиционными настроениями соответствующих сегментов армянского общества. Данная корреляция позволит выявить возможную взаимосвязь между деятельностью революционных властей Армении, при которых, в частности, армянская сторона потерпела поражение в карабахском конфликте осенью 2020 г., и внешнеполитической ориентацией поддерживающих власть граждан. Согласно гипотезе, широко распространенной в СМИ, поддерживающие правительство Н. Пашиняна граждане имеют скорее прозападную, нежели пророссийскую, политическую ориентацию, что является следствием прозападной политики Пашиняна. Но так ли это на самом деле?

Полученные результаты (рис. 5) показывают, что прозападные настроения в армянском обществе с поддержкой послереволюционного правительства во главе с Н. Пашиняном напрямую не связаны. Однозначно поддерживающие нынешнее руководство Армении граждане в основном тяготеют к России, причем даже больше, чем люди с определенной долей критического настроения в отношении внутренней политики. Вместе с тем именно оппозиционно настроенные граждане Армении преимущественно

Рис. 5. Особенности внешнеполитической ориентации граждан Армении в связи с их внутриполитическими настроениями, в % от опрошенных

ориентированы на пророссийскую внешнюю политику, но в наименьшей степени, чем другие сегменты общества, – на прозападную.

Отношение к региональным союзам как индикатор внешнеполитической ориентации. Мы попытались измерить внешнеполитические предпочтения армянского общества через отношение граждан к перспективности взаимодействия Армении с прозападными и пророссийскими региональными военно-политическими и экономическими союзами, включая ОДКБ, НАТО, ЕС и ЕАЭС (табл.).

Если пророссийское направление внешней политики Армении для большинства представителей армянского общества предпочтительнее прозападного, то на уровне институциональных структур такая политика отчасти «зависает в воздухе»: прозападные региональные организации считаются в армянском обществе более эффективными, чем пророссийские. Несмотря на отсутствие планов по углублению взаимодействия Армении с НАТО (о возможном членстве в НАТО вообще нет и речи), взаимоотношения с НАТО считаются в армянском обществе эффективнее членства в ОДКБ. На низком рейтинге ОДКБ в армянском обществе могла сказаться критика ОДКБ членами правительства Армении и лично премьер-министром Пашиняном в бытность свою оппозиционными деятелями до «Бархатной революции», а также отзыв Пашиняном генерального секретаря ОДКБ от Армении Ю. Хачатурова [Атанесян, Челпанова, 2021]. Кроме того, причиной подобной смены приоритетов стала разочарованность в бездействии ОДКБ, под которой нередко воспринимают именно Россию с ее региональным безопасностным потенциалом. Два официальных обращения Армении в ОДКБ – в 2020 г. по поводу войны в Карабахе,

Таблица

Отношение армянского общества к перспективности взаимодействия с пророссийскими и прозападными региональными союзами, % от опрошенных

Региональные союзы	Военно-политические союзы			Экономические союзы		
	ОДКБ	НАТО	ни то, ни другое	ЕАЭС	ЕС	ни то, ни другое
Перспективность взаимодействия	29	34	26	29	46	13

Примечание. В таблице не указаны доли затруднившихся ответить (по 11% на вопросы о каждом из двух видов союзов).

когда Азербайджан атаковал приграничные территории Армении⁶, и в 2022 г. после прямых военных действий Азербайджана теперь уже на территории самой Армении⁷ – так и не задействовали механизм коллективной защиты. Подобный исход был в определенной степени предопределен различиями интересов стран-членов ОДКБ, а также занятой Россией в украинском конфликте⁸.

Получается, что стратегическое взаимодействие с РФ в армянском обществе видится скорее напрямую, нежели опосредованно региональными организациями (в частности, ОДКБ). Как видно из полученных данных, треть жителей Армении все же считают членство страны в ОДКБ и в ЕАЭС перспективным. Вероятнее всего, рейтинг ОДКБ в дальнейшем продолжит падать, особенно после неудовлетворенного обращения Армении от 13 сентября 2022 г. о восстановлении ее территориальной целостности после военных действий Азербайджана, вплоть до актуализации вопроса о выходе Армении из ОДКБ⁹.

Несмотря на преимущественно пророссийские настроения в армянском обществе, именно Евросоюз воспринимается как наиболее перспективная структура, в том числе и по сравнению с ЕАЭС. Интересно заметить, что образ ЕС в восприятии жителей Армении конкретнее и позитивнее (46%) образа Запада в целом (37%). Возможно, уровень доверия к Западу (как Западной Европе плюс США) от присутствия США лишь проигрывает, что, вероятно, характерно именно для армянского общества в отличие от других, в том числе постсоветских обществ (например, Грузии). В этом плане визит спикера Палаты представителей США Н. Пелоси в Армению в сентябре 2022 г. мог повлиять на рост не столько проамериканских, сколько антироссийских настроений в армянском обществе (в частности, с ущербом для авторитетности ОДКБ)¹⁰.

Микроуровень внешнеполитических предпочтений. Наконец, мы попытались измерить настроения послевоенного армянского общества касательно взаимоотношений с РФ и Западом через микроуровень, выяснив степень предпочтительности деловых, дружеских и семейных отношений с представителями России и западных обществ (рис. 6). Для сравнения приведены также данные об отношении граждан Армении к представителям соседних государств¹¹.

Из результатов опроса видно, что деловые и дружеские отношения для представителей армянского общества являются примерно одинаково предпочтительными. Можно сказать, что для армян дружба предполагает также возможность деловых отношений, доверительность, а деловые отношения ведут также к дружбе, строятся на неформальных взаимосвязях. Подобным образом армяне готовы дружить и сотрудничать со многими народами, а из приведенного списка – преимущественно и примерно одинаково с европейцами, русскими и американцами. Представители Индии, Ирана, арабских стран, Грузии также считаются надежными партнерами, однако с грузинами готовы больше дружить,

⁶ Никольский А. Путин объяснил, почему ОДКБ не вмешивалась в карабахский конфликт // РИА Новости. 17 ноября 2020. URL: <https://ria.ru/20201117/karabakh-1585078430.html> (дата обращения: 17.10.2022).

⁷ Армения обратилась к ОДКБ из-за ситуации на границе с Азербайджаном // РИА Новости. 13 сентября 2022. URL: <https://ria.ru/20220913/armeniya-1816482067.html> (дата обращения: 17.10.2022).

⁸ Бернштейн Д. Почему белорусские военные не поедут защищать Армению // DW. 16 сентября 2022. URL: <https://www.dw.com/ru/pochemu-belorusskie-voennye-ne-poedut-zasisat-armeniu-ot-azerbajdzana/a-63148181> (дата обращения: 17.10.2022).

⁹ Рокс Ю. Армения может приостановить свое членство в ОДКБ // Независимая газета. 18 сентября 2022. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-09-18/5_8542_armenia.html (дата обращения: 17.10.2022).

¹⁰ Бондарев Г. Визит Пелоси разжег в Армении кампанию против ОДКБ // Независимая газета. 21 сентября 2022. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-09-21/100_225321092022.html (дата обращения: 19.10.2022).

¹¹ С жителями Индии в армянском обществе связаны повседневные, бытовые отношения: в вузах Армении ежегодно обучается несколько тысяч студентов из Индии. С арабскими странами Армению связывают регулярные прямые авиарейсы, благодаря чему граждане Армении часто посещают именно арабские страны с целью туризма, работы, а также транзита для полетов в США.

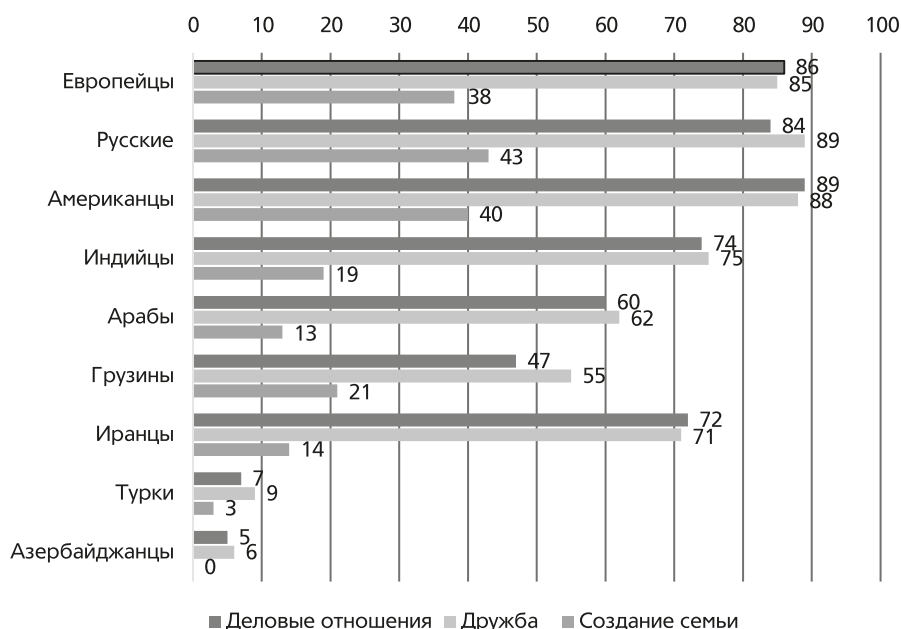

Рис. 6. Предпочтительность деловых, дружеских и семейных отношений с представителями разных наций, % от опрошенных

чем сотрудничать. Несущественная разница между предпочтением дружить, а уже потом иметь деловые отношения присутствует также в отношении русских.

Семейные отношения – иной вопрос. Как видно из результатов исследования, к созданию семьи в армянском обществе относятся более консервативно, нежели к дружбе и бизнесу. В этом плане русские, затем американцы и уже потом европейцы имеют преимущества по сравнению с другими нациями из приведенного списка, в котором наименее предпочтительно создание семьи с турками, а семья с азербайджанцем (азербайджанкой) в армянском обществе как вариант вообще не рассматривается.

Выводы. Предпочтительность РФ как союзницы и стратегического партнера Армении на макроуровне в общественном сознании армянского общества остается доминирующим нарративом, однако за прошедшее десятилетие основной тенденцией был спад доверия к РФ при росте доверия к Западу. Несмотря на объективные и субъективные причины разочарованности ролью и степенью участия РФ на стороне Армении в условиях войны в Карабахе осенью 2020 г., а также отражение подобных настроений в публичном дискурсе, уровень доверия к России как союзнице после войны оставался примерно таким же, что и до этого.

Стереотипный образ Запада в армянском обществе воспринимается преимущественно через образы Евросоюза и США. Ассоциативный ряд среди европейских стран возглавляет Франция, рейтинг которой после войны в Карабахе резко вырос, что, вероятно, связано с менее завышенными ожиданиями в отношении Франции, чем в отношении РФ, а также подчеркнуто проармянской позицией этой страны по сравнению с другими странами ЕС в условиях карабахской войны. Иначе говоря, Францию в армянском обществе сравнивают не с Россией как союзницей, а с другими европейскими странами. Рейтинг Франции в общественном сознании армянского общества после войны впервые оказался выше рейтинга РФ и существенно выше рейтинга США.

Слабой стороной пророссийской внешнеполитической ориентации армянского общества являются институциональные структуры (ОДКБ, ЕАЭС), которые обеспечивают доверие союзнице лишь отчасти и существенно уступают прозападным региональным аналогам (ЕС, НАТО). Это, в частности, связано с отсутствием единого информационного поля и общей идеологии безопасности на пространстве ОДКБ, а также объективной статичностью ОДКБ.

Преимущественно пророссийская внешнеполитическая ориентация армянского общества с существенным спадом рейтинга РФ за последние десять лет фактически никак не сказывается на микроуровне человеческих взаимоотношений. Они демонстрируют примерно одинаковую предпочтительность европейцев, русских, американцев в качестве деловых партнеров, друзей и спутников жизни. Вместе с тем уровень позитивных восприятий русских в армянском обществе выше рейтинга самой России как союзницы. В свою очередь, уровень доверия России как союзнице существенно выше восприятий перспективности участия Армении в пророссийских региональных структурах.

Исследование показало, что после «Бархатной революции» в Армении в 2018 г., а также после войны в Карабахе в 2020 г., несмотря на динамику поляризации сил и акторов на постсоветском пространстве в контексте глобального противостояния между Западом и Россией, армянское общество продолжает жить иллюзией возможности балансирования между интересами РФ и Запада в регионе. Этому способствует также деятельность властей Армении по реализации союзнических взаимоотношений с РФ, в которых Армения особенно нуждается после войны в Карабахе, и параллельном участии в инициативах Запада, в том числе в карабахском вопросе. Инициативы Запада по участию в безопасности Армении и урегулированию карабахского вопроса после войны осенью 2020 г. способствуют росту популярности отдельных западных стран (прежде всего, Франции) в армянском обществе и имеют двойной эффект – закрепление своей роли в региональных трансформациях и нивелирование традиционного места и роли России на Южном Кавказе. В условиях украинского кризиса снижение уровня доверия к РФ в союзнических государствах является немаловажным ресурсом для продвижения интересов США и ЕС на постсоветском пространстве.

Параллельно со снижением уровня доверия РФ в армянском обществе традиционный армянский комплементаризм с приоритетностью России как союзницы все больше трансформируется в политику открытых дверей по приглашению к участию других региональных акторов в решении проблем безопасности Армении. Такая политика отчасти является реакцией на интенсивность внешних угроз и недостаточную эффективность их преодоления в рамках традиционных союзнических отношений, отчасти – следствием поведения армянских элит после «Бархатной революции». Вместе с тем комплементаризм по модели открытых дверей, особенно в условиях украинского кризиса, может стать источником дополнительных рисков, прежде всего, для безопасности самой Армении, а также для России как союзницы, испытывающей системные вызовы глобальной и региональной безопасности.

Следует понимать, что в сложившихся условиях комплексной конфронтации между Западом и РФ Армения не обладает возможностями ни для наведения мостов между Россией и Западом, ни для извлечения выгод из создавшегося положения. Иллюзия возможности стратегического маневрирования в подобных условиях при отсутствии необходимых для этого внутренних и внешних ресурсов может стать для Армении источником дополнительных рисков. Однако существенная модернизация пророссийских региональных структур безопасности и их адаптация к новым условиям гибридного противостояния с гарантированным обеспечением безопасности Армении также является стратегическим императивом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Атанесян А.В., Челпанова Д.Д. Фактор влияния постпротестных политических элит Армении на армяно-российские взаимоотношения: проблемы, возможности и риски // *Общественные науки и современность*. 2021. № 4. С. 116–131. [Atanesyan A., Chelpanova D. (2021) The Factor of Influence of Armenia's Post-Protest Political Elites on Armenian-Russian Relations: Problems, Opportunities and Risks. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 4: 116–131. (In Russ.)]
- Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2018. № 6. С. 80–98. [Atanesyan A.V. (2018) 'Velvet Revolution' in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6: 80–98. (In Russ.)]
- Атанесян А.В. Проблемы безопасности информационного поля на пространстве ОДКБ // ОДКБ и Южный Кавказ: перспективы мира и безопасности в регионе. Материалы международной конференции. Приложение к военно-научному журналу «Айкакан банак» Института национальных стратегических исследований им. Д. Канаяна МО РА. 2011. № 1–2. С. 126–140. [Atanesyan A.V. (2011) Security problems of the information field in the CSTO space. In: *The CSTO and the South Caucasus: Prospects for Peace and Security in the Region. Materials of the international conference. Special issue of the military-academic journal "Haykakan Banak"*. The Institute of National Strategic Studies named after D. Kanayan of the Ministry of Defense of the Republic of Armenia. No. 1–2: 126–140. (In Russ.)]
- Второй стратегический политический форум «Политико-безопасностные ориентиры формирования военной составляющей ОДКБ», 26–27 июня // Приложение к военно-научному журналу «Айкакан банак», специальный выпуск / Под ред. Котанджяна Г.С. Ереван: Институт национальных стратегических исследований им. Д. Канаяна МО РА, 2013. [The Second Strategic Political Forum "Political and Security Guidelines for the Formation of the Military Component of the CSTO", June 26–27 (2013) In: *Special Issue of the Military-academic journal "Haykakan Banak"*. Yerevan: The Institute of National Strategic Studies named after D. Kanayan of the Ministry of Defense of the Republic of Armenia. (In Russ.)]
- Шанявский А. Интеграционный поворот Армении от ЕС в сторону ЕАЭС // «21-й ВЕК». 2016. № 1 (38). С. 43–69. [Shanyavsky A. (2016) Armenia's integration turn away from the EU towards the EAEU. "21-й ВЕК" [21st CENTURY]. No. 1 (38): 43–69. (In Russ.)]
- Aleksanyan A., Bejanyan V., Dodon C. et al. (2019) Diaspora and democratisation: Diversity of impact in Eastern Partnership countries. *Global Campus Human Rights Journal*. No. 3: 96–112.
- Armenia's Foreign and Domestic Politics: Development Trends. (2013). Ed. by Palonkorpi M., Iskandaryan A. Yerevan: Caucasus Institute and Aleksanteri Institute.
- Gallarotti G. (2015) Smart Power: Definitions, Importance, and Effectiveness. *Journal of Strategic Studies*. No. 38: 245–281.
- Kostanyan H., Giragosian R. (2017) *EU-Armenian Relations: Charting a Fresh Course*. CEPS Research report. URL: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2017/11/HKandRG_EU_Armenia.pdf (accessed 14.06.2022).
- Manukyan S. (2021) An empirical study of the criteria for the ethnic identity of Armenians in Armenia. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 12(34): 3–18.
- Minasyan S. (2012) Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States. *Demokratizatsiya*. Vol. 20. Is. 3: 268–273.
- Mirzoyan A. (2010) *Armenia, the Regional Powers, and the West: Between History and Geopolitics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Nye J.S. Jr. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.
- Sahakyan V., Atanesyan A. (2006) Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior. *Demokratizatsiya*. Vol. 14. Is. 3: 347–354.
- Shirinyan A. (2019) *Armenia's Foreign Policy Balancing in an Age of Uncertainty*. Research Paper. Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-03-14-Armenia3.pdf> (accessed 14.06.2022).
- Terzyan A. (2019) The Aftermath of the "Velvet Revolution": Armenia Between Domestic Change and Foreign Policy Continuity. *Eastern European Journal for Regional Studies (EEJRS)*. No. 1 (2): 24–43.

Статья поступила: 05.09.22. Финальная версия: 20.10.22. Принята к публикации: 26.10.22.

ARMENIA BETWEEN RUSSIA AND THE WEST: FOREIGN POLITICAL PRIORITIES IN PUBLIC OPINION

ATANESYAN A.V.*, MKRTICHYAN A.E.*

**Yerevan State University, Armenia*

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Pol.), Head of Applied Sociology Department (atanesyan@yandex.ru); Arthur E. MKRTICHYAN, Dr. Sci. (Philos.), Dean (amkrtchyan@ysu.am). All – Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia.

Acknowledgement. This work is part of the research project “Armenian Society on Crossroad: Foreign Political Orientation, Priorities, and Perceptions”, funded by Konrad Adenauer Foundation (Armenia) in 2021–2022.

Abstract. Having declared the policy of complementarity as a priority of allied relations with the Russian Federation and parallel multifaceted (mainly non-military) interaction with Western countries, Armenia increasingly faced the strategic difficulty of this diverse choice. With the beginning of the direct and open confrontation between the West and the Russian Federation around Ukraine, the former model of complementarity has finally become conceptually and practically almost impossible. The paper presents the current dynamics of public perceptions of foreign political priorities in Armenia after the 44-day war in Nagorno-Karabakh, revealed in the context of the global confrontation between the Russian Federation and the West. The study shows that public perceptions of Russia as a strategic ally to Armenia remain a dominant narrative. Despite the objective and subjective reasons for the disappointment with the role of Russia in the Karabakh war of 2020, as well as the reflection of such moods in public discourse, the level of trust in Russia as an ally after the war remained about the same as before, but over the past decade, the decline of trust in Russia in favor of the West was the main trend. The stereotypical image of the West is mainly associated with the EU (France in particular) and with the USA; the rating of France in the Armenian society is significantly higher than of the United States. It has sharply increased after the war in Karabakh, probably due to lower expectations towards France than towards Russia among Armenians and the pro-Armenian position of France compared to other EU countries in the Karabakh war. Among the weaknesses of the pro-Russian foreign policy orientation of the Armenian society is low trust toward the Russia-based institutional structures (CSTO, EAEU), while pro-Western regional counterparts (EU, NATO) seem to be more perspective for Armenia.

Keywords: Armenia, Russia, West, society, public perceptions, the Velvet Revolution in Armenia, the war in Nagorno-Karabakh, complementarity.

Received: 05.09.22. Final version: 20.10.22. Accepted: 26.10.22.

© 2022 г.

Л.А. КОЗЛОВА

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИОГРАФИЙ В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

КОЗЛОВА Лариса Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, зав. сектором социологии науки, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (LarissaKozlova@yandex.ru).

Аннотация. Цель статьи – охарактеризовать методологию историографии истории социологии. Базой исследования послужили теоретические и метатеоретические работы по проблемам историографии, важным для понимания состояния и развития социологического знания. Историография интерпретируется как саморефлексия истории социологии, возможность создания ее интегративных образов. Определяются предметная область историографии, ее задачи, уровни, единицы анализа и т.д. Кратко описаны тенденции историографии истории социологии с середины XX в. Выявлены и рассмотрены теоретико-методологические представления о принципах и моделях построения историографии истории социологии; приведены примеры аналитических обобщений опыта историографий, охватывающие историю социологии с 1960–1970-х по 2010-е гг. Показаны эпистемические ориентиры мировой историографии истории социологии, уровень их применения. Сделаны выводы о состоянии методологии историографии истории социологии и важности её развития как части социологического знания.

Ключевые слова: история социологии • историография • историография истории социологии • методология историографии • эпистемические ориентиры историографий

DOI: 10.31857/S013216250022701-4

Введение. Во всем множестве работ по истории социологий разных стран мира нет четкого представления о методологии ее написания. Если другие социологические дисциплины тяготели к разработке методологий, история социологии «демонстрирует необычайный уровень незаинтересованности в методе» [Collyer, Manning, 2021; Erickson, 2010], причем авторы явно или латентно придерживаются какой-либо методологической позиции. В концептуализации историописания социологии и ревизии его методов есть потребность, обусловленная тем, что пока продуцируются неполные, эклектичные и противоречивые картины прошлого социологии. Что касается истории отечественной социологии, то по поводу буквально всех ее периодов многое не прояснено, не досказано, многое нуждается в пересмотре. Периодизации чаще всего образуют «лоскутное одеяло» не связанных фрагментов истории – дореволюционной, постреволюционной, советской, постсоветской, интегративная картина национальной социологии не существует даже в прообразе.

Общие проблемы истории социологии упираются в объемы знания, в обилие школ и направлений, полипарадигмальность социологии, ее зависимость от меняющихся социально-политических условий, идеологий и т.д. Свою роль может играть незаинтересованность историков социологии, использующих различия подходов как ресурс влияния и престижа, аргумент для прекращения дебатов, создания собственных школ

[Genov, 2022: 3]. Очевидно, история социологии – глобальная, национальная, региональная – не может быть написана по универсальным правилам. Ведь любой исторический факт или процесс может быть интерпретирован по-разному. Неоправданный плюрализм точек зрения приводит к релятивизации знания о прошлом социологии. Речь, очевидно, может идти об относительном смягчении плюрализма, причем в рамках конкретных парадигм; одно из условий этого – выработка конвенциональных теоретических и методических инструментов. К ним, в частности, относятся модели и принципы историографии.

Не секрет, что историческим исследованиям отечественной социологии незаслуженно отводится второстепенная роль на фоне современных научных проблем¹. Поэтому вначале попытаемся ответить на возможный вопрос социологов, занимающихся актуальной проблематикой: какое значение история социологии, ее историография имеют для науки сегодня, следует ли их изучать? Наш ответ утвердительный. Образ прошлого социологии влияет на ее самоидентификацию и развитие, на самосознание социологов, на интерес к ней новых поколений исследователей, на престиж в обществе и авторитет в мировой науке. Но сначала этот образ, отвечающий научным стандартам, должен быть сформирован, чему способствует историография. Ее построение зависит от концептуальной «точки зрения», «оптики» отдельного исследователя, группы или поколения ученых. Образы прошлого социологии изменчивы во времени. Однако изменчивость образов, «привязанных» к определенному «месту», относительна, поскольку на них действуют механизмы наследования в виде культурных традиций². Действие историографической концепции таково, что, становясь устойчивой, она вносит значимый вклад в создание представлений современных исследователей о прошлом науки. Это, в свою очередь, способствует пониманию, почему социология сегодня такая, а не иная, как усовершенствовать стандарты знания и познания, и т.п.

Приведем свидетельства важности упорядочивания истории социологии и его влиянии на ретроспективы и перспективы теоретического знания. П.А. Сорокин в работе «Современные социологические теории», давая концептуальную оценку школам и стилям мышления, как наиболее продуктивный выделяет «социологический», указав тем самым на перспективу антиредукционистской социологии [Алиева, 1995: 52]. Дж. Ритцер, концептуализировав существование т.н. «прелюдии к разработке теорий», основанной на изучении и интерпретации имеющегося теоретического багажа, отметил, что теории Т. Парсонса базировались на идеях Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето и А. Маршалла [Ритцер, 2002: гл. 3]. Переосмысление и упорядочение истории социологии помогает обновлению социологического языка и концептуального аппарата: «...часть функций историка состоит в том, чтобы помочь нам избежать или, по крайней мере, ослабить хватку тех категорий мысли, которые мы настолько принимаем как должное, что почти не осознаем их» (С. Коллини, цит. по: [Charoulie, 2009: 19]). Примеры можно продолжить.

Вместе с тем историографирование не исключает возникновения проблем исторического описания социологии. Речь, в частности, идет о закреплении её многоликости, расщепленности, порождаемых классификациями (см., напр.: [Approaches to social theory, 1986; Gusfield, 1979 и др.]): намеренная тематизация «спорадически возникающих вариаций и несовпадений в развитии теоретической системы социологии» ведет «к оформлению новых научных программ, постоянно конкурирующих между собой» [Алиева, 1995: 54].

Несмотря на возможную амбивалентность, историография социологического знания – это способ его теоретической саморефлексии с целью критики, отыскания ошибок

¹ «Историческая составляющая социологических исследований, уже редуцированная чуть ли не до хронологических рамок прошлого века... явно “стремится к нулю”», – отмечал Ю.Н. Давыдов. – Это создает впечатление «прогрессивного паралича исторического сознания социологии» и псевдотеории – мифической или «пребывающей вне времени и пространства “постсовременности”» [Давыдов, 2003: 44]. Дебаты в западной литературе о полезности истории социологии для теоретиков и для эмпириков обычно приходят к позитивным выводам (см., напр.: [Erickson, 2010; Dayé, 2018 и др.]).

² Исследование проблем соотношения изменчивости и наследования, на наш взгляд, особенно актуально для «прерывистой» истории российской социологии и ее историографии.

и путей развития. В современном понимании разделяемый образ истории науки, социальной или гуманитарной, – это один из факторов профессиональной культуры и идентификации исследователей, наконец, часть интеллектуальной культуры общества. Совершенствование интегративных принципов и методов историографии социологии – актуальная задача. Однако в российской социологии специальных историографических работ мало, преждевременно говорить о становлении соответствующей дисциплины.

Цель статьи – охарактеризовать существующие методологические средства историографии истории социологии и их источники. Для этого выявлены теоретико-методологические представления отечественных и западных авторов об историографии науки в целом, принципах и моделях построения историографии истории социологии, дан очерк истории историографии. Базой исследования послужили теоретические и метатеоретические работы, содержащие: (1) взгляды историков, философов, социологов на историографию науки, ее задачи, уровни, функции, единицы анализа и т.д.; (2) экспликацию и обобщение методических подходов, явно или неявно использованных в исследованиях по истории социологии периода 1960–1970-х – 2010-х гг. Используется по преимуществу формально-методологический подход, предполагающий фокус не на «реальной» истории социологии, а на рефлексии авторов над этой историей, логике историографий, нормативных критериях, на основе которых может быть упорядочен исторический материал. Не важны жанр (монографический, учебный и т.п.) или целевая направленность источника, демонстрирующего принципы историографии; мы не видим смысла делить точки зрения авторов, скажем, по страновой или языковой принадлежности. Это только утяжелило бы текст. Исключение сделано для глобальных и национальных историографий, что связано с характером использованных материалов. Статья не отвечает на вопрос, как писать «правильную» историю социологии, но стремится продемонстрировать познавательные возможности этого, предоставляемые историографией как инструментом историописания.

Определения предметной области историографии истории науки, ее задач и уровней. Понятие историографии и сама дисциплина в исторической науке имеет широкий спектр толкований. В самом общем значении термин «историография» «указывает на вербальную форму историописания, изложения материала в форме исторического нарратива» [Репина, 2011: 389]. Однако в разных традициях содержание термина включало «философию и методологию истории, историю исторического образования, историю историков или историю изучения отдельных вопросов, проблем и т.д.» [Маловичко, 2014: 162]. Словарно-энциклопедические³ описания термина и дисциплины «историография» сходятся на трех позициях: 1) *написание истории* (мира, страны, общества, периода, проблемы, общественной сферы, включая науку); 2) *метауровневый (методологический, эпистемологический) анализ опыта познания истории*; 3) *совокупность исторической литературы*.

В историографии истории науки можно выделить два уровня: 1) исследование собственно ее реальной истории как процесса, дисциплинарных аспектов и практик – персоналий, школ и направлений, институтов и т.п. в развитии; 2) изучение опыта этого познания, его теоретико-методологических принципов в их развитии⁴. В первом случае мы говорили бы об *историографии первого порядка*, во втором – об *историографии второго*

³ Речь идет о: толковый словарь С.И. Ожерова; *New World Encyclopedia*; энциклопедия *Britannica*; «Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь»; «Большая российская энциклопедия». В рассмотренных нами специализированных энциклопедических изданиях по социологии статьи, посвященные историографии, отсутствуют: см., напр., *The Cambridge Dictionary of Sociology* под ред. Б. Тёрнера (2006), *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* под ред. Дж. Ритцера (2007).

⁴ Ср.: «Историография может иметь два значения. Это может означать просто (профессиональное) написание истории, то есть отчеты о событиях прошлого, написанные историками; но это может также означать теорию или философию истории, то есть теоретические размышления о природе истории... В своем последнем значении историография представляет собой метадисциплину... чисто описательная история не будет историографией, но она может быть объектом историографического анализа» [Kragh, 1987: 21].

порядка. Историография истории науки (или историография науки) первого порядка воспроизводит «реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» [Маркова, 2009: 333].

Историография науки второго порядка – метатеоретический уровень исследования, изучение эпистемологии и методологии построений, метауровневая рефлексия над ходом развития историко-научной мысли на его этапах или в целом (разновидность метатеории в духе Дж. Ритцера). Это теоретико-аналитический взгляд как бы «над» написанной историей науки. Историография социологического знания в этом понимании есть «рефлексия о процессе конструирования» его исторической ретроспективы, «поиск эпистемологических оснований» и методов истории социологии [Маловичко, 2014: 161, 163]. Этот уровень в фокусе внимания нашей статьи.

От историографии истории к историографии социологии. Историография любой науки – один из маркеров ее зрелости, поэтому история в этом плане опережала социологию, но между двумя историографиями есть генетическая связь. В России разработки историографии истории начались на рубеже XIX–XX вв. и связаны с именами историков, политических деятелей – В.С. Иконников, В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов. В первой четверти XX в. возникла так называемая «русская традиция историографии социологических учений» в лице представителей не только социологии – Н.И. Кареева (ему принадлежат первые теоретико-методологические установки этой традиции и ее название), М.М. Ковалевского, В.М. Хвостова, К.М. Тахтарева, Н.С. Тимашева и П.А. Сорокина⁵.

Среди современных социологов первенство в постановке проблем изучения истории и историографии российской социологии принадлежит И.А. Голосенко, открывшему это направление в «Социологических исследованиях» статьей «История социологии как научная проблема: анализ главных подходов в зарубежных исследованиях» [Голосенко, 1976]⁶. Более широкий интерес к этому направлению с серьезной методологической рефлексией социологи проявили в 1990-е гг. (в неполном перечне – А.Н. Алексеев (1934–2017), Г.С. Батыгин (1951–2003), З.Т. Голенкова, И.А. Голосенко (1938–2001), Ю.Н. Давыдов (1929–2007), Б.З. Докторов, Г.Е. Зборовский, А.Г. Здравомыслов (1928–2009), Л.А. Козлова, В.В. Козловский, А.Н. Малинкин, Н.В. Романовский, В.В. Сапов, А.Ю. Согомонов, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсов и др.). Требуется дальнейшее развитие этого направления.

Историография науки как отрасль знания на Западе возникла в 1960-е гг. К числу её отцов-основателей, в частности, относят Дж. Агасси [Agassi, 1963], Т. Куна [Kuhn, 1962, 1968], Г. Бухдала [Buchdahl, 1965]. Историк Г. Иггерс известен анализом трансформаций историографии глобальной исторической науки после Второй мировой войны под влиянием новых социальных наук, отходящих от макроисторических исследований к микроистории, культурной истории и истории повседневности [Iggers, 1997, 2012]. *Историография социологии как социологическая субдисциплина*, создающая новые аналитические инструменты, сформировалась в метатеоретических исследованиях западной науки во второй половине XX в. [Алиева, 1995]. Она поставила вопросы о критериях историографических классификаций, методологических принципах теоретического конструирования, начала разрабатывать модели, идеальные типы, объяснительные принципы и схемы и т.п., предоставляя возможности сознательно формировать образ истории социологии. В 2010-е гг. возобновились поиски статуса истории социологии в комплексе наук, методологии ее написания и т.п. [Chapoulie, 2009; Fleck, Dayé, 2015; Dayé, 2018; Steinmetz, 2018; Collyer, Manning, 2021 и др.]. Они во многом повторяли обсуждения 1960–1970-х гг.

⁵ Позже в нашей науке историографическая тематика интересовала историков, философов (Е.А. Мамчур, А.П. Огурцов, В.С. Степин и др.) и историков науки, преимущественное внимание уделявших естественным наукам.

⁶ Далее мы ссылаемся на эту статью, опубликованную под другим названием в: [Голосенко, 2002: 11–26].

Тенденция последнего десятилетия – призывы и попытки развивать историю социологии (периода после Второй мировой войны) на почве интеграции социальных и гуманитарных наук, обоснование междисциплинарной и сравнительной историографии (см., напр.: [Camic, 2014; Fontaine, 2015])⁷. Очевидно, это ответ на проблемы и поиски современных социально-гуманитарных наук. Считается, что междисциплинарные и дисциплинарные подходы состоят в отношениях взаимодополняемости; сравнительная междисциплинарность помогает объяснить историографическое развитие на основе факторов, характерных для отдельных дисциплин, и социальных, политических, интеллектуальных событий, выходящих за рамки отдельных дисциплин⁸.

Современная историческая саморефлексия социологии преимущественно опирается на наработки историков, используемые ими в своей науке, но обращается к философским, психологическим, культурологическим аспектам анализа, схемам и моделям. Учитываются теории, принятые в социологии и истории (см., напр.: [Charoulie, 2009]), а также постпозитивистские и постмодернистские принципы философии науки, разработанные Ж. Бодрийяром, Д. Блуром, Т. Куном, А. Койре, И. Лакатосом, Б. Латуром, М. Малкеем, М. Фуко, П. Рикёром, Э. Эбботом и др.⁹ Среди эпистемологических ориентиров, различающихся по предлагаемым единицам анализа, методам и т.п., назовем институциональный, биографический, поколенческий, парадигматический, сетевой, нарративистский, лингвистический, тематический, проблемный, событийный, просопографический, основанный на контент-анализе и дискурс-анализе, фрактальный. Важно отметить, что эти ориентиры, как правило, спорадичны, единичны, лишь предлагаются в теоретических работах и редко применяются в исследовательском опыте историков социологии при попытках исторического описания или построения историографии (о некоторых примерах речь ниже). Трудов, специально посвященных методологии историографии, где бы эти ориентиры развивались, несоизмеримо меньше, чем по собственно истории социологии.

В «канонической» учебной литературе по истории социологии наблюдается стойкая тенденция к потере ориентиров исторического описания. М.М. Соколов, исследовавший динамику схем построения аспирантских учебников по теории социологии с их «ранних этапов» по 1990-е гг., заключил: «Никакой метатеоретической логики, способной упорядочить множество подходов, не остается» [Соколов, 2015: 38]. Более того, со временем создателям учебников, видимо, приходится идти по пути упрощения историографических схем: «Если в 1960-х учебники быстро меняются... затем и набор авторов, и каталог узаконенных перспектив застывают, и в ранних 2000-х мы находим тот же список “перспектив” или “парадигм”, что и в ранних 1980-х» [там же, 2015: 50]¹⁰.

Примеры осмысления опыта историографических подходов в социологии. Выборочно рассмотрим работы, написанные в разное время в духе историографии второго уровня и посвященные исследованиям истории социологии 1960–1970-х – 2010-х гг.

⁷ Отметим, что эти призывы – хорошо забытые старые: напр., А. Лавджой писал о необходимости междисциплинарного сотрудничества для понимания идей прошлого (*Historiography of Ideas*, 1938); междисциплинарно строилась история российской социологии до первой четверти XX в.

⁸ Встречную тенденцию, обращаясь к социологии и смежным с ней дисциплинам, обнаруживают, напр., экономисты (А.А. Мальцев) и особенно историки (см., напр.: [Савельева, Полетаев, 2003, 2006; Релина, 2011; *Historiography of...*, 2014; Fontaine, 2015] и мн. др.).

⁹ Такой арсенал идей потенциально расширяет историографические представления, но и приносит большую неопределенность. В интерпретации Ж.-Ф. Лиотара она выражена предельно: «Интересуясь... квантами, конфликтами с неполной информацией... катастрофами, прагматическими парадоксами, постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, несладкого, парадоксального развития. Она меняет смысл слова “знание”... Она производит не известное, а неизвестное» [Лиотар, 1998: 143].

¹⁰ Ср. этот вывод с идеями Э. Эббота: социальные науки не находятся в постоянном развитии, но циклически вращаются вокруг «неизбежного образца основных принципов», а новые школы мысли – это не столько реакция на ситуацию в науке, сколько *переизобретение фундаментальных концепций* (*Chaos of disciplines*, 2001).

В упомянутой статье И.А. Голосенко рассмотрел историю социологии через призму типологии классических западных работ, выделив их типы в зависимости от принципов построения историографий: «биографические», делающие акцент на описании творческого пути мыслителя с учетом социального контекста (Р. Мак-Мастер, Е.В. Тарле); системные («социологическая мысль как система»), изучающие общую логику развития идей, совокупность существующих школ, направлений, теорий (Н.С. Тимашев, Д. Мартиндейл, П.А. Сорокин), идейных традиций, сквозных понятий и тем (Р. Нисбет, Ч. Лумис). Третий тип рассмотрен на примере работы А. Гоулднера «Наступающий кризис западной социологии». Этот тип И.А. Голосенко считает «углубленным» и «наиболее важным и плодотворным с социологической точки зрения», поскольку идеи анализируются не только в логическом контексте, но и в «более широкой системе отношений и связей», с учетом «общекультурного стиля групповой психологии, идеологии личного опыта». Помимо традиционных, этот тип отвечает на новые вопросы: «почему теоретик думал именно так, а не иначе, каковы причины популярности или упадка теории, и т.п.» [Голосенко, 2002: 21]. И.А. Голосенко акцентировал социальные, культурные и ментальные аспекты историописания, предлагая опираться на методы и принципы «социологии знания» и «социологии социологии». Он не абсолютизирует ни один из выделенных типов, считая каждый необходимым и правомерным при учёте их возможностей и методологических границ.

Словацкий социальный философ Д.Я. Алиева – автор фундированного анализа западных работ «Историографическая саморефлексия в современной социологии» (1995) – остановилась на разработках историографии в рамках метатеоретических исследований: функции историографии; влияние на нее теоретической системы социологии, идей историзма и презентизма; единицы историографического «исчисления» и т.д. Автор выделяет такие задачи историографии социологии: *дескриптивно-регистрирующую, аналитико-дискриминационную и конструктивную* [Алиева, 1995: 50–53]. Первая связана с фиксированием в хронологической последовательности событий, идей, теорий, открытий и т.п., совершаемых в процессе исторического развития науки. Аналитико-дискриминационная задача связана с систематизацией и классификацией описательных данных путем анализа теорий и концепций, с селекцией наиболее значимых из них, с уточнением их логической структуры и границ. В результате формируется концептуальное содержание теорий и направлений, рутинизируется понятийный аппарат. В историографии социологии даже на раннем этапе сочетались оба названных подхода, что выливалось в создание многочисленных классификаций, хотя они неполны, в историко-социологических работах П.А. Сорокина, Н.С. Тимашева, Р. Барта, Т. Боттомора, Р. Нисбета, Дж. Ритцера и др.

Третья – конструктивная задача, присущая зрелому состоянию социологии, не довольствуется дескрипциями/классификациями и решается на базе создания теоретических ориентиров. Р. Нисбет моделирует историю социологии с помощью теоретических конструктов или тем, характерных для «золотого века социологии» (1830–1900), – *community, authority, status, the sacred, alienation* (община, власть, статус, священное, отчуждение) [Nisbet, 1966], составляя «подобия концептуально-тематических единств, которые становятся исходными единицами нового классификационного порядка социологических учений». Основой служат *элементы различающихся классических социологических концепций*. Новая типология социологических теорий базируется уже не на внешних знаках, а на характеристиках, связанных с сущностным ядром социологической традиции» [Алиева, 1995: 53]. То есть Нисбет прочерчивает линию европейской социологической традиции от А. де Токвиля до М. Вебера.

Благодаря идеям Т. Куна континуальные представления о развитии истории социологии сменились дисконтинуальными, вызвав потребность в поисках новых репрезентативных единиц историографического анализа. На первый план вышла парадигма. Наряду с этим наблюдалось комбинирование подходов личностно-биографического и «школьного» (Н.С. Тимашев, Дж. Ритцер). М. Абрахамсону в книге «Социологическая теория» (1981) удаётся сочетать три типичных способа организации материала: *исторического*

(расположение материала по эпохам), *тематического* (выделение школ) и *индивидуального* (учёт вкладов ведущих теоретиков). Появились подходы, основу классификаций в которых составили языковые области (англоязычные, франкоязычные и т.д.), региональные и национальные/страновые (Г. Беккер, Г. Барнс), а также континентальные (американская/европейская) социологии (Х. Клагес). Эти подходы опираются на презентацию классических текстов, школ и личных вкладов. Не деля социологию на школы, Нисбет апеллирует к континуальности социологической традиции, предложив упоминавшуюся оригинальную единицу анализа – «идеи, которые являются элементами системы».

Некоторые социологи сознательно абстрагируются от названий школ, используя общеметодологические характеристики – «элементаризм», «холизм», «индивидуализм», «коллективизм» и т.п. (Д. Мартиндейл); «номинализм», «сингуляризм», «атомизм», «систематичность» и «системность», «тоталитарность» и «нетоталитарность» и т.д. (поздний П.А. Сорокин). К началу 1970-х гг. парадигмальный подход стал основным. С его помощью предполагалось усовершенствовать историографию социологии (Р. Фридрихс, Д. Экберг, Л. Хилл). При этом она сосредоточилась не на изменениях науки вследствие научных революций, а на классификациях парадигм, видя в них «продукты своей конструирующей активности» [там же: 62]. Осуществить новый синтез социологических теорий не удалось, и к 1980-м гг. возник мультипарадигмальный анализ социологии (Т. Боттомор, Р. Нисбет, Дж. Ритцер). Оба анализа парадигм не смогли существенно углубить историографические методы, поскольку по-прежнему большую роль отводили исследованиям школ и личных вкладов социологов.

Наиболее перспективный подход к эволюции социологии Д.Я. Алиева связывает с учетом отмечаемых специалистами возникающих тенденций («трендов», «перспектив»), – например, *структурно-морфологических* (специализация и дифференциация социологии; гетерогенность сообщества (У. Мур); «интернализация» (Т. Боттомор, Р. Нисбет)) и *идейно-когнитивных* и *методологических* (реидеологизация, рефилософизация; «индигенизация»; переход к качественной методологии, к нормативизму морального плана и др.) [там же: 66–67]. Наличие таких трендов не отменяет классификаторских или парадигмальных подходов.

Оригинальный и продуктивный историографический подход в конце 1990-х – начале 2000-х гг. предложил Ю.Н. Давыдов¹¹ (см., напр.: [Давыдов, 2003]). Значение подхода – прежде всего в стремлении на базе глубокого исследования истории мировой социальной философии объединить два «разошедшихся» базовых раздела социально-научного знания – теорию и историю, независимо друг от друга изучающих: первая – современное состояние общества (включая его теорию), вторая – историю знания о нем. Постепенное расхождение, отметившее собой эволюцию социально-научного знания от изначально-го единства теории и истории в эпоху эллинизма до последующего сужения его исторического горизонта, – сигнал о современном кризисе этого знания, что зафиксировано в предлагаемой Ю.Н. Давыдовым типологии этапов глобальной истории социально-научного знания [там же: 9].

Эволюция знания рассматривается как *целостный процесс*, при котором на более поздних этапах происходит освоение опыта предыдущих – в разных формах преемственности, модификации, искажения. Так, с античной социальной философией, богатство которой определяется погруженностью в культурно-историческое прошлое древнеегипетской мысли, автор связывает генезис и важнейшие этапы социального знания, «отмеченные повторными обращениями к ее истокам» в эпоху Ренессанса, в Новое и Новейшее время. Без платоновской и аристотелевской концепций общества не состоялось бы классического этапа с идеями О. Конта и К. Маркса [там же: 14–15]. Платоно-аристотелевская типология форм политического господства – «азбучная истина» нашей теперешней

¹¹ Главным в проекте Ю.Н. Давыдова и его коллег было исследование эволюции теории социологии. История социально-научного и социологического знания для этой цели служила своего рода «методологической призмой».

политологии и социологии политики» [там же: 10–11]. Макиавеллистская редукция общественных отношений к политическим, акцентированная Ю.Н. Давыдовым, обозначила тенденцию сужения социально-исторического горизонта социологического знания, что впоследствии породило его кризисы. Наиболее удачным образцом для их преодоления автор считает теоретико-методологический и социально-исторический подход М. Вебера и представителей веберовского ренессанса [там же: 46–47].

Австралийские социологи Ф. Кольер и Б. Мэннинг анализируют состояние историографии социологии в 2000-е гг. в статье *Writing national histories of sociology: Methods, approaches and visions*. Они отмечают, что национальные историографии наибольшее внимание уделяют институциональной и организационной истории социологии конкретной страны, а не концептуальным и методологическим подходам: «не существует всеобъемлющей, окончательной истории социологии, практикуемой в какой-либо стране, которую можно было бы выгодно сравнить с ведущими работами по другим дисциплинам»; «нет ничего, что определяло бы область или устанавливало шаблон для последующих исследователей»; отсутствует «согласованная историческая методология» [Collyer, Manning, 2021: 3]. Авторы анализируют наиболее распространенные единицы историографического анализа, выделенные в работе коллег по общей методологии историографии социальных и поведенческих наук [Fleck, Dayé, 2015]: 1) действующие лица: история отдельных ученых, групп авторов, поколений и когорт; 2) идеи: история концепций, теорий и исследовательских программ; 3) инструменты: история методологий, методов, приемов и исследовательских практик; 4) учреждения: история учреждений и организаций; 5) контексты: история включения науки в более широкую социальную, политическую, культурную и экономическую среду [ibid: 4].

Многие национальные истории сосредоточены более чем на одной из этих единиц анализа, но ни в одной не охвачены все пять. Применяя эту типологию к обзору англоязычной литературы последних лет¹², Кольер и Мэннинг стремятся выявить и критически оценить историографические практики. Вот лишь некоторые результаты, касающиеся методологии. Традиционный для историографий биографический подход сосредоточен на акторах, их идеях и практиках, представляя историю в виде шествия «великих людей и великих дел». Такие модели в модифицированном виде переносятся в историю социологии из истории идей, обычно превращая первую в условно упорядоченную биографию «выдающихся» личностей. Изучая более высокие уровни агрегации – группы ученых, «школы», их часто рассматривают изолированно, вне идейного взаимодействия. Долгое время доминировавший в историописании социологии подход «история идей» («виговская история прогресса»¹³) повлек за собой прогрессистские и телеологические представления о движении идейного прошлого к более совершенному настоящему. Презентистский анализ идей, возможность произвольно отбирать или отвергать, расставлять акценты в конечном итоге породили критические обзоры социологических теорий, расположенных по хронологии [там же, 2021: 6]. Более содержательные результаты может дать применение в истории идей культурологического подхода (напр., выявить национальные традиции: Levine D.N. *Visions of the Sociological Tradition*, 1995). Почти все подходы к истории идей связаны с теорией, не с методами или институтами.

Используя описанную типологию единиц анализа, Кольер и Мэннинг предлагают свой подход – применение контент-анализа к исследованию истории австралийской социологии, представленной в сборнике *Histories of Australian Sociology* (2005). В нём 25 основных глав, написанных между 1911 и 2004 гг.; наибольший интерес к рассматриваемым единицам анализа проявлялся в 1960–1990-е гг. Контент-анализ показал, что инструменты

¹² Ссылки на нее см. в статье Кольера и Мэннинга.

¹³ Подробную критику этого направления см. в: Butterfield H. *The Whig Interpretation of History*, 1931. URL: testi/900/butterfield (дата обращения: 03.10.2022).

(методы, методологии и т.д.) упоминаются на 5% объема сборника; наибольший интерес вызвали учреждения (33%), за ними следуют действующие лица (27%) [там же, 2021: 10].

Закключение. Представленное рассмотрение работ о методологии историографий в социологии – заведомо неполно и не систематично, да и вряд ли таковое возможно в статье. О некоторых вынужденных упущениях сказано в тексте. Задача заключалась в обобщенном анализе точек зрения на методологию историографии социологии. Это, на наш взгляд, позволило обнаружить ряд тенденций.

В социологии мало внимания уделяется исследованию и обсуждению методологии историографии. Наибольший интерес к этой проблематике наблюдался в 1960–1990-е гг. с последующим спадом. Развитие методологий шло от классификаторских моделей к конструкционистским. Теория Т. Куна популяризировала парадигмальный подход, однако, направленный больше на поиск представлений о самой парадигме, чем на историописание. К 1980-м гг. возник мультипарадигмальный подход, усиливающий синкретичность истории социологии. Накапливались эпистемологические ориентиры, заимствованные из социологической теории, философии науки, теории истории, смежных социогуманитарных наук. Становится проблематичной метатеоретическая логика, способная упорядочить множество подходов. Однако многообразные эпистемические ориентиры в исследовательской практике историков социологии используются ограниченно, в основном в теоретических работах. Большинство социологических историографий опираются на принципы и модели, принятые историографией исторической науки. Предпочтительные единицы анализа в разных подходах – институты, биографии социологов, поколения, научные школы, парадигмы; контексты, в которые включена социология.

Преобладание классификаторских моделей, обилие спорадических подходов и их комбинаций создают эклектическую картину истории социологии, дезинтегрируют социологическое знание. Такому «хаосу дисциплины» истории социологии способствует и сложная, плохо упорядочиваемая структура социологического знания. Если говорить об интегративных процедурах и методах, предлагаемых философией науки, теорией истории, культурологией, самой социологией, но мало используемых в практиках историописания, то к их числу можно отнести *анализ истории понятий* (Р. Козеллек и др. представители немецкой школы; А. Бикбов, О. Хархордин); *методы эпистемологической истории* (Г. Башляр и Ж. Кангилем, получившей развитие в работах М. Фуко и П. Бурдьё, немецких и англоязычных философов); *истории смысловых комплексов* (Р. Нисбет); *исследование ментальностей, культурных трансферов и кодов; анализ когнитивных и структурных трендов* в истории социологии и др.

Похоже, выбор эпистемических ориентиров, адекватных задачам интегративной истории социологии, впереди при условии, что историография социологии будет развиваться как самостоятельная социологическая дисциплина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева Д.Я. Историографическая саморефлексия в современной социологии // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 50–67.
- Голосенко И.А. История социологии как научная проблема: анализ главных подходов в зарубежных исследованиях // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 164–172.
- Голосенко И.А. История социологии как предмет научных исследований // Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Избранные сочинения: В 2-х кн. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 14–26.
- Давыдов Ю.Н. Исторический горизонт теоретической социологии // Новое и старое в теоретической социологии (кн. 3) / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: ИС РАН, 2003. С. 7–48.
- Иггерс Г., Ван Э. (при участии С. Мукерджи). Глобальная история современной историографии. М.: Канон+, 2012.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 1998.
- Маловичко С.И. Историография // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.

- Маркова Л.А. Историографии науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация. 2009. С. 333–334.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 2011.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого; Т. 2: Образы прошлого. М.: Наука, 2003, 2006.
- Соколов М.М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. Т. 27. № 3. С. 13–57.
- Agassi J. Towards an Historiography of Science, History and Theory. Hague: Mouton, 1963.
- Approaches to social theory / Ed. by S. Lindenberg, J.S. K Coleman, S. Nowak. New York: Sage, 1986.
- Buchdahl G. A Revolution in Historiography of Science // History of Science. 1965. Vol. 4. No. 1. P. 55–69.
- Camic C. Periphery toward Center and Back: Scholarship on the History of Sociology, 1945–2012 // R. Backhouse, P. Fontaine (eds). A Historiography of the Modern Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 99–143. DOI:10.1017/CBO9781139794817.004.
- Chapoulie J.M. A Framework for the History of Social and Behavioral Sciences // Sociologica. Italian Journal of Sociology on line. 2009. No. 2–3. DOI: 10.2383/31363.
- Collyer F.M., Manning B. Writing national histories of sociology: Methods, approaches and visions // Journal of Sociology. April 2021. DOI: 10.1177/14407833211006177.
- Dayé Ch. A Systematic View on the Use of History for Current Debates in Sociology, and on the Potential and Problems of a Historical Epistemology of Sociology // The American Sociologist. 2018. Vol. 49. P. 520–547. DOI: 10.1007/s12108-018-9385-1.
- Erickson M. Why should I read histories of science? // History of the Human Sciences. 2010. No. 23 (4). P. 68–91. DOI: 10.1177/0952695110372022.
- Fleck Ch., Dayé Ch. Methodology of the History of the Social and Behavioral Sciences // International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 15. P. 319–325. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.03224-4.
- Fontaine Ph. Introduction: The social sciences in a cross-disciplinary age // Journal of the history of the behavioral sciences. 2015. Vol. 51 (1). P. 1–9. DOI: 10.1002/jhbs.21697.
- Genov N. The Paradigm of Social Interaction. (Routledge Advances in Sociology). London, New York: Routledge. 2022.
- Gusfield J. "Buddy, can you paradigm?". The Crisis of Theory in the Welfare State // Pacific Sociological Review. 1979. Vol. 22. No. 1. P. 3–22.
- Historiography of Modern Social Sciences / Ed. by R.E. Backhouse, Ph. Fontaine. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Iggers G.G. Historiography in the twentieth century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover, NH: Wesleyan University Press, 1997.
- Kragh H. An Introduction to the Historiography of Science. Cambridge: Cambridge University Press. 1987.
- Kuhn T. The History of Science // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 14. New York: Crowell, Collier, Macmillan, 1968.
- Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press. 1962.
- Nisbet R. The Sociological Tradition. New York: Basic Book, 1966.
- Steinmetz G. How and why do we write the history of the social sciences? Public Lecture. The Institute Letter. Institute for Advanced Study. Princeton, March 16, 2018. URL: https://www.academia.edu/36045336/How_and_why_do_we_write_the_history_of_the_social_sciences (дата обращения: 14.08.2022).

Статья поступила: 10.10.22. Финальная версия: 31.10.22. Принята к публикации: 02.11.22.

ON THE METHODOLOGY OF HISTORIOGRAPHIES IN THE HISTORY OF SOCIOLOGY

KOZLOVA L.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Larissa A. KOZLOVA, Cand. Sci. (Phil.), Associate Prof., Head of the Sociology of Science Sector, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (LarissaKozlova@yandex.ru).

Abstract. The purpose of the article is to characterize the methodology of historiography of the history of sociology. The research was based on theoretical and meta-theoretical works on the problems of historiography, which are important for understanding the state and development of sociological knowledge. Historiography is interpreted as a self-reflection of the history of sociology, the possibility of creating its integrative images. The subject area of historiography, its tasks, levels, units of analysis, etc. are defined. The tendencies of historiography of the history of sociology since the middle of the 20th century are briefly described. The theoretical and methodological concepts of the principles and models of constructing the historiography of the history of sociology are identified and considered; examples of analytical generalizations of the experience of historiographies covering the history of sociology from the 1960s–1970s to the 2010s are given. The epistemic landmarks of the world historiography of the history of sociology, the level of their application are shown. Conclusions are drawn about the state of the methodology of historiography of the history of sociology and the importance of its development as part of sociological knowledge.

Keywords: history of sociology; historiography; historiography of the history of sociology; methodology of historiography; epistemic landmarks of historiographies.

REFERENCES

- Agassi J. (1963) *Towards an Historiography of Science, History and Theory*. Hague: Mouton.
- Alieva V.Ya. (1995) Historiographical self-reflection in contemporary sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 50–67. (In Russ.)
- Approaches to social theory*. (1986) Ed. by S. Lindenberg, J.S. Koleman, S. Nowak. New York: Sage.
- Buchdahl G. (1965) A Revolution in Historiography of Science. *History of Science*. Vol. 4. No. 1: 55–69.
- Camic C. (2014) Periphery toward Center and Back: Scholarship on the History of Sociology, 1945–2012. R. Backhouse & P. Fontaine (eds). *A Historiography of the Modern Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press: 99–143. DOI: 10.1017/CBO9781139794817.004.
- Chapoulie J.M. (2009) A Framework for the History of Social and Behavioral Sciences. *Sociologica. Italian Journal of Sociology on line*. No. 2–3. DOI: 10.2383/31363.
- Collyer F.M., Manning B. (2021) Writing national histories of sociology: Methods, approaches and visions. *Journal of Sociology*. DOI: 10.1177/14407833211006177.
- Davydov Yu.N. (2003) Historical horizon of theoretical sociology. In: *New and old in theoretical sociology* (Book 3). Ed. by Yu. Davydov. Moscow: IS RAS: 7–48.
- Dayé Ch. (2018) A Systematic View on the Use of History for Current Debates in Sociology, and on the Potential and Problems of a Historical Epistemology of Sociology. *The American Sociologist*. Vol. 49: 520–547. DOI: 10.1007/s12108-018-9385-1.
- Erickson M. (2010) Why should I read histories of science? *History of the Human Sciences*. No. 23 (4): 68–91. DOI: 10.1177/0952695110372022.
- Fleck Ch., Dayé Ch. (2015) Methodology of the History of the Social and Behavioral Sciences. *The International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences*. Vol. 15: 319–325. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.03224-4.
- Fontaine Ph. (2015) Introduction: The social sciences in a cross-disciplinary age. *Journal of the history of the behavioral sciences*. Vol. 51 (1): 1–9. DOI: 10.1002/jhbs.21697.
- Genov N. (2022) *The Paradigm of Social Interaction*. (Routledge Advances in Sociology). London, New York: Routledge.
- Golosenko I.A. (1976) The history of sociology as a scientific problem: analysis of the main approaches in foreign studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 164–172. (In Russ.)
- Golosenko I.A. (2002) The history of sociology as a subject of scientific research. In: *Sociological retrospective of pre-revolutionary Russia. Selected works*. In 2 books. Ed. by V. Kozlovskiy. St. Petersburg: Sotsiol. ob-vo im. M.M. Kovalevskogo: 14–26. (In Russ.)

- Gusfield J. (1979) "Buddy can you paradigm?". *The Crisis of Theory in the Welfare State. Pacific Sociological Review*. Vol. 22. No. 1: 3–22.
- Historiography of Modern Social Sciences*. (2014) Ed. by Backhouse R.E., Fontaine Ph. Cambridge: Cambridge University Press.
- Iggers G.G. (1997) *Historiography in the twentieth century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover, NH: Wesleyan University Press.
- Iggers G.G., Wang E.Q. (with contributions from S. Mukherjee) (2012) *A Global History of Modern Historiography*. Transl. from Engl. by O. Vorobiova; Ed. by M. Kukartseva. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
- Kragh H. (1987) *An Introduction to the Historiography of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuhn T. (1968) The History of Science. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 14. New York: Crowell, Collier, Macmillan.
- Kuhn T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Liotar J.-F. (1998) The State of Postmodernity / Trans. from the French by H.A. Shmatko. Moscow: IES; St. Petersburg: Aleteya.
- Malovichko S.I. (2014) *Historiography. Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary*. Ed. by A.O. Chubarian. Moscow: Akvilon. (In Russ.)
- Markova L.A. (2009) *Historiography of science. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow: Kanon+: 333–334. (In Russ.)
- Nisbet R. (1966) *The Sociological Tradition*. N.Y.: Basic Book.
- Repina L.P. (2011) *History at the border of the XX – XXI c.: social theories and historiographical practices*. Moscow: Krugh. (In Russ.)
- Ritzer G. (2002) *Modern Sociological Theory*. 5th ed. Moscow, St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Savelyeva I.M., Poletaev A.V. (2003, 2006) *Knowledge of the past: theory and history*. In 2 vols. Vol. 1: *Designing the past*. Vol. 2: *Images of the past*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2015) Sociology as a miracle. The process of sense-building in one academic discipline. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*. Vol. 27. No. 3: 13–57. (In Russ.)
- Steinmetz G. (2018) How and why do we write the history of the social sciences? Public Lecture. *The Institute Letter. Institute for Advanced Study*. Princeton, March 16, 2018. URL: https://www.academia.edu/36045336/How_and_why_do_we_write_the_history_of_the_social_sciences (accessed 14.08.2022).

Received: 10.10.22. Final version: 31.10.22. Accepted: 02.11.22.

А.Н. МАЛИНКИН

СОЦИОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ Н.И. БУХАРИНА

МАЛИНКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (lo_zio@bk.ru).

Аннотация. В своей главной работе «Теория исторического материализма» (1921) Н.И. Бухарин (1888–1938) преобразовал материалистическое воззрение на историю К. Маркса и Ф. Энгельса в марксистскую социологию. В рамках последней предметом рассмотрения стала социология мышления как часть марксистской социологии познания. Тем самым Бухарин во многом предвосхитил социологию знания М. Шелера и К. Мангейма. В «Теории...» он подходит к социологии мышления преимущественно со стороны генезиса и эволюции языка, в «Философских арабесках» (1937) – со стороны «идеологического стиля эпохи» и проблемы социоморфизма общественного сознания. Между 1921 и 1937 гг. Бухарин постоянно возвращается к теме социологии познания и мышления, учитывая наработки М. Шелера и К. Мангейма.

Ключевые слова: марксизм • надстройка • идеология • марксистская социология • социология познания • социология знания • социология мышления • язык • идеологический стиль эпохи • социоморфизм

DOI: 10.31857/S013216250021400-3

Н.И. Бухарин (1888–1938) известен не только как революционер-практик, партийный и государственный деятель, входивший в высшее руководство страны, но и как ведущий теоретик большевистской партии. Понятие «марксистская социология» Бухарин вводит в своей самой успешной книге «Теория исторического материализма», с подзаголовком «Популярный учебник марксистской социологии» (1921), благодаря которой в 1928 г. он был избран академиком АН СССР. После декрета СНК о преподавании общественных наук в вузах от 4 марта 1921 г. занятия социологией в высшей школе были заменены курсами исторического материализма, который воспринимался как «марксистская социология» именно благодаря Бухарину. «Теория исторического материализма» стала главным учебным пособием для советских партийных школ. С 1921 по 1929 г. книга выдержала 10 изданий, была переведена на многие европейские и азиатские языки [Кононов, 2021: 105–106]. Как же понимал Бухарин «социологию»?

Социология идеологических форм. Главным тезисом его книги стал заголовок ее шестого параграфа: «Теория исторического материализма как марксистская социология». У рабочего класса, писал он, есть своя, «пролетарская социология, известная под именем исторического материализма». «В основном, эта теория выработана Марксом и Энгельсом. Иначе она называется материалистическим методом в истории или просто “экономическим материализмом”» [Бухарин, 2008а: 22–23] (курсив наш. – Прим. А.М.).

В «Теории...», в отличие от более ранних публикаций, внимание её автора сосредоточено на разработке «надстроечных», «идеологических» тем, т.е. отвлечённых от революционной практики областей знания – в первую очередь тех, что раньше были не охвачены либо недостаточно проработаны марксистской мыслью, но активно обсуждались и развивались на Западе и в России в последние 30–25 лет. Среди них к началу 1920-х гг. на первое место вышли социология, социальная (общественная) психология, психология, этнология, религиоведение, языкознание, искусствознание и др.

Какой смысл вкладывал Бухарин в понятия «надстройка» и «идеология»? «Под “надстройкой” мы будем подразумевать, – писал он, – любую форму общественных явлений, которая лежит над экономическим базисом: сюда, напр., относится и общественная

психология, и социально-политический строй со всеми его материальными частями (напр., пушки), и людской организацией (иерархия чиновников), и такие явления, как язык или мышление. Надстройка есть, следовательно, самое общее понятие. *Под общественной идеологией мы будем подразумевать систему мыслей, чувств или правил поведения (норм). Сюда, следовательно, относятся такие явления, как содержание науки (но не относится, например, телескоп или же организация людей внутри химической лаборатории), искусства, совокупность норм обычая или морали и проч.* Под общественной психологией мы будем подразумевать несистематизированные или мало систематизированные чувства, мысли и настроения, имеющиеся налицо в данном обществе, классе, группе, профессии и т.д. [там же: 249] (курсив наш. – Прим. А.М.).

Среди общественных наук, согласно Бухарину, есть две, которые рассматривают всю общественную жизнь во всей её сложности: это история и социология. Они не выбирают какой-то один ряд явлений (только экономические, только правовые, только религиозные и т.д.), а исследуют всю жизнь общества целиком. История рассматривает общественную жизнь в её динамике и конкретике, даёт материал для социологических выводов и обобщений; социология, в свою очередь, даёт истории метод исследования. *«Социология же ставит общие вопросы: что такое общество? отчего зависит его развитие или его гибель? в каком отношении друг к другу находятся различные ряды общественных явлений (хозяйство, право, наука и т.д.)? чем объясняется их развитие? каковы исторические формы общества? чем объясняется их смена? и т.д. и т.д. Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных наук. Часто ее преподносят под другими названиями: “философия истории”, “теория исторического процесса” и проч.»* [там же: 22] (курсив наш. – Прим. А.М.). В другом месте Бухарин пишет, что считает социологию «наиболее общей социальной наукой, которая изучает не отдельные формы общества, а общество вообще...» [там же: 81].

Пытаясь осмыслить с марксистских позиций всё, что можно было отнести к «общественной идеологии», Бухарин выдвинул обширную программу *марксистской социологии идеологических форм*. Фактически это была программа философских исследований истории, общества и культуры, хотя сам Бухарин считал, что создаёт «настоящую научную социологию», ибо только материализм в понимании общества и истории впервые позволяет это сделать [там же: 74]. Такое понятийное смешение «философии» и «социологии» было характерно для марксистской мысли начала 1920-х, переживавшей творческое брожение. Это неудивительно – ведь «наукой» и Гегель именовал свою логику, а большевики относили к ней всё учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Между тем всеобщий культ науки привёл к тому, что среди большевиков (С.К. Минин, Э. Енчмен, Г.И. Сафаров, С.И. Гусев и др.) распространились антифилософские радикально-позитивистские настроения [Малинкин, 2020: 164–165]. Но товарищей поправили¹.

В своей «Теории...» Бухарин опирается на огромный массив знаний, почерпнутых из европейских источников, в основном немецких. Он рассматривает проблемы социологии научного познания и науки, социологии техники, социологии философского познания и знания, социологии религии и мифа, социологии искусства и искусствоведения, социологии языка и мышления. В этом он опередил «основоположников» социологии знания М. Шелера и К. Мангейма – во всяком случае, в постановке самих проблем этого нового направления философско-социологического поиска. Отметим, что Бухарин вводит и развёрнуто определяет в рамках своей концепции «общественной психологии» термин «*обыденное сознание*» – разграничительное понятие, важное не только для феноменологической социологии знания, но и для всей новейшей социологии там же: 249–250]. Наконец,

¹ Ответом Бухарина тов. Э. Енчмену и его единомышленникам стала разгромная статья в газете «Красная новь» (1923, № 6) под названием «Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении)», опубликованная в том же году в виде брошюры.

он выдвигает понятие «формирующий принцип общественной жизни»² и обосновывает его как «стиль идеологии данной эпохи вообще» [там же: 278–279].

Особый интерес представляет то, что позднее, в тюремных «Философских арабесках» (1937) – схожих по жанру, тематике и условиям написания с «Тюремными тетрадами» А. Грамши (1932–1937) – Бухарин назвал «социологией мышления». В «Теории...» этот термин не встречается, но фактически его смысл подразумевается, когда речь заходит о взаимосвязи языка и мышления, а главное – о «типах мышления». С нашей точки зрения, «социология мышления» Бухарина – часть марксистской социологии познания. В «Теории...» он подходит к социологии мышления преимущественно со стороны генезиса и эволюции языка, в «Философских арабесках» – преимущественно со стороны идеологического стиля эпохи и проблемы социоморфизма общественного сознания.

Социология языка и мышления. Язык и мышление Бухарин квалифицировал как «две наиболее идеологические надстройки». По его мнению, они являются «функциями общественного развития». «В марксистской или полумарксистской среде, – писал он, – нередко считалось признаком хорошего тона говорить, что вопросы о происхождении этих вещей не имеют отношения к историческому материализму. Каутский, например, договаривался до того, что выставлял положение, будто бы мыслительные способности людей почти не изменяются. Все это, однако, не так» [Бухарин, 2008а: 243–244].

Понятно, что язык как главное средство человеческого общения является составной частью культуры любого общества и лежит в основе национальной идентичности. «Но мышление? Разве отдельный человек не думает? Разве у отдельного человека нет мозга? И разве не впадаем мы сами в область мистической ерундинстики, когда хотим искать корни этого мышления отдельного человека в обществе?» Примечательный факт: Бухарин отвечает на эти вопросы так же, как через восемь лет ответит М.М. Бахтин (под маской В.Н. Волошинова) в работе «Марксизм и философия языка» [Волошинов, 1993]: «Мышление всегда совершается при помощи слов, хотя бы и не произносимых; это есть “речь минус звук”. Когда человек мыслит, это значит, что происходит процесс того или другого сочетания понятий, которые всегда при этом обозначаются своими словесными значками» [Бухарин, 2008а: 244]. Бухарин уточняет, что всякий без труда может проверить на самом себе, что процесс мышления, обдумывания совершается при посредстве слов. «А если это так, и если, в то же время, ясно, что “слово”, речь, язык связаны с обществом не только в своем развитии, но и в своем возникновении, то ясно также, что и с мышлением дело не может обстоять иначе. И действительно, факты подтверждают, что развитие мышления шло вместе с развитием языка. Один из крупнейших филологов, Л. Нуаре, писал: “Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, направленной к достижению общей цели, из первобытного труда наших предков” ...» [там же: 244]. Слово становится понятием, «понятие же есть основа мышления». Итак, выстраивается схема: слово языка → понятие → взаимосвязь понятий → мышление.

Взаимное развитие языка и мышления происходит прежде всего в процессе жизнеобеспечения общностей людей в производительно-трудовых коммуникациях. «С этим развитием внешний мир превращается из мира самого по себе в мир для человека, из простой материи – материал для человеческой практики; “грубыми”, а затем все более тонкими орудиями материального труда, научного познания, бесчисленными щупальцами машин, телескопов, острых мыслей общество втягивает в обработку все большую часть внешнего мира, который раскрывается ему в труде и познании. Таким образом появляется гигантская масса новых понятий, а, следовательно, и новых слов: происходит “обогащение языка”, который обнимает всю совокупность того, о чем люди мыслят, о чем они “разговаривают”, т.е. что они передают друг другу. “Богатство жизни” вызывает следом за собою и “богатство языка”» [там же: 245].

² У Мангейма – это «центр систематизации эпохи», соотв., «стиль мышления эпохи».

Характер языка и мышления, их «стиль» меняются с изменением условий общественной жизни. Классовое, групповое, профессиональное деление общества накладывает свою печать на язык и, соответственно, на особенности мышления. «Всякий знает, что язык “городских” сильно отличается от языка “деревенщины”, “литературный” язык от “простонародного”. Иногда это отличие достигает такой степени, что люди буквально не понимают друг друга» [там же: 246]. «...Ученые философы, привыкшие жить в мире самых тонких рассуждений, пишут (а отчасти и говорят) таким языком, от которого трещит голова и который никому не понятен, кроме жрецов этой философии. В желании говорить так сквозит отчасти то же, что в моде: отграничение от круга “простых смертных”» [там же].

От описания классовых и социально-групповых особенностей языка и речи Бухарин переходит к большим культурно-историческим этапам в развитии сознания, для чего вводит понятие «тип мышления». При этом он фактически, как бы между прочим, пересмысливает с марксистских позиций «закон трёх стадий» О. Конта. Эволюцию типов человеческого мышления от мифически-религиозной стадии к философской и, наконец, к высшей – научной – он объясняет исторически-поэтапным развитием производительных сил и производственных отношений, ведущим к появлению нового способа производства и, соответственно, нового способа мышления (как части нового «способа представления»). «Не нужно думать также, что мышление всегда было мышлением одного и того же типа», – заявляет он и знакомит читателя с концепцией «прелогического» мышления Л. Леви-Брюля [там же: 247]. Дологический тип мышления, указывает Бухарин, необходимо связан с определенным типом социального бытия, когда личность ещё не выделяется из социума, т.е. с первобытным коммунизмом. Дальше мышление эволюционирует к анимистической стадии, когда людям кажется, будто всё, что ни случается, происходит по чьему-то «повелению». Причина для них – не что иное, как приказ, исходящий от какого-нибудь вышестоящего духа. «Это другой тип мышления: ... когда причина есть проявление некоей высшей силы. Нетрудно понять, что и этот тип мышления связан с определенным общественным строем. Он типичен для общества, где уже есть производственная и социально-политическая иерархия» [там же: 248]. Вывод: «...Мышление и его формы точно так же являются изменяющейся величиной, и ... изменение это связано с изменением в развитии общества, его трудовой организации и его технического познания» [там же].

И.Ф. Кононов отмечает, что Бухарин относит язык и мышление к «надстройке», следуя в этом за А.А. Богдановым. «У А. Богданова такой подход был теоретически обоснован; у Н. Бухарина создавал внутренние противоречия в теории... (...) Как существует немслящий и безъязыкий базис, видимо, спрашивать излишне». Причина противоречий – «механическое объединение идей А. Богданова и классических метафор основоположников марксизма» [Кононов, 2021: 113].

Социология мышления и проблема социоморфизма. В главе XIII «...Арабесок» под названием «О социологии мышления: о “способе производства” и “способе представления”» Бухарин ставит проблему «социоморфизма общественного сознания» [Бухарин, 2008б: 480]. «Зависимость мышления от социальных позиций мыслящего, существование общественно-исторического “стиля мышления”, “духа эпохи”, “доминанты” и т.д. ощущались как проблема еще в тех же тропах Пиррона, но не были выражены ясно, – пишет он. – У Фр. Бэкона в его учении об “idola” (idola tribus, idola theatri) эта проблема уже была поставлена в довольно яркой форме, как учение о предвзятом общественном мнении или заблуждении, сквозь которое проходит всякое дальнейшее суждение. В новейшее время софистичированный марксизмом известный полукатолический философ Макс Шеллер занимался специально проблемами социологии знания и в своей капитальной работе о социологически-определяемых формах знания (“Wissensformen”) выработал даже целую таблицу господствующих идейных ориентаций, специфических, с одной стороны,

для – как он выражается – “Oberklasse”, с другой – для “Unterklasse”³. Маркс, как известно, выставил положение о том, что “способ производства” определяет собою “способ представления”» [там же: 480–481].

Согласно Марксу, способ производства, продолжает Бухарин, формирует различные «экономические эпохи социальной структуры», отдельные «общественно-экономические формации». Под «способом представления» Маркс подразумевает ту «идеологическую форму, в какую укладывается познавательный материал». Какое бы общество мы ни брали, мы видим в нём «генеральные формирующие идеи, которые являются идеологическим рефлексом совершенно определенного способа производства, идеями-доминантами господствующего класса, носителя данного способа производства, а нередко и класса-антагониста, мыслящего в тех же общих формах» [там же: 481]. Здесь Бухарин развивает идеи, выдвинутые им ещё в «Теории...»: «...Наряду со “способом производства” (Produktionsweise) существует и “способ представления” (“Vorstellungsweise”, как его называет Маркс). – Это есть “стиль” идеологии данной эпохи вообще, т.е. тот особый способ сочетания идей, мыслей, чувств, образов, который характерен для определенной эпохи, “одинаковость форм (Gleichförmigkeit) научного мышления, мировоззрения и воззрения на жизнь (der Welt- und Lebensauffassung)” – как выражается проф. Марбе⁴...» [Бухарин, 2008а: 278].

Бухарин поясняет это на примере. «Возьмем феодальное общество. Его экономический “стиль” можно выразить принципом прочной иерархии, или – что тоже – идеей ранга» [там же: 279]. Он цитирует характеристику феодализма К. Марксом (Kapital, V. I. S. 43) и делает следующий вывод: «Эта характеристика экономики и других “сфер жизни” и есть “стиль” эпохи. Иерархическая зависимость (ранг) в экономике; иерархическая зависимость в других “сферах жизни”; иерархический “стиль” всей идеологии. В самом деле, разве мы не видели, что всё мышление людей было религиозно? А ведь религия есть такая система мыслей, где все объясняется по способу иерархии, ранга. (...) Вот такой стержень стиля, как в данном случае иерархия, или ранг, можно назвать “формирующим принципом общественной жизни”» [там же: 279] (курсив наш. – Прим. А.М.).

Важнейшая веха не только в реальной истории, но и, как убеждён Бухарин, в истории человеческого мышления – возникновение частной собственности. Она разделяет общества на классы с антагонистическими интересами, труд – на умственный и физический, руководящий и подчинённый. Возникает дуализм общественной жизни и, соответственно, сознания. «Дуализм материи и духа стал всеобщей формой мышления, всеобщим “способом представления”» [Бухарин, 2008б: 481]. Всё мышление, утверждает Бухарин, было заключено в этих дуальных формах. «Они могли быть – и были – более антропоморфными, личными, или менее антропоморфными, безличными, но они существовали как тип социоморфизма, как отражение основной черты раздвоенного общества, вся реальная жизнь которого была пронизана этим глубочайшим раздвоением» [там же]. Мышление, продолжает он, это «... “Abbreviatur”, сокращённый слепок, обобщение общественной практики, проходящей в полярностях (речь идет о классовых обществах – подчеркиваем это обстоятельство). Поэтому ... человек раздвоен, мир раздвоен и даже понятие, как всеобщее, оказывается командующим принципом по отношению к единичному...» [там же].

Дуальный характер мышления как следствие социоморфизма общественного сознания исчезает, когда преодолевается классовый антагонизм. Бухарин ставит вопрос о том, почему в СССР религия как форма сознания отмерла. И отвечает: это произошло потому, что в стране была уничтожена её социальная база. «Почему в СССР диалектический материализм становится мировоззрением всех, всеобщим мировоззрением? Потому что здесь

³ «Таблица господствующих идейных ориентаций...» изложена Шелером в работе «Проблемы социологии знания», опубликованной в книге «Формы знания и общество» (1926) [Шелер, 2011]. Второй, вошедшей в эту книгу, стала работа «Познание и труд. О границах прагматического мотива в познании мира».

⁴ Бухарин ссылается в этом контексте также на К. Лампрехта, Й. Губера и др.

угасает классовое общество. Потому что теория объединяется с практикой. Потому что заполняется пропасть между умственным и физическим трудом. Потому что *уничтожается тысячелетний дуализм общественной жизни*» [там же: 483].

Бухарин подчёркивает: речь идёт вовсе не о том, что «мировоззрение в целом и наука набиты одними слепками с социальной жизни общества». Глупо думать, например, что, «ботаника отражает в учении о вегетационном периоде классовую борьбу». «Речь идет о *стилевых* моментах мышления, о таких *формах*, в которых оно движется в своем общественном масштабе, о таком *способе* представления, который отнюдь не уничтожает самих представлений, как способ производства отнюдь не ликвидирует *производства*» [там же: 483]. «...Дуалистическая концепция (в ее различных вариантах) и вносит момент идеологического извращения действительных вещей процессов и связей, – подчёркивает Бухарин. – Не известен ни один факт (кроме СССР), когда бы господствующий класс в целом мыслил материалистически, т.е. атеистически» [там же: 483]. Переход же к «*диалектической необходимости*» как «доминанте общественного мышления» предполагает, согласно Бухарину, скачок «в царство свободы», в котором, по его мнению, живет пока лишь один Советский Союз.

Сегодня эти слова Бухарина вызывают, мягко говоря, сомнения. Но было бы некорректно *уличать* его в них. Стремление выдать желаемое за действительное в его время было типично для всех по-марксистски мыслящих людей, поскольку в их сознании (как и во всяком сознании, конституированном эсхатологически) спасительное будущее *определяет* настоящее и прошлое. Оно уже явлено в них, пусть хотя бы и в негативном смысле.

Однако проблема социоморфизма общественного сознания, индивидуально-личностным отражением которого является, по Бухарину, мышление «общественного человека», таит в себе коварный вопрос: если познанию как социально обусловленному процессу в каждую эпоху свойствен *общественный субъективизм* (социоморфизм), то «как возможно познание действительных отношений», т.е. исторической истины?

Сначала Бухарин констатирует тривиальный факт, что «наличие своеобразных, фигурально выражаясь, структурных очков не уничтожает ни на минуту самого *предмета познания*» [там же: 486], а затем прячется за свою социологическую вытяжку из эсхатологической философии истории К. Маркса: реально-историческое развитие, описывая тысячелетний круг, вновь соединяет познавательные функции, разобщенные классовыми обществами, в *социализме* и соответствующем ему *диалектико-материалистическом методе* познания и способе мышления. Диалектическая триада «единство теории и практики – разобщенность теории практики – единство теории и практики» симметрична экономистской триаде «общая собственность – частная собственность (разные виды) – общая собственность».

Таким образом, социалистический «способ представления», ликвидируя идеологическое извращение, имевшее своей основой разделение труда и, главное, его распадение на умственный и физический труд, обеспечивает единство теории и практики на новом, более высоком историческом уровне. Вместе с уничтожением дуализма в бытии, в жизни, уничтожается и дуализм в познании. Оправдывается положение Энгельса о предыстории и истории человечества. При социализме, пишет Бухарин, устанавливается полное тождество общества как субъекта и объекта, поэтому наблюдаются «целесообразная в общественном масштабе практика, организованная во всех своих частях, сознательное самодвижение общества, его самосознание и самопознание как момент его целостной жизнедеятельности» [там же: 532]. «Новый целостный человек, сам представляющий живое единство многообразных функций, и новое целостное общество имеют и новое, истинно диалектическое и материалистическое мышление» [там же: 488].

Можно ли такое эсхатологическое «объяснение» с победным сотериологическим пафосом считать ответом на вопрос о возможностях познания человеком истории и общества перед лицом проблемы исторического и социологического релятивизма? «А именно: являются ли “социоморфические очки”, как мы их метафорически-условно назвали,

только общественно-субъективными формами, или за ними скрывается и внеобщественное объективное содержание?» [там же: 488]. Да, в известном смысле, это ответ. Но, *вселяя веру, он не убеждает разум.*

Бухарин заявляет, что ответить на этот вопрос надо утверждением его второй половины, но его доводы уводят разговор в глубины метафизики истории. И тут же он упрекает в идеализме А.А. Богданова – того самого, за одобрительное отношение к идеям которого в прошлом подвергся критике со стороны В.И. Ленина, что позднее ему припомнили «деборинец» Луппол и др. [Кононов, 2020: 30–34]. На наш взгляд, Бухарин просто не мог оставить без ответа (пусть и не по существу) свой правильно поставленный эпистемологический вопрос об объективном содержании исторического и социального познания, о достоверности нашего знания об истории и обществе. Этот вопрос и впрямь встаёт во весь рост, как только мы выходим на уровень философского умозрения, свойственный социологии познания и знания или исторической социологии, что неудивительно, поскольку вопрос этот имеет характер апории и неразрывно связан с проблемой герменевтического круга [Малинкин, 2021: 164–165]. Как бы то ни было, но уже сама его постановка в рамках марксистской социологии – заслуга Бухарина.

Критика буржуазной социологии познания. Бухарин справедливо критикует буржуазное общество и культуру с позиций марксистской *социологии знания*, когда разоблачает фетиши «чистой» науки, «чистого» искусства, «чистой» морали, «чистого» познания как «рефлексы отъединенных внешне изолируемых функций, общественные связи которых, в силу разделения труда, исчезли из поля сознания» [Бухарин, 2008б: 485]. Нельзя не признать эту критику справедливой – независимо от того, считать ли её *необходимо связанной* со всем комплексом марксистских идей либо так не считать и видеть в ней нечто иное, например, вслед за Г. Зиммелем – трагедию человеческой культуры или вслед за О. Шпенглером – упадок западноевропейской цивилизации.

С позиций марксистской социологии знания Бухарин утверждает, что «...понять само понятие можно только в связи с его *материальными* и *общественно-материальными* источниками, т.е. с точки зрения диалектического материализма. То же нужно сказать и о научных или философских концепциях. Они должны быть поняты и в соотношении с внешним миром как объектом познания, и “логически”, и “социально-генетически”; и с точки зрения внешнего мира, и с точки зрения их истинности, и с точки зрения преемственности и места в царстве идей, и с точки зрения их общественно-материального происхождения, и с точки зрения их функции в общественной жизни» [там же: 485]. Верно! Эти слова мог бы принять каждый, если бы автор не выдвигал необходимое условие: такое понимание возможно только с позиций диалектического материализма. По нашему мнению, это условие не необходимо.

Заметим, что он начал развивать эти идеи ещё в «Теории...», а именно в той части, которая касалась социологии *научного* познания [Бухарин, 2008а: 201]. В более развитой форме они были изложены им в докладе на II международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне (1931). «Вопрос о *теории вообще* должен быть поставлен... с точки зрения *общественной теории*, т.е. с точки зрения *социологии и истории*» [Бухарин, 1931а: 46–47]. В работе «Учение Маркса и его историческое значение» (1933) он пишет: «Теория познания марксизма *социологична*...» и цитирует в этой связи «Проблемы социологии знания» Шелера, «чрезвычайно много “позаимствовавшего” у Маркса» [Бухарин, 1989: 353].

Критика Бухариным «буржуазной социологии» производит двоякое впечатление. Он часто прав на уровне конкретики, когда подмечает сильные и слабые стороны во взглядах «буржуазных социологов» – от О. Конта и Г. Спенсера до К. Брейзига и А. Мойзеля. Однако на уровне общих выводов о месте и функциях в обществе философско-социологического знания он всегда выносит огульный приговор с позиций «классового подхода»: «...Наука в капиталистическом обществе есть функция капитала, империализма, его интересов, его классовой борьбы, его “способа представления”». И далее: «Поляризация классовых отношений и поляризация идеологий настолько сильна, что даже из среды

буржуазии выходят работы, посвящённые проблеме классовых “стилей мышления”. Такова, например, нашумевшая книга К. Мангейма “Идеология и утопия” и сочинение Макса Шелера “Формы знания и общества” [Бухарин, 1931б: 248]. Как всё это объяснить? Ведь К. Маркс и Ф. Энгельс тоже вышли «из среды буржуазии». Вы нигде не найдёте у Бухарина критического разбора этих книг. Сказать, что политкорректность блокировала способность суждения Бухарина – значит обвинить его в лицемерии. Это было бы несправедливо. Тут искренняя вера стопорила разум. Нельзя понять то, чего не хочется понимать. Впрочем, «огульность» критики Бухарина выгодно отличалась от принятого в то время стандарта: благодаря своей эрудиции он часто ограничивался нейтральным упоминанием тех учёных, труды которых ценил.

Вместо заключения: социологизм как методология. Рассмотрим социологическую методологию Бухарина саму по себе. Он берёт какой-то социальный процесс или какой-нибудь феномен культуры, соотносит эти «надстроечные» процессы и явления с «базисными», т.е. с исторически данным уровнем развития производительных сил и соответствующим ему характером производственных отношений, т.е. способом производства, и таким образом объясняет первые через вторые. Такого рода «объяснения», как верно подметил К. Мангейм, анализируя труды К. Маркса, – это не объяснения в каузальном смысле (как в естествознании), но особые смысловые «интерпретации извне», т.е. истолкования через отнесение к социальному бытию. Они наделяют социологическое мышление чудесной особенностью – создавать всё новые способы видения социально-исторической реальности, т.е. теории, которые включают в себя как части предшествующие «объяснения» [Малинкин, 2022: 678–682]. При этом *внутренние формы (структуры)* идеологических образований – науки и техники, мифа и религии, философии, искусства, языка и мышления, – которые веками считались совершенно автономными и независимыми от внешних социально-исторических влияний, предстают у Бухарина (как впоследствии у М.М. Бахтина под масками В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева⁵) сущностно зависимыми от исторически эволюционирующего социума с его хозяйственным ядром.

Такой метод и есть то, что Бухарин называл «экономическим материализмом» и что сокращённо именовали «экономизмом». Но поскольку экономические отношения производства, которые в качестве фундамента всякого социума рассматриваются как исторически сквозная (и в этом смысле «внеисторическая») реалья, *ens realissimum*, – это тоже общественные отношения, постольку марксистский подход сам по себе оказывается социологической методологией, или экономистской разновидностью социологизма⁶. Возникает вопрос: а нужно ли тогда создавать ещё какую-то «марксистскую социологию», т.е. «кашу, масляную маслом» или «социологию социологии»? В этом, возможно, и заключалось предметное основание для скепсиса В.И. Ленина по отношению к «Теории...» Бухарина и вообще ко всей его «социологической схоластике». Не получилось ли у Бухарина то, что через три года с подачи М. Шелера будет названо «социологией знания» и что К. Мангейм почти в это же время начнёт называть то «социологией познания», то «социологией культуры», то «социологией социологии» [Малинкин, 2021]?

В самом деле, оба немецких учёных, отталкиваясь от идей К. Маркса, признают зависимость сознания и, соответственно, мышления человека как существа социального от его бытия в обществе (хотя каждый – со своими принципиальными оговорками). Отсюда – социологизм Шелера, фундированный философско-антропологически, т.е. двуединством идеального и материального начал в человеке и, соответственно, в человеческом обществе, «ибо каждый действительный акт человека духовен и инстинктивен одновременно» [Шелер, 2011: 8]. Отсюда – и социологизм Мангейма, фундированный исторически [Мангейм, 2022: 701].

⁵ См.: [Malinkin, 2022: 103, 120].

⁶ Социологизм может быть фундирован не только «экономистски» [Мангейм, 2022: 698].

В заключение сделаем один, но важный вывод: Бухарин во многом *предвосхитил* идеи социологии знания М. Шелера и К. Мангейма и заложил самобытный фундамент марксистской социологии познания и мышления. Однако их проработка и развитие в СССР в 1920–1950-х гг. оказались невозможными. Вероятно, поэтому он столь ревностно наблюдал из России за тем, как его коллеги на Западе, каждый на свой лад, развивают схожие идеи. Как мы показали, Бухарин отметил для себя К. Мангейма, предпочтение же отдавал М. Шелеру, хотя и видел в нём классового врага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бухарин Н.И. Основы планирования научно-исследовательской работы // Этюды. М., Л.: ГТТИ, 1931б. С. 236–305.
- Бухарин Н.И. Теория и практика с точки зрения диалектического материализма // Этюды. М., Л.: ГТТИ, 1931а. С. 37–63.
- Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008а.
- Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. 1933 // Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 331–421.
- Бухарин Н.И. Философские арабески // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина / Предисл. С. Бабурина, введение Ст. Козна, под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI. 2008б. С. 297–673.
- Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / Комментар. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.
- Кононов И.Ф. Проект марксистской социологии Николая Бухарина // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 105–116. DOI: 10.31857/S013216250014594-6.
- Кононов И.Ф. Социально-философское наследие Ленина и судьба социологии в СССР (1920-е гг.) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 27–37. DOI: 10.31857/S013216250009108-1.
- Малинкин А.Н. К истории отечественной социологии 1920–1930-х гг.: советский марксизм vs «социология знания» // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 147–174. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8428.
- Малинкин А.Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Часть 1 // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399.
- Малинкин А.Н. Чудесная особенность социологического мышления. (Об основаниях типологии интерпретаций Карла Мангейма) // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: ЦГИ, 2022. С. 673–693.
- Мангейм К. Идеологическая и социологическая интерпретации духовных образований // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / Отв. ред. и сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 694–719.
- Шелер М. О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ // Шелер М. О сущности философии. Работы разных лет / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: ЦГИ, 2020. С. 195–254.
- Шелер М. Проблемы социологии знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: ИОИ, 2011.
- Malinkin A. Phenomenological Enthymeme in Voloshinov's Marxist Sociology of Poetics, as Seen in "Discourse in Life and Discourse in Poetry" // Social Sciences. 2022. Vol. 53. No. 3. P. 101–121. DOI: 10.21557/SSC.80318373.

Статья поступила: 01.08.22. Финальная версия: 04.11.22. Принята к публикации: 07.11.22.

N.I. BUKHARIN'S SOCIOLOGY OF THINKING

MALINKIN A.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander N. MALINKIN, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (lo_zio@bk.ru).

Abstract. In his main work “The Theory of Historical Materialism” (1921), N.I. Bukharin (1888–1938) conceptualized the materialistic view of history by K. Marx and F. Engels into Marxist sociology. Within the framework of the latter, the subject of his consideration was the sociology of thinking as part of the Marxist sociology of cognition. Thus Bukharin in many aspects anticipated the sociology of knowledge of M. Scheler and K. Mannheim. In “Theory...” he approaches the sociology of thinking mainly from the side of the genesis and evolution of language, in “Philosophical Arabesques” (1937) – mainly from the side of the “ideological style of the era” and the problem of sociomorphism of social consciousness. Between 1921 and 1937 Bukharin constantly returns to the theme of the sociology of cognition and thinking, taking into account the developments of viewpoints of M. Scheler and K. Mannheim.

Keywords: Marxism, superstructure, ideology, Marxist sociology, sociology of cognition, sociology of knowledge, sociology of thinking, language, ideological style of the era, sociomorphism.

REFERENCES

- Bukharin N.I. (1931a) Theory and Practice from the Standpoint of Dialectical Materialism. *Etyudy [Etudes]*. Moscow, Leningrad: GTTI: 37–63. (In Russ.)
- Bukharin N.I. (1931b) Fundamentals of Planning Research Work. *Etyudy [Etudes]*. Moscow, Leningrad: GTTI: 236–305. (In Russ.)
- Bukharin N.I. (1989) Marx's Doctrine and its Historical Significance. 1933. In: *Problems of the Theory and Practice of Socialism*. Moscow: Politizdat: 331–421. (In Russ.)
- Bukharin N.I. (2008a) *The Theory of Historical Materialism. Popular Textbook of Marxist Sociology*. Moscow: Veche. (In Russ.)
- Bukharin N.I. (2008b) Philosophical Arabesques. In: *Prisoner of Lubyanka. Prison Manuscripts of Nikolai Bukharin*. Foreword of S. Baburin, Introduction by St. Cohen, ed. G. Bordyugov. Moscow: AIRO-XXI: 297–673. (In Russ.)
- Kononov I.F. (2020) Lenin's Social Philosophic Heritage and Destiny of Sociology in the USSR (in the 1920s). *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 4: 27–37. (In Russ.)
- Kononov I.F. (2021) Nikolay Bukharin's Marxist Sociology Project. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 9: 105–116. (In Russ.)
- Malinkin A. (2022) Phenomenological Enthymeme in Voloshinov's Marxist Sociology of Poetics, as Seen in “Discourse in Life and Discourse in Poetry”. *Social Sciences*. Vol. 53. No. 3: 101–121. DOI: <https://dx.doi.org/10.21557/SSC.80318373>.
- Malinkin A.N. (2020) Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-Merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 1. *Sotsiologicheskij Zhurnal [Sociological Journal]*. Vol. 26. No. 3: 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399.
- Malinkin A.N. (2021) To the History of Russian Sociology of the 1920–1930s: Soviet Marxism vs “Sociology of Knowledge”. *Sotsiologicheskij Zhurnal [Sociological Journal]*. Vol. 27. No. 3: 147–174. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8428. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2022) A Wonderful Feature of Sociological Thinking. (On the Foundations of the Typology of Interpretations by Karl Mannheim). In: *Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac*. Moscow, St. Petersburg: TsGI: 673–693. (In Russ.)
- Mannheim K. (2022) Ideological and Sociological Interpretation of Spiritual Formations. In: *Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac*. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow, St. Petersburg: TsGI: 694–719. (In Russ.)
- Scheler M. (2011) *Problems of the Sociology of Knowledge*. Transl. from Germ., comment., afterword by A.N. Malinkin. Moscow: IOI. (In Russ.)
- Scheler M. (2020) About the Alien Self. Experience of Eidology, Theory of Knowledge and Metaphysics of Experimental Cognition and Real Positioning of the Alien Self and Living Beings. In: *On the Essence of Philosophy. Works of Different Years*. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; St Petersburg: TsGI: 195–254. (In Russ.)
- Voloshinov V.N. (M.M. Bakhtin) (1993) *Marxism and the Philosophy of Language: the Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language*. Moscow: Labirint. (In Russ.)

Received: 01.08.22. Final version: 04.11.22. Accepted: 07.11.22.

© 2022 г.

Г.В. НИОРАДЗЕ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКИ И ПРЕКАРИЗАЦИИ

НИОРАДЗЕ Георгий Владимирович – научный сотрудник, аспирант социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (nioradzersuh@gmail.com)

Аннотация. Глубокие изменения в сфере занятости приводят к возникновению ее новых форм, представленных в том числе в шеринг-экономике, или экономике совместного потребления. Шеринг-экономика включает в себя как трудовой сектор, так и ниши, связанные с торговлей и услугами. Ее специфика заключается в использовании Интернета, выполняющего посредническую функцию между ее участниками. В статье анализируется роль шеринг-экономики в контексте прекаризации занятости. Выявляются позитивные черты (доиспользование товаров, оптимизация рабочих процессов, появление новых источников трудового дохода, потенциал занятости для пенсионеров и пр.) и прекарные (непостоянность занятости, негарантированность доходов, сверхэксплуатация и пр.). Таким образом, с одной стороны, шеринг-экономика расширяет формы прекаризации, с другой – смягчает ее последствия.

Ключевые слова: шеринг-экономика • нестандартная занятость • прекаризация • прекаризация жизни • самозанятость • сфера услуг • платформенная занятость • гиг-экономика • рынок труда

DOI: 10.31857/S013216250021904-7

Введение. Одна из ведущих тенденций на рынке труда – «дестандартизация» трудовых отношений, распространение неустойчивости занятости, прекаризация труда (см.: [Тощенко, 2022]). Она находит отражение в незащищённой занятости, краткосрочных трудовых договорах или их отсутствии, неофициальных выплатах, нестабильном графике работы, частой смене работы и пр. С одной стороны, нестандартный труд позволяет лучше адаптировать трудовой процесс под личные нужды работника [Пинк, 2005], но с другой – прекаризация труда приводит к ущемлению прав работников, отсутствию стабильности в их жизни, ухудшению уровня жизни [Стэндинг, 2014; Бобков, 2019; Прекариат..., 2020].

Эта тенденция тесно связана с развитием цифровых технологий, которые способствуют формированию шеринг-экономики (ШЭ). Какую же роль в ситуации с дестандартизацией трудовых отношений играет ШЭ? С одной стороны, этот феномен представляет собой специфические маркетингово-потребительские практики, связанные с «доиспользованием» имеющихся ресурсов. Выделим: 1) практики, связанные со сменой прав собственности (безвозмездная передача еды, одежды и др. вещей), 2) практики совместного

Выполнено в рамках гранта РНФ № 18-18-00024.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю, чл.-корр. РАН, д. филос. н., проф. Ж.Т. Тощенко, а также анонимным рецензентам журнала, чьи замечания и предложения помогли улучшить статью.

потребления (участники совместно используют одни и те же ресурсы – каршеринг) [Belk, 2014; Шабанова, 2020: 21–22]. С другой – в контексте прекаризации занятости ШЭ важна в иной плоскости – трудовой [Schor et al., 2020; Запесоцкий, 2021; de Waal, Arets, 2022]. Функционирование ШЭ обеспечивается не только посредством безвозмездных или, по крайней мере, нетрудовых отношений, но и в значительной степени трудовой деятельностью таксистов, курьеров, репетиторов, программистов и пр. через интернет-платформы, представляющие собой новые сегменты рынка труда. Платформенная занятость является частью ШЭ, поскольку трудовой ресурс работника (квалификация, время, опыт и пр.) совместно используется различными заказчиками с использованием цифровых технологий [Лапидус, Полякова, 2018: 74].

Современный подход к анализу неустойчивости труда показывает, что происходит переход от «прекаризации труда» к «прекаризации жизни» [Шевченко, Шевченко, 2022], т.е. к росту жизненной неустойчивости вследствие зависимости качества жизни от наличия трудового дохода, его размера и постоянства, обеспеченности социальными гарантиями, субъективными ощущениями работников (оценка соответствия квалификации работе, доверия руководства, социально-психологического климата и пр.). В этой связи ШЭ формирует новый вызов для прекаризации жизни, поскольку, во-первых, приводит к сокращению трудовых гарантий и, во-вторых, означает «коррозию» права собственности: зачем приобретать что-то в собственность (автомобиль), если можно использовать эти активы здесь и сейчас (каршеринг)? Статья фокусируется на следующих исследовательских вопросах: какова сущность ШЭ; каково влияние ШЭ на прекаризацию.

Характеристики шеринг-экономики. По мнению ряда исследователей, зарождение шеринговой экономики связано с туристическим бизнесом: группа дизайнеров арендовала большой лофт, разделила пространство и частично отдала его под аренду [Botsman, Rogers, 2010: 6–7]. Позже они основали популярный сервис Airbnb – посуточная аренда жилья. К 2015 г. компания Airbnb, не владея ни одним отелем, стала стоить дороже знаменитых сетевых отелей Hilton и Marriott¹.

Для обозначения «шеринг-экономики» используют различные определения – «экономика совместного потребления», «экономика коллаборативного потребления» и др. Кембриджский словарь определяет ее как *«новую экономическую систему, основанную на действиях лиц, разделяющих собственность или услуги на возмездной или безвозмездной основе, часто используя для этого Интернет»*². Выделяют ключевые критерии отнесения к ней: 1) наличие товаров для совместного использования или навыков для реализации; 2) наличие спроса и предложения на совместное использование; 3) посредником выступает интернет-платформа; 4) ключевым условием для обмена является доверие его участников друг к другу, а также к платформе-посреднику.

Традиционно среди субъектов этой ниши рынка рассматривается и государство, однако его роль минимальна, так как оно регулирует смежные сферы, а не сам шеринг (к примеру, в отличие от рынка труда). По большому счёту, ШЭ представляет собой специфическое рыночное образование, которое формируется под воздействием потребностей, нуждающихся в разнообразных, в том числе и новых, способах их удовлетворения.

Рассматривая концепт шеринг-экономики, отметим, что его границы между другими понятиями (аренда, экономика дарения, заемный труд, самозанятость и гиг-экономика) часто носят размытый характер. В наибольшей степени шеринг унаследовал некоторые черты другого способа совместного использования активов – *аренды*. Основное отличие – в кратковременности сдачи недвижимости через соответствующие интернет-платформы.

¹ Почему Airbnb стоит дороже Hilton и Marriott // Forbes. 2016. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/internet-telekom-i-media/326807-pochemu-airbnb-stoit-dorozhe-hilton-i-mariott> (дата обращения: 05.05.2021).

² Sharing economy // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/sharing-economy> (дата обращения: 05.05.2021).

Также ШЭ тесно связана с понятием «экономика дарения» («дарономика»): последняя фактически представляет собой «некоммерческий» сегмент шеринга, связанный с безвозмездными формами передачи товара или оказания услуги. Примером экономики дарения выступает не только передача вещи от одного собственника другому, но и создание «народных» интернет-ресурсов.

Заёмный труд – ещё одно понятие, глубоко интегрированное в ШЭ. Он определяется как «...труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника» (ТК РФ № 197-ФЗ статья 56.1). Заёмный труд – одна из форм трудового участия в ШЭ, позволяющая работодателю сократить издержки, используя труд работников «со стороны». Занятых в ШЭ можно использовать при необходимости, а не содержать постоянно на балансе. Отличие самозанятости от заёмного труда – в степени «независимости» работника: он выступает полностью самостоятельным субъектом трудовых отношений, при этом договоры найма не заключаются. *Самозанятость* раскрывается через специальный налоговый режим для тех, кто самостоятельно получает доход, работает на себя и не имеет наёмных работников. Близок к самозанятости *фриланс* – форма труда, связанная с работой вне штата. Номинальное отличие самозанятости от фриланса – внештатный работник действует в формате отношений «работник-работодатель», а самозанятый – как самостоятельный субъект рынка труда (близкий к индивидуальному предпринимателю). Однако наиболее часто платформенные работники оформлены как самозанятые³. В циркулировании ШЭ участвуют как самостоятельные самозанятые-«бизнесмены», так и наёмные «самозанятые профессионалы» (фрилансеры), осуществляющие трудовую деятельность вне штата.

Понятие «гиг-экономика» описывает трудовые отношения, связанные с краткосрочностью оказания услуг [Липидус, Полякова, 2018: 74], через понятия «сдельная экономика», «экономика подработок», «платформенная занятость». Шеринг-экономика и гиг-экономика пересекаются в сфере занятости, однако ШЭ более объёмное понятие, включающее в себя не только формы труда, но и обмен и совместное использование товаров.

Объём и структура шеринг-экономики. Согласно отчёту PwC, международной сети компаний, специализирующейся в сферах консалтинга и аудита, в 2015 г. мировая ШЭ составляла 15 млрд долл., а к 2025 г. достигнет 335 млрд долл.⁴ Оценивая динамику объёма ШЭ в РФ в целом, данные Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) свидетельствуют о трёхкратном росте в 2017–2020 гг. В результате в 2020 г. данный показатель составил 1070 млрд долл. с темпом роста в 39% по отношению к прошлому году, несмотря на пандемию, которая как препятствовала, так и способствовала развитию отдельных отраслей. Это следует из отчёта РАЭК и TIARCENTER, аналитического центра и консалтинговой компании, которые структурировали российскую ШЭ по отраслям (табл.) с описанием количественных и качественных характеристик. Положительную динамику продемонстрировали такие отрасли, как аренда вещей, C2C-продажи (consumer-to-consumer, потребитель-потребитель) и индивидуальная мобильность. Падение произошло в отраслях жилья, карпулинга (совместная поездка собственника автомобиля и попутчика) и офис-шеринга, что было связано с сокращением передвижений граждан из-за ограничений в связи с коронавирусной инфекцией⁵.

³ Российский рынок услуг // Avito для бизнеса. URL: <https://business.avito.ru/services-research> (дата обращения: 22.07.2022).

⁴ Почему шеринг-экономика вырастет до \$335 млрд за ближайшие пять лет // Ведомости. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/02/13/822568-pochemu-shering-ekonomika> (дата обращения: 01.05.2021).

⁵ Экономика совместного потребления в России 2020 // РАЭК. 2021. URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).

Таблица

Структура отраслей шеринг-экономики
(по данным РАЗК и TIARCENTER)

Отрасль	Подотрасль	Описание
C2C-продажи		Продажа товаров, происходящая между двумя физлицами при посредничестве платформы (Авито, Юла, Яндекс. Объявления и пр.)
P2P-услуги (peer-to-peer, фриланс)		Оказание услуг независимыми исполнителями (индивидуальные предприниматели, самозанятые, неформально занятые) при посредничестве площадок (Авито, Юла, YouDo, PROFI.RU).
Транспорт	Каршеринг	Краткосрочная аренда автомобилей (Яндекс.Драйв, Делимобиль и пр.)
	Карпулинг	Совместное использование автомобиля физлица для снижения расходов с помощью платформы (BlaBlaCar)
	Средства индивидуальной мобильности	Краткосрочная аренда самокатов и велосипедов (Whoosh, Samocat и др.).
Аренда помещений	Шеринг жилья	Краткосрочная аренда жилых пространств (Авито, ЦИАН)
	Шеринг офисов	Краткосрочная аренда рабочих пространств (Regus, Workki и пр.)
Краудфандинг		Сбор денежных средств под определённые цели (planeta.ru, Boomstarter)
Аренда вещей		Сервис аренды вещей без залога
Фудшеринг		Перераспределение готовой еды
B2B-шеринг (business to business)		Совместное использование организациями различных активов (автомобили, транспортные упаковки и пр.)

Источники: составлено на основе данных отчёта РАЗК и TIARCENTER, см.: Экономика совместного потребления в России 2020 // РАЗК. 2021. URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf> (дата обращения: 04.05.2021); Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах // РБК Тренды. 2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19> (дата обращения: 03.05.2021).

Согласно данным исследований, потребитель шеринговых услуг, как правило, молодой человек до 30 лет (60%), проживающий в городе-миллионнике (75%)⁶.

Отметим, что в ШЭ реализуется потребность в занятости наряду с основной работой или в связи с выходом на пенсию. По данным Forbes, более 2,5 млн россиян (в том числе те, кто вышел на пенсию) используют ШЭ в качестве подработки⁷, однако при этом 72% выручки в российской шеринговой экономике была получена за счёт продажи вещей⁸. Следовательно, маркетингово-потребительская сущность ШЭ «перевешивает» трудовую, что не отменяет значимости трудовых процессов в ней, а лишь очерчивает распределение финансовых потоков.

Взаимосвязь шеринг-экономики и прекаризации. Анализ литературы позволил выделить классификацию подходов к ШЭ в контексте прекаризации занятости на основании рассмотрения роли ШЭ и перспектив капитализма с позитивной или негативной сторон [Маркеева, 2017: 74–75]. Сторонники позитивного взгляда рассматривают ее с точки зрения возможности нивелировать негативные черты капитализма, способствуя более эффективному использованию товаров; главное – эта экономика порождает «нерыночные»

⁶ Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах... (см. в примечании к табл.)

⁷ Коммунизм, который никто не строил: куда нас заведет шеринговая экономика // Forbes. 2019. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/378581-kommunizm-kotoryy-nikto-ne-stroil-kuda-nas-zavedet-sheringovaya-ekonomika> (дата обращения: 08.05.2021).

⁸ Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах... (см. в примечании к табл.)

практики и солидаризацию людей [Bardhi, Eckhardt, 2012; Belk, 2014; Scaraboto, 2015]. Исследователи, выступающие с критических позиций, отмечают, что рента, наемный труд существовали всегда, а шеринг – лишь новая обложка эксплуатации, ее более изощрённая форма [Malhotra, Van Alstyne, 2014; Запесоцкий, 2021], источник рисков монополизации услуг крупными интернет-платформами [Vallas, Schor, 2020]. Такое положение дел приводит к прекаризации занятости работников, несмотря на преимущества новых форм занятости. Рассмотрим подробнее аргументацию сторонников представленных подходов.

Позитивные черты шеринг-экономики можно объединить в следующие группы. Первую составляют *экономические преимущества*. Исследователи отмечают снижение издержек: «как издержек кратковременного доступа к необходимым ресурсам, так и их содержания и использования владельцем» [Шаткин, Яковлев, 2020: 35]. Это приносит выгоды как для физических лиц (минимизацию затрат на бытовые услуги), так и для организаций, которые получают возможность оптимизировать рабочий процесс (передача второстепенных и даже первостепенных задач на аутсорсинг). Вторая группа – *экологические преимущества*, проявляющиеся в доиспользовании (повторное использование продукта при сохранении им полезных и/или значимых свойств) произведённых товаров. Наиболее наглядным примером является фудшеринг, чей потенциал огромен: при рациональном использовании выбрасываемой в России еды удалось бы обеспечить годовой рацион для 30 млн взрослых россиян⁹. Третья группа – *новые резервы для человеческого развития*. ШЭ предоставляет расширение доступа к использованию товаров и услуг: для пользования товарами необязательно быть их владельцем, это позволяет размыть границы в качестве жизни и уровне потребляемых услуг между различными слоями населения. Кроме того, снижается привязанность к вещам, недвижимости и пр.

Четвёртая группа позитивных черт исходит из *новых возможностей для занятых*. Во-первых, используя интернет-биржи, работник может реализовать свои навыки в свободном режиме, самостоятельно определяя рабочее время и объём вознаграждения, формируя график, выбирая географию занятости и пр. Во-вторых, у людей появляется возможность монетизации творчества и увлечений, которые не были связаны с основной деятельностью, но интересовали в течение жизни (вышивание, ремонт часов и пр.), что особенно важно для пенсионеров. В-третьих, снижаются барьеры для работников из сельской местности, отдалённых городов, для инвалидов, а также находящихся в декретном отпуске [Vallas, Schor, 2020]. В-четвёртых, произошёл резкий рост экономической субъектности общества: многие прежние (и нынешние) работники стали самостоятельными субъектами на рынке труда (через интернет-платформы), не ожидая поддержки от государства или компании.

Пятая группа черт связана с особенностями общественного развития. Экономика совместного потребления и обмен невозможны без взаимного доверия участников [Botsman, Rogers, 2010: 12]. Спецификой ШЭ является анонимность, это приводит к тому, что зачастую участники обмена даже не знакомы друг с другом. Поэтому развитие ШЭ связано с ростом доверия в обществе, солидаризацией. Это – позитивный сигнал для реализации социально ориентированных общественных инициатив (благотворительные фонды, спортивные и экологические движения и пр.).

К позитивным характеристикам относятся и возможности для реализации потенциала пожилых работников – пенсионеров и предпенсионеров. На фоне депопуляции увеличивается их роль в сфере труда, кроме того, именно они находятся в авангарде распространения Интернета, поскольку потенциал молодых исчерпан¹⁰. Возрастная дискриминация

⁹ Делиться надо // Российская газета. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/06/raek-vybrasyvaemoj-v-rossii-edoj-mozhno-nakormit-30-millionov-chelovek.html> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁰ Проникновение Интернета в России: итоги 2018 года // GfK. 2019. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2405078/cms-pdfs/fileadmin/user_upload/dyna_content/ru/documents/press_releases/2019/gfk_rus_internet_audience_in_russia_2018.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

на рынке труда усложняет для пенсионеров занятость в организациях, однако ШЭ позволяет реализовать их навыки вне рамок традиционной занятости.

Прекарные черты шеринг-экономики. Развитие ШЭ проходит противоречиво, с чем связано наличие негативных черт. Во-первых, *непостоянность занятости* отражается в напряженных поисках новых заказов. Главная угроза психическому здоровью фрилансеров – поиск нового заказа, так как более 65% заказчиков фриланс-услуг предпочитают кратковременное сотрудничество¹¹, что позволяет избежать дополнительных издержек на социальные гарантии. Во-вторых, *негарантированность доходов*. Для работников интернет-бирж наибольшим недостатком такой формы занятости является нестабильность и непредсказуемость будущих доходов (по данным портала фрилансеров WorkSpace, так считают 65,7%¹²). Это связано также с отсутствием гарантий оплаты. В-третьих, формируется *сверхэксплуатация* – «независимые» работники самостоятельно определяют график и формат рабочего процесса, однако зачастую им приходится работать ночью, в выходные, праздники. Это отражается и на продолжительности рабочего времени: почти каждый третий российский фрилансер трудился более 60 часов в неделю, тогда как среди россиян такой показатель 8% [Стребков, Шевчук, 2019: 93]. Сверхэксплуатация работников ШЭ связана с необходимостью работать интенсивнее для получения необходимого уровня заработка, эпизодичностью работы (периоды напряжённой работы сменяются периодами бездействия и ожидания нового проекта), круглосуточной высокой конкуренцией на интернет-платформе, особенностями и пожеланиями заказчика.

Специфической группой работников, которая может быть условно отнесена к ШЭ, являются занятые заёмным трудом. Такая форма труда предполагает совместное использование («шеринг») работника. Одним из проявлений заёмного труда является *аутсорсинг*, при котором работники сторонней организации направляются ею для решения задач компании-заказчика. *Аутстаффинг* связан с временным переходом сотрудников на работу в организацию, являющуюся заказчиком, и с заключением с нею официального договора. Таким образом, если в случае с аутсорсингом на продажу выставляются услуги, то аутстаффинг предполагает временную «продажу» самого персонала. Общим здесь является прекарность занятости работников, связанная с временным характером занятости, ее неустойчивостью, несоответствием работы образованию, отсутствием социальных льгот [Шевченко, 2020: 226]. Кроме того, при найме в компанию-аутстаффер (кадровое агентство) работник не может оценить работодателя, в чьё распоряжение он поступит, что усиливает неясность его перспектив. В целом нестандартные формы занятости приводят к ухудшению социально-экономического статуса работников, ущемлению их прав, отсутствию социальных гарантий, нестабильному положению на рынке труда [Тощенко, Анисимов, 2020: 93].

Заключение. Шеринг-экономика представляет собой противоречиво оцениваемый трудовой и маркетингово-потребительский феномен. Трудовые практики в ней характеризуются нестандартностью трудовых отношений, что, с одной стороны, делает доступ к рынку труда более быстрым, гибким и свободным от бюрократии, но, с другой стороны, расширяет неустойчивость занятости, приводящую к падению качества жизни. Вместе с тем ШЭ способствует смягчению последствий прекаризации занятости и жизни. Во-первых, ситуация при потере работы или недостатке вакансий больше не выглядит безальтернативной, поскольку возникают дополнительные трудовые возможности. Во-вторых, благодаря ШЭ неустойчивость занятости и нестабильность доходов менее критичны для качества жизни человека: потребитель имеет возможность временного пользования благами без приобретения их в собственность. Отсутствие практик совместного использования товаров

¹¹ Исследование заказчиков услуг фрилансеров // TalentTech. URL: <https://talenttech.ru/research/issledovanie-zakazchikov-uslug-frilanserov/> (дата обращения: 07.04.2022).

¹² Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году // WorkSpace. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения: 07.04.2022).

привело бы к резкому снижению уровня и качества потребления, что поставило бы вопрос о положении нестандартно занятых значительно острее сегодняшнего состояния дел. Таким образом, явление ШЭ само по себе является противоречивым процессом, в котором сочетаются и позитивные и негативные черты, одни из которых требуют развития и усиления, другие ограничения, в том числе и при участии государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 2. С. 91–104. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00018.
- Запесоцкий А.С. Новые реалии социально-трудовой сферы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 26–45. DOI: 10.34823/SGZ.2021.4.51627.
- Лापидус Л.В., Полякова Ю.М. Гигономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89.
- Маркеева А.В. Экономика участия (sharing economy): проблемы и перспективы развития // Инновации. 2017. № 8 (226). С. 73–80.
- Пинк Д. Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Секрет фирмы, 2005.
- Прекариат: становление нового класса: (кол. моногр.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86–102. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
- Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. № 1. С. 146–161. DOI: 10.31857/S020736760002497-5.
- Тощенко Ж.Т., Анисимов Р.И. Прекарный труд в России: состояние и тенденции // Экономическое возрождение России. 2019. № 2(60). С. 93–103.
- Шабанова М.А. Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: теоретико-методологические аспекты (статья 1) // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 16–26. DOI: 10.31857/S013216250010204-7.
- Шаткин М.А., Яковлев Л.С. Трансформация собственности и власти в шеринговой экономике // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 1. С. 31–41. DOI: 10.31857/S013216250008322-7.
- Шевченко И.О. Заемный труд: смыслы и риски // Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020. С. 217–228.
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7.
- Bardhi F., Eckhardt G. Access-Based Consumption: The Case of Car Sharing. *Journal of Consumer Research*. 2012. Vol. 39. Iss. 4: 881–898. DOI: 10.1086/666376.
- Belk R. You Are What You Can Access: Sharing and Collaborative Consumption Online // *Journal of Business Research*. 2014. Vol. 67. No. 8: 1595–1600. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.10.001.
- Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative consumption. New York: Harpers Collins, 2010.
- Malhotra A., Van Alstyne M.W. The dark side of the sharing economy ... and how to lighten it // *Communications of the ACM*. 2014. Vol. 57. P. 24–27. DOI: 10.1145/2668893.
- Scaraboto D. Selling, Sharing, and Everything In Between: The Hybrid Economies of Collaborative Networks // *Journal of Consumer Research*. 2015. Vol. 42. P. 152–176. DOI: 10.1093/jcr/ucv004.
- Schor J., Attwood-Charles W., Cansoy M. et al. (eds) After the Gig: How the Sharing Economy Got Hijacked and How to Win It Back (1st ed.). 2020. Berkeley: University of California Press. DOI: 10.2307/j.ctv125jrwn.
- Vallas S., Schor J. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46. P. 16.1–16.22. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857.
- de Waal M., Arets M. From a Sharing Economy to a Platform Economy: Public Values in Shared Mobility and Gig Work in the Netherlands // Česnuitýt V., Klimczuk A., Miguel C., Avram G. (eds) The Sharing Economy in Europe. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-86897-0_11.

Статья поступила: 25.04.22. Финальная версия: 08.09.22. Принята к публикации: 03.11.22.

ON ISSUE OF THE RELATIONSHIP OF SHARING ECONOMY AND PRECARIZATION

NIORADZE G.V.

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Russia

NIORADZE Georgy V., post-graduate student, Sociological Faculty of the Russian State University for the Humanities; Junior Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (nioradzersuh@gmail.com)

Acknowledgements. The article was supported by Russian Science Foundation (project No. 18-18-00024).

Abstract. During the fourth industrial revolution, profound changes in the field of employment are taking place, new forms of it are emerging, including those presented in the sharing economy. The sharing economy includes both the labor sector and niches related to trade and services. At the same time, the specifics of this phenomenon is the Internet, which performs an intermediary function between participants in the sharing economy. The purpose of the article is to analyze the role of the sharing economy in the precarization of employment. An analysis of the literature showed the existence of two points of view regarding the sharing economy: 1) a positive view points to an increase in the effectiveness of the use of goods, the birth of "non-market" practices and the solidarity of citizens, 2) a negative view signals attempts to camouflage old forms of exploitation under the guise of a new one socio-economic phenomenon. In this regard, the article analyzes the positive features of the sharing economy (the additional use of goods, the optimization of work processes, the emergence of new sources of labor income, the employment potential for pensioners, etc.) and the precarious features (inconstancy of employment, insecurity of income, overexploitation, etc.). As a result, a conclusion is made about the ambiguity of the role of the sharing economy: in itself, it expands the forms of precarization, but at the same time it mitigates the consequences of precarization (in other words, it performs a positive function). The scientific novelty of the study lies in a comprehensive view of the sharing economy (including the consideration of consumption and labor aspects), as an important factor in the study of the precarization of labor and, as a result, of life.

Keywords: sharing-economy, non-standard employment, precarization, self-employment, agency work, outsourcing, outstaffing, gig-economy, labour market, pensioner.

REFERENCES

- Bardhi F., Eckhardt G. (2012) Access-Based Consumption: The Case of Car Sharing. *Journal of Consumer Research*. Vol. 39. Iss. 4: 881–898. DOI: 10.1086/666376.
- Belk R. (2014) You Are What You Can Access: Sharing and Collaborative Consumption Online. *Journal of Business Research*. Vol. 67. No. 8: 1595–1600. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.10.001.
- Bobkov V.N. (2019) Precarious employment in the Russian Federation: the state and directions of reduction. *Narodonaselenie* [Population]. No. 2. P. 91–104. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00018. (In Russ.)
- Botsman R., Rogers R. (2010) *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. New York: Harper Business.
- Lapidus L.V., Polyakova Yu.M. (2018) Hygonomics as a New Socio-Economic Model: the Development of Freelancing and Crowdsourcing. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [The Bulletin of the Institute of Economics of RAS]. No. 6. P. 73–89. (In Russ.)
- Malhotra A., Van Alstyne M.W. (2014). The dark side of the sharing economy ... and how to lighten it. *Communications of the ACM*. 57: 24–27.
- Markeeva A.V. (2017) Sharing Economy: Problems and Development Prospects. *Innovacii* [Innovations]. No. 8: 73–80. (In Russ.)
- Scaraboto D. (2015) Selling, Sharing, and Everything In Between: The Hybrid Economies of Collaborative Networks. *Journal of Consumer Research*. Vol. 42. Iss. 1: 152–176. DOI: 10.1093/jcr/ucv004.
- Schor J.B., Attwood-Charles W., Cansoy M. et al., eds (2020). *After the Gig: How the Sharing Economy Got Hijacked and How to Win It Back* (1st ed.). University of California Press. DOI: 10.2307/j.ctv125jrwv.
- Shabanova M.A. (2020) New Consumer Practices In the Context Of Civil Society Digitalization: Theoretical And Methodological Aspects (Paper 1). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 16–26. DOI: 10.31857/S013216250010204-7. (In Russ.)

- Shatkin M.A., Yakovlev L.S. (2020) Transformation of Ownership and Authority in Sharing Economy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 31–41. (In Russ.)
- Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. (2020) From employment precarization to life precarization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2022. No. 7. P. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7. (In Russ.)
- Shevchenko I.O. (2020) Agency work: meanings and risks. In: Toshchenko Zh. T. (ed.) *Precariat: the formation of a new class* (collective monograph). Moscow: TsSP i M.: 217–228. (In Russ.)
- Standing G. (2014). *The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2019) The trap of flexible work schedule: how unusual working patterns influence the work-life balance of freelancers. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 86–102. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Anisimov R.I. (2019) Precarious work in Russia: status and trends. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. No. 2: 93–103. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., ed. (2020) *Precariat: the emergence of a new class* (collective monograph). Moscow: TsSP i M. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2022). A new socio-economic phenomenon: precariat. *Noonomika i noobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S. Yu. Vitte* [Noonomy and Noosociety. Almanac of works of the INIB named after S.Y. Witte]. Vol. 1. No. 1: 146–161. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161. (In Russ.)
- Vallas S., Schor J. (2020) What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46: 16.1–16.22. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857.
- de Waal M., Arets M. (2022). From a Sharing Economy to a Platform Economy: Public Values in Shared Mobility and Gig Work in the Netherlands. In: Česnuitytė V., Klimczuk A., Miguel C., Avram G. (eds) *The Sharing Economy in Europe*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-86897-0_11.
- Zapesotsky A.S. (2021) New realities of the social-labor sphere. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. No. 4: 26–45. DOI: 10.34823/SGZ.2021.4.51627. (In Russ.)

Received: 25.04.22. Final version: 08.09.22. Accepted: 03.11.22.

© 2022 г.

Р.С. ГРИНБЕРГ

30 ЛЕТ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ В РОССИИ (размышления над истоками и результатами)

ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, Москва, Россия (grinberg@inecon.ru).

Аннотация. Социально-экономическая ситуация в России является одной из самых актуальных тем в общественном дискурсе не только нашей страны, но и мирового сообщества в целом, ибо по-прежнему велико международное значение России. Современная экономическая система страны, по существу, стала складываться в 1992 г., когда российские реформаторы начали внедрять хозяйственную модель, основанную на продаже природных ресурсов и упрощенной структуре национальной экономики в целом. В статье приводятся размышления автора о причинах выбора именно такого способа российской трансформации, навеянные выходом четвертого издания монографии Р.Х. Симоняна «Без гнева и пристрастия», приуроченной к 30-летию реформ. В анализе реформ вообще и социальной структуры общества в частности основное внимание фокусируется на центральном понятии социологии – деятельности социальных субъектов, включающей в себя цели, задачи, средства и результаты. Обосновывается вывод, что в условиях возрастания субъективного фактора в развитии общества анализ деятельности российских реформаторов приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: экономические реформы • модернизационный потенциал России • деятельность реформаторов в 1990-х гг.

DOI: 10.31857/S013216250023757-5

В январе нынешнего года исполнилось 30 лет начала радикальных экономических реформ в России. Это событие прошло почти незамеченным для российского общественного дискурса, так как на первый план вышли острые геополитические проблемы, которые заслонили все остальные. В то же время нынешние драматические события (военные действия на Украине, ужесточение антироссийских санкций, падение жизненного уровня россиян) во многом предопределены реформами 1990-х гг. Именно тогда началась стремительная деиндустриализация страны, падение ее международного престижа, превращение в сырьевой придаток не только Запада, но теперь уже и Востока. Были разрушены многие ведущие отрасли промышленности, в том числе авиационная, станкостроительная, энергомашиностроительная, медицинская. О том, как это случилось, подробно исследовано Р.Х. Симоняном (см., напр.: [Симонян, 2022]).

30 лет – достаточно длительный период, чтобы осмыслить итоги реформ и объективно оценить произошедшие тогда события, определившие траекторию развития России. Именно в 1990-х гг. стало очевидно, что выбранный способ реформирования будет постоянно препятствовать модернизации российской экономики. В этой связи возникает вопрос: мог ли быть по-другому совершен переход от директивной экономики к рыночной. Ответ на него лежит в диалектике объективных и субъективных факторов.

Помимо природных богатств страны, объективные факторы развития России – это, во-первых, российская индустрия, которая, несмотря на наметившееся в позднесоветский период отставание от передовых стран, сохраняла ведущие мировые позиции в целом ряде областей производства. Во-вторых, научный потенциал, сконцентрированный в многочисленных академических и отраслевых институтах, в наукоградах, расположенных во-круг индустриальных центров страны, где трудились талантливые ученые, представляющие общепризнанные научные школы, в том числе математическую. В-третьих, весьма приличная по тогдашним международным критериям система народного образования, чьи многочисленные выпускники успешно трудятся в развитых странах. В-четвертых, сама перестройка и духовный подъем, охвативший во второй половине 1980-х гг. население страны. Привыкшие к материальным трудностям и имеющие уникальный опыт их преодоления жители России были готовы к новым испытаниям ради построения современного демократического государства с эффективной экономикой.

К этому следует добавить благоприятные международные условия: мировая, и прежде всего европейская, общечеловечность, после окончания холодной войны смотрела на нашу страну с надеждой на ее присоединение к сообществу развитых демократических стран. Тем более что важные шаги в этом направлении были уже сделаны: к концу 1980-х гг. в стране царила свобода слова, преодолены монополия КПСС и изоляция страны от внешнего мира, разрешен валютный обмен, отменена цензура, проведены выборы народных депутатов на основе свободного волеизъявления граждан, разрешены массовые собрания и общественные объединения. Особую готовность к переменам проявлял средний класс, состоящий из квалифицированных рабочих и интеллигенции, масштабы которого наглядно показали митинги в Москве, Ленинграде и других крупных промышленных центрах страны. Был восстановлен институт частной собственности с последующим появлением частных предприятий, фондовых бирж, рынка ценных бумаг и других атрибутов рыночного хозяйства.

Субъективный фактор – это сознание и воля людей, их способности изменять объективный мир. В марте 1990 г. группой авторитетных экономистов-рыночников во главе с С. Шаталиным, Н. Петраковым и Г. Явлинским была подготовлена программа дальнейшего движения к рыночной экономике под условным названием «500 дней». Тщательно проработанная, дополненная 20 проектами законов программа в течение шести месяцев активно обсуждалась на различных уровнях, прошла экспертизу и была одобрена научным сообществом, нашла поддержку у представителей общественных движений, руководителей предприятий, зарубежных экспертов. Без всякого преувеличения можно сказать, что она всколыхнула надежды страны. 11 сентября 1990 г. программа была принята Верховным Советом РСФСР. Что особенно важно подчеркнуть, приватизация – ядро программы – должна была начинаться с незначительных активов (земельные участки, магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания). Затем предприятия легкой промышленности с постепенным переходом к средним, а позднее к крупным промышленным предприятиям. Причем сначала должны были перейти в частные руки нерентабельные или малорентабельные предприятия. Либерализация цен предусматривалась только после демонополизации производства товаров повседневного спроса.

Были разработаны и другие серьезные программы перехода к рыночной экономике, в том числе подготовленные под руководством Н. Рыжкова и Л. Абалкина. Но, по общему признанию, программа плавного перехода от директивно-распределительной экономики к рыночной, с сохранением связей между хозяйственными субъектами распадающегося Советского Союза – «500 дней», была наиболее оптимальной.

В тот исторический момент России как самой большой и богатой стране, правопреемнице СССР, имевшей наиболее высокий статус среди других постсоветских государств, представлялся серьезный шанс стать экономическим и организационным стержнем нового демократического федеративного государства на евразийском континенте. Этот шанс был упущен. Почему?

В книге Р.Х. Симоняна приводятся мотивы выбора Е. Гайдара в представлении близкого к Ельцину круга людей [Симонян, 2022: 50–53]. Так, М. Полторанин, В. Костиков, В. Чичканов, П. Авен и А. Кох считают, что кандидатуру Гайдара усиленно продвигал Г. Бурбулис, который, зная, что будет вторым лицом в руководстве страны – Государственным секретарем и первым вице-премьером, не хотел приглашать известного экономиста, чей авторитет был бы для него помехой, а предпочел неизвестного в ту пору Гайдара. По мнению А. Илларионова, Гайдар обошел Явлинского потому, что Ельцин не мог согласиться с его вполне разумным условием заключить экономический договор между постсоветскими государствами, что давало шанс на сохранение нового союзного государства конфедеративного типа, а М. Горбачёву остаться политически значимой фигурой, с чем не мог согласиться Ельцин, которому нужна была только полная власть, даже ценой разрушения исторически сложившегося единого экономического пространства. И Гайдар в этой ситуации занял ельцинскую позицию. В одном из разговоров со мной он тогда ясно дал понять, что кроме Латвии, Литвы и Эстонии остальные постсоветские страны это *failing states*, то есть несостоявшиеся государства, которые без России не выживут и должны будут смириться с ее опекой. Так что он был искренне заинтересован в Беловежском сговоре.

В книге Симоняна указан еще один мотив, повлиявший на назначение Гайдара. Автор приводит историческую аналогию: И. Сталин, как впоследствии и Н. Хрущёв, возвысил Т. Лысенко только потому, что тот обещал быстрый результат, чего, естественно, не мог позволить себе Н. Вавилов, ибо, как подлинный ученый, знал, что так не бывает. Гайдар же уверил Ельцина не просто в быстрых, а чрезвычайно быстрых успехах реформ – через полгода, т.е. к осени 1992 г., что дало тогда основание президенту торжественно обещать россиянам «лечь на рельсы» в случае неуспеха.

6 ноября 1991 г. Гайдар официально назначается руководить проведением экономических реформ. Было сформировано правительство во главе с Ельциным и двумя вице-премьерами – Бурбулисом (отвечавшим за политические вопросы) и Гайдаром (отвечавшим за экономическую реформу). 3 декабря Ельцин подписал указ о предстоящей либерализации цен, что побудило торговые организации придержать товары. 2 января 1992 г. произошёл единовременный отпуск цен. Этот день считается началом реформ: пустые полки в торговых залах оказались заполненными широким ассортиментом товаров, но уже по резко возросшим ценам.

В принципе вопрос об очередности демонополизации экономики и либерализации цен и тогда, и сейчас является предметом дискуссии. Полагаю, что демонополизация вряд ли могла бы состояться при сохранении государственно фиксируемых цен. Но совершенно очевидно, что команда ельцинских реформаторов практически ничего не сделала для предотвращения раскручивания инфляционной спирали «цены – зарплата – цены» после почти тотальной либерализации цен. А ведь это бездействие, собственно, и привело к чудовищному скачку розничных цен в 1992 г., когда инфляция, составив 2600% (!), полностью обесценила все сбережения россиян, о чем предупреждали реформаторов многие экономисты. Советские руководители, проводя денежные реформы в 1947 и 1956 гг., обеспечивали компенсацию потерь для менее состоятельных вкладчиков. А российские реформаторы начали свою деятельность с изъятия денежных сбережений населения России без каких-либо компенсаций. «Народ еще только подходил к рынку, а его уже ограбили»¹. По данным проведенного в октябре 1992 г. ВЦИОМом исследования, 78% россиян оказались или за гранью бедности или еле сводили концы с концами.

Но особенно мощным фактором ускорения перехода россиян от обожания капитализма к его отвержению стала проведенная ельцинскими реформаторами приватизация государственной собственности. О том, что она была криминальная, написано немало. Стоит напомнить, что это была самая стремительная в мире передача государственной собственности в частные руки под лозунгами «справедливое распределение

¹ Аргументы и факты, 1996, № 3, с. 8.

собственности», «появление массового слоя акционеров» и т.п. Много лет спустя, А. Чубайс признался, что «обещанная стоимость ваучера, равная стоимости двух автомобилей “Волга”, была всего лишь пропагандистским обеспечением. Как-то надо же было заставить население приобрести ваучеры», – говорил он в интервью², а научный руководитель Высшей школы экономики Е. Ясин 12 июня 2007 г. в интервью радиостанции «Эхо Москвы» разъяснил: «Хорошо, что собственников оказалось немного, ибо большое их количество является препятствием эффективному управлению экономикой».

Деятельность российских реформаторов по разгосударствлению собственности резко отличалась как от постсоциалистических стран Европы, так и от постсоветских республик Прибалтики, где общественность имела возможность постоянно отслеживать все этапы и детали прохождения этой сложной и длительной процедуры [Симонян, 2006, 2007]. Во-первых, отключением механизмов социального контроля: население с самого начала было отстранено от этого процесса. Если к дорожной карте программы «500 дней» был свободный доступ, то в планы реформаторов не были посвящены даже члены правительства. Об этом свидетельствует Полторанин, министр информации: «Не очень-то они желали распространяться о том, что задумали» [Полторанин, 2011: 240]. Во-вторых, беспрецедентной поспешностью. «Такого нигде в мире не было... С огромной скоростью, почти мгновенности ее, врасплох... раздели за бесценок наши благословенные недра: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь, производство. Ограбили до нитки Россию» [Солженицын, 2009: 22]. В-третьих, исключительно низким экономическим эффектом. Доход от приватизации в России – 9,2 млрд долл. оказался даже скромнее, чем в маленькой Венгрии – 12,8 млрд. Причем страны, в которых государственная собственность в экономике никогда не преобладала, получили от ее реализации в 1990–1998 гг. несопоставимо больше, чем Россия, где она была доминирующей, а в промышленности – единственной. Так, до России приватизация прошла в Бразилии, где в частные руки были проданы 279 предприятий [Окунева, 2008: 198]. В России было продано более 126 тыс. предприятий, а доход государству оказался в 8,5 раза меньше. В-четвертых, сначала были приватизированы не малоэффективные производства и нерентабельные предприятия, как это планировалось в программе «500 дней» и как это было сделано в других постсоциалистических странах, а самые доходные, за счет которых формировался бюджет.

Приступая к приватизации, члены гайдаровского правительства постоянно подчеркивали, что их не интересуют источники появления новых русских собственников, главное – создать класс собственников, что по существу означало отмену морали. Академик А. Некипелов в этой связи отмечает, что «реформаторы подвели общество к мысли о том, что хороши любые средства, если они продвигают страну к рыночной экономике» [Некипелов, 1996: 306]. Академик Д. Львов назвал это «призывом к общественному одичанию» [Львов, 1996: 171].

Спрашивается: «Чья ответственность больше, у государственного чиновника, продающего предприятие, или у частного лица, покупающего это предприятие за бросовую цену?» [Симонян, 2022]. Вот интервью К. Бендукидзе: «Захватить “Уралмаш” оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости»³. Дешевизна купленных в ходе приватизации основных фондов сделала экономически бессмысленным инвестиции в строительство новых предприятий, владельцы которых оказывались в заведомо проигрышном положении по сравнению с теми, кому активы достались за копейки. Это одна из причин, почему в России за прошедшие годы не построено практически ни одного нового крупного предприятия. Получение огромной прибыли от продажи природных ресурсов лишило заинтересованности производить высокотехнологическую продукцию. Поэтому нынешний российский капитал прочно осел в офшорах.

Российские адепты «чикагской школы» М. Фридмана непозволительно проигнорировали европейский опыт социальных государств, прежде всего наших соседей – северных стран, общее свойство народов которых – генетическое стремление к равенству. В советское время

² Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // Financial Times. 13.11.2004. P. 8–9.

³ Московский комсомолец, 15.11. 2014. С. 3.

широко употребляемый термин «шведский социализм» подчеркивал эту особенность. Но стремление к равенству не только присуще русскому социальному мышлению, в нашей ментальности – это одна из базовых ценностей. Социальная справедливость у нас означает, по существу, тот же феномен равенства, только в более категорическом, можно сказать, даже сакральном выражении. Факт, который вызывает глубокое недоумение выбором модели капитализма – американской, ультралиберальной, совершенно чуждой российскому менталитету, в то время как рядом, по соседству успешно функционировала социал-демократическая модель, психологически близкая и приемлемая для России.

Приватизация создала в России новых собственников и новые отношения собственности, которые являются базовыми, определяющими все основные отношения общества: социальные, экономические, политические, правовые, культурные, морально-этические. Всероссийский опрос населения, проведенный в докризисном 2011 г., в канун 20-летия реформ Институтом социологии РАН совместно с Фондом Ф. Эберта, показал, что «самым распространенным по частоте его переживания является чувство несправедливости всего происходящего вокруг. Это чувство свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России в результате реформ. Это чувство периодически испытывают свыше 90% россиян, при этом 48% испытывают его часто, а 77% испытывают чувство стыда за нынешнее состояние своей страны». Авторы исследования зафиксировали «неприятие населением России нынешнего жизненного уклада, который представляется людям не только несправедливым, но и позорным» [Двадцать лет..., 2011: 64, 66]. В 1990-х гг. российское общество пережило жуткую психологическую травму [Симонов, 2019].

Самыми отрицательными характеристиками социальной структуры постсоветской России являются массовая бедность и резкое имущественное расслоение. По данным Росстата, в первом квартале 2022 г. 20,9 млн россиян (14,3%) жили за чертой бедности (имели доход ниже 12916 руб. в месяц), что означает провальный результат реформации, ибо столь масштабная социальная поляризация за 30 лет после реформ – чрезвычайно редкое явление в новейшей истории. Но бедных значительно больше, чем утверждает официальная статистика, а социальная поляризация постоянно увеличивается, бедные становятся беднее, богатые богаче. В 2002 г. было восемь официальных долларовых миллиардеров, в 2022 г. их стало 29.

При этом собственность в нынешней России не является надежным социальным субстратом. Рейдерские захваты даже крупных предприятий, не говоря уже о средних, – набивший оскомину сюжет в свое время российских массмедиа. По существу, российский собственник беззащитен. Ни о какой его самостоятельности и устойчивости не может быть речи, он не может быть социально-экономической опорой общества. По уровню защиты прав собственности в мировом рейтинге 129 стран в 2021 г. Россия занимает 81 место между Тунисом и Филиппинами⁴. В рейтинге некоррупцированных стран Россия, по данным Transparency International за 2021 г., занимает 136 место из 180⁵, позади только Африка. Может ли чиновник, берущий взятки, или предприниматель, дающий их, или скорее вынужденный их давать, считаться представителем среднего класса? Разумеется, нет, потому что и тот, и другой не обладают ни самостоятельностью, ни устойчивостью. Отсутствие представительного среднего класса – результат реформ. При этом делаются попытки обозначить статистическую категорию «средний потребительский слой» (естественный атрибут любого, даже самого неразвитого общества), в качестве политэкономической категории «средний класс», наличие которого отличает только гражданское общество, в котором он является социальным фундаментом. «У нового режима должна появиться своя социальная опора – средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается – то, в крайнем случае, придумать» [Галкин, 1999: 85].

⁴ Рейтинг стран по уровню защиты прав собственности. 2021. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/property-right-index> (дата обращения: 22.11.2022).

⁵ CORRUPTION PERCEPTIONS INDEX. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021/index/rus> (дата обращения: 22.11.2022).

По сравнению с государственной частная собственность регулируется законами рынка, что снижает удельный вес чиновников в социальной структуре общества. В России наоборот, реформы вызвали бурный рост бюрократии. На этот парадокс обратил внимание Г. Маркузе, который подчеркнул, что «конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным использованием неизбежно ведет к увеличению государственного аппарата» [Маркузе, 1994: 46]. Бюрократия за 30 лет настолько и численно, и экономически, и политически усилилась, что название «чиновничий капитализм» сегодня вполне логично заменяет «олигархический капитализм».

Таким образом, выбор именно такого анархо-феодального дизайнера русского капитализма определили весьма далекие от общественных интересов соображения или, лучше сказать, мотивы ельцинского разлива, которые никак не связаны с какими-либо историческими закономерностями. Здесь очень уместно, на мой взгляд, вспомнить слова великого Д.М. Кейнса, который еще в середине прошлого века остроумно заметил, что «сумасбродные политики, стоящие у власти, имеют гораздо большее значение в истории, чем об этом принято думать» [Кейнс, 1993: 518]. О чем откровенно сообщает и сам Ельцин: «Помню, как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Верховного Совета РСФСР. Кабинет настолько огромный, что Лев Евгеньевич изумленно сказал: “Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!” ... Ну и что? – подумал я. Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили!» [Ельцин, 1994: 33].

Да, они отхватили Россию и сделали все возможное, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 1990-е гг. вызывало в общественном мнении нарастающее негативное, даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию демократия. По существу, оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что в стране быстро созрели реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму [Гринберг, 2019: 58–60].

Основной вывод из моих размышлений сводится к тезису, который в марксистской интерпретации выглядел бы как «нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает экономический базис, созданный за годы, в сущности, антигуманных реформ». Остается лишь добавить, что российская автократия, подавившая ельцинскую полуанархию, а заодно и благотворную политическую и экономическую конкуренцию, полностью заблокировала модернизацию страны. А ведь именно она чуть ли не с начала века является национальным стратегическим приоритетом.

За рубежом российская реформация вызывает большой интерес, в Китае и США работают целые институты, изучающие как позитивный, так и негативный опыт нашей страны. Но нам самим он особенно важен. Знание ошибок прошлого, освоение его уроков, несомненно, понадобится новым реформаторам, которым рано или поздно вновь придется предпринять попытку очеловечивания отечества. В этом безусловная ценность нового издания книги Р.Х. Симоняна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галкин А.А. Тенденции изменения социальной структуры // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 79–87.
- Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2019.
- Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. Горшкова, Р. Круммы, В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011.
- Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.
- Кейнс Дж. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
- Львов Д.С. Обновленные ориентиры экономической политики // Российский экономический журнал. 1996. № 3. С. 163–185.
- Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
- Некипелов А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма. М.: ИМЭПИ РАН, 1996.

- Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей истории латиноамериканского гиганта (1960–2006). М.: МГИМО (У), 2008.
- Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011.
- Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. 4-е доп. изд. М.: Экономика, 2022.
- Симонян Р.Х. Реакция населения на экономические реформы 1990-х гг.: социально-психологический аспект // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 94–103.
- Симонян Р.Х. Страны Балтии в Евросоюзе // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 118–132.
- Симонян Р.Х. Сравнительный анализ экономических реформ в России и странах Балтии // Мир России. 2007. № 3. С. 50–73.
- Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998.

Статья поступила: 18.07.22. Принята к публикации: 23.10.22.

30 YEARS OF ECONOMIC REFORMS IN RUSSIA (reflections on the origins and results)

GRINBERG R.S.

Institute of Economics of RAS, Russia

Ruslan S. GRINBERG, Dr. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Prof., Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (grinberg@inecon.ru).

Abstract. The socio-economic situation in Russia is one of the most relevant topics in the public discourse not only of our country, but also of the world community as a whole, since Russia's international importance is too great. Property relations – the basic relations of society – began to take shape in our country in 1992, when Russian reformers began to introduce an economic system based on the sale of natural resources (raw material model). Therefore, the reality in which our country lives today was created in the 1990s. The article presents the author's reflections on the Russian reformation, inspired by the publication of R. Simonyan's monograph dedicated to the 30th anniversary of the reforms. Analyzing the results of the reformation, primarily the social structure of society, the article focuses on the central concept of sociology – the activity of social actors, including goals, objectives, means and results. The conclusion is substantiated that in the context of the philosophical law on the increase of the subjective factor in the development of society, the analysis of the activities of Russian reformers becomes particularly relevant.

Keywords: economic reforms, modernization potential of Russia, reformers' activity in the 1990s.

REFERENCES

- Galkin A. (1999) Trends in social structure change. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 7: 79–87. (In Russ.)
- Grinberg R. (2019) In Search of Balance. Moscow: Magister. (In Russ.)
- Keynes J. (1993) Selected works. Moscow: *Ekonomika* [Economics]. (In Russ.)
- Lvov D. (1996) Updated guidelines of economic policy. *Russkij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal]. No. 3: 163–185. (In Russ.)
- Marcuse G. (1994) One-dimensional man. Moscow: REFL-book. (In Russ.)
- Nekipelov A. (1996) Essays on the economics of post-Communism. Moscow: IMEPI RAN. (In Russ.)
- Okuneva L. (2008) Brazil: features of the democratic project. Pages of the recent history of the Latin American giant (1960–2006). Moscow: MGI MO (U). (In Russ.)
- Poltoranin M. (2011) Power in TNT equivalent. Legacy of Tsar Boris. Moscow: EKSMO, Algoritm. (In Russ.)
- Simonyan R. (2006) The Baltic States in the European Union. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues]. No. 11: 118–132. (In Russ.)
- Simonyan R. (2007) Comparative analysis of economic reforms in Russia and the Baltic States. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3: 50–73. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2019) The Reaction of the Population to the Economic Reforms of the 1990s: Socio-Psychological Aspect. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. T. 40. No. 1: 94–103. (In Russ.)
- Twenty years of reforms through the eyes of Russians: experience of long-term sociological measurements (2011). Edited by M. Gorshkov, R. Krumm, V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Yeltsin B. (1993) Notes of the President. Moscow: Ogonyok. (In Russ.)

Received: 18.07.22. Accepted: 23.10.22.

В.К. ЛЕВАШОВ, О.П. НОВОЖЕНИНА

ГИБРИДНАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ, МНЕНИЯ ГРАЖДАН И ТЕНДЕНЦИИ

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор (levachov@mail.ru);
НОВОЖЕНИНА Ольга Петровна – старший научный сотрудник (olganov@yandex.ru). Оба – Институт
социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. 1990-е и 2020-е гг. войдут в историю как периоды кардинальных изменений глобальных, региональных и национальных социально-политических отношений, а также государственных и международных организаций и институтов. Социальные, экономические и политические проблемы резко обострились в условиях пандемии COVID-19, а затем в ходе проведения Россией специальной военной операции на Украине. На наших глазах возникает новая реальность, которая требует осмысления и изучения. Динамика, масштабность, сложность и противоречивость доминирующих тенденций современной жизни социума формируют гибридную социально-политическую реальность, противоречиво соединяющую «правила игры» мирного и военного времени. Эта реальность в существенной степени начинает влиять на выбор траекторий устойчивого развития российского общества и глобального социума. Авторами приводятся результаты социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», на основе которых делаются выводы о возможных тенденциях развития социально-политической ситуации в нашей стране и мире.

Ключевые слова: гибридная реальность • социально-политическое развитие • холодная война • социологический мониторинг • социальные и политические тенденции

DOI: 10.31857/S013216250022369-8

Сущность гибридной социально-политической реальности. Исследуя природу и движущие силы современных национальных, региональных и глобальных социально-политических изменений, важно помнить о сущностных предпосылках этих процессов, которые берут начало в середине прошлого века. В 1945 г. правительства практически всех стран мира были единодушны в стремлении отстроить новую международную организацию, которая на правовой основе была бы способна предотвращать будущие мировые и локальные войны. По замыслу создателей, Организация Объединенных Наций (ООН) была призвана служить несущей конструкцией международной системы коллективной безопасности, главным элементом современной многосторонней дипломатии. С самого начала своей деятельности ООН вела процесс формирования правового фундамента глобального гражданского общества на нашей планете. Тем самым была продолжена традиция, заложенная не только созданной в 1920 г. Лигой Наций, но и, о чем редко вспоминают, инициированных Россией Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг.

В свете сегодняшних обвинений России и её политических лидеров в «природной» агрессивности к своим соседям важно подчеркнуть, что приоритет в миротворческих инициативах, в начале диалога и трудного пути создания глобального гражданского общества в противовес культуре войны и праву сильного в отношениях между нациями и государствами, принадлежит именно нашему Отечеству. В неблагоприятной геополитической ситуации глава российского МИДа Михаил Муравьев 12 августа 1898 г. направил ноту иностранным послам: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств» [Очерки истории..., 2002: 199].

В 1899 г. по инициативе российского императора Николая II на родине Гуго Гроция, автора трактата «О праве войны и мира» (1625) (кстати, определившего в нем самооборону как справедливую форму войны), состоялась первая в истории Гаагская конференция по вопросам разоружения. Хотя ни Гаагские конференции, ни создание Лиги Наций не смогли предотвратить Первую и Вторую мировые войны, однако они зафиксировали в первых принятых мировым сообществом конвенциях законы и обычаи войны, порядок мирного разрешения международных споров, начали накапливать правовой опыт социально-политического миротворчества и тем самым подготовили образование ООН.

К сожалению, новые миротворческие институты даже в начале XXI в. еще не могут отменить старое правило «хочешь мира – готовься к войне» на основе принципов разобщенности, эгоизма и права сильного в политике и экономике. Экономические интересы новых геополитически поднимающихся сообществ и объединений стран мира – БРИКС, ЕАЭС, ШОС, культура сотрудничества и кооперации развивающихся рынков и экономик – вошли в противоречие с культурой конкуренции, войны, насилия и разбоя. Культура мира объективно стала отбирать экономическое, социальное, политическое, нравственное информационное пространство культуры войны и её современной модифицированной формы – гибридной войны [Murray, Mansoor, 2012]. В условиях острой конкурентной войны за рынки сбыта углеводородов в Европе Соединенные Штаты после начала проведения специальной военной операции на Украине продиктовали большинству стран-членов НАТО необходимость проведения солидарной политики санкций по отношению к России. Сфера межгосударственных и дипломатических отношений оказалась отравленной токсинами идеологии англосаксонского «цивилизационного превосходства» и политикой «отмены русской культуры». Администрация президента США и страны НАТО практически ведут в мирное время против РФ гибридную войну [Marton, 2018: 32], встав на защиту украинского националистического режима.

Неустойчивый мир и гибридные войны формируют новые гибридные формы сосуществования зависимых друг от друга наций, государств и граждан в условиях ядерного императива, пандемии мутирующего коронавируса и планетарной цифровой революции. На практике это выражается в установлении неустойчивого баланса потенциалов культуры войны и смерти и культуры мира и жизни в условиях нарастания дефицита и диспаритетов материальных и духовных ресурсов между странами Востока и Запада, Севера и Юга, гражданами разных поколений, наций, рас, религий, социокультурных традиций и социальных институтов.

Мир вступил в эпоху новой гибридной социально-политической реальности, в которой основными инструментами разрушения устойчивости государств и институтов международного сотрудничества становятся прокси-войны и социальные сети, манипулируемые корпорациями «Большой цифры». Функциональная особенность войн в новой реальности выражается в их перманентном характере: «...Кто бы ни взял верх, война не прекращается, она лишь меняет форму. Условный победитель, как правило, не хочет или не может обеспечить мирное строительство, а только усугубляет хаос и углубляет опасный для мира вакуум»¹.

Гибридная социально-политическая реальность возникает как результат взаимодействия доминирующих объективных и субъективных тенденций социальной и политической жизни общества, государства и глобального сообщества, который в свою очередь влияет и формирует мнения, суждения, ценности современных и будущих поколений населения интегрирующейся мировой цивилизации. В этих условиях социологические исследования представлений граждан о динамике и характере социально-политической реальности остаются основой научных методов, инструментов и прогноза устойчивого будущего, помогая понять субстанциональные составляющие новой гибридной реальности.

Граждане о социально-политической реальности и будущем России. Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция (СВО) на Украине стала исторической

¹ Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай». 21.10.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 20.09.2022).

точкой перелома глобальной и российской социально-политической ситуации. Она положила начало кардинальному изменению настроений, суждений и, в конечном счёте, общественного мнения граждан в мире и в России. С одной стороны, это ведёт к качественным изменениям, а с другой – инерционность и пластичность формирования общественного сознания требует времени, чтобы понимание гибридной особенности социально-политической среды выразилось в устойчивых, проверенных опытом суждениях и оценках, а затем и в политической культуре общества. Новые изменения происходят на фоне старых проблем и трендов сознания, которые формировались многие годы. Рассмотрим далее по данным социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» отражение в общественном сознании россиян трендов основных жизненных сфер².

Осознание экономических трендов. За все годы наблюдений тревожность по поводу дороговизны жизни преобладала в ряду проблем, беспокоящих российских граждан. К ней непосредственно примыкали проблемы роста цен и тарифов. Об ухудшении ситуации свидетельствует, например, то, что, по данным Росстата, долги граждан за ЖКУ в I квартале 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. выросли на почти 8%. Всё большую тревогу вызывает высокая инфляция: в 2022 г. 27% респондентов выразили озабоченность по этому поводу. Отметим, что второй год подряд на первое место в структуре экономических проблем выходит не общая дороговизна жизни, а конкретный рост цен на продукты питания (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика тревожности россиян по экономическим проблемам, 1993–2022 гг.,
в % от опрошенных**

Период опроса	Тревожащие проблемы			
	рост цен на продукты питания	дороговизна жизни	повышение тарифов на услуги ЖКХ	высокая инфляция
1993, XI	–	70	–	–
1995, XI	–	56	–	–
2001, XII	–	66	–	–
2005, IX	–	60	46	–
2010, XII	39	53	43	11
2015, XII	34	58	31	14
2016, VI	29	59	31	13
2020, IX	32	61	31	10
2021, VI	49	34	40	23
2022, V	58	50	30	27

Примечание. Приведены ответы на вопрос: «Какие проблемы беспокоят вас в первую очередь?». Прочерк здесь и далее означает отсутствие позиции в инструментарии. Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

² Эмпирическую базу статьи составляют данные всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (1992–2022) [Как живешь, Россия?, 2022] и социологического исследования «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”» (2020) [Куда идешь, Россия?, 2021]. В исследованиях использовалась квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности по полу, возрасту, образованию и месту жительства при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России, объем выборки варьировался от 1312 до 1866 человек на различных этапах мониторинга.

Таблица 2

**Динамика тревожности россиян по политическим проблемам, 2009–2022 гг.,
в % от опрошенных**

Период опроса	Экономические санкции против России	Ухудшение отношений с США и Европой	Мировой экономический кризис
2009, XII	–	–	14
2010, XII	–	–	7
2011, XI	–	–	7
2012, XII	–	–	6
2013, XII	–	–	6
2014, XII	–	13	7
2015, XII	10	8	8
2016, XII	8	6	6
2017, V	7	7	3
2018, V	19	17	6
2019, VI	8	7	4
2020, IX	11	3	7
2021, VI	7	7	8
2022, V	24	24	12

Осознание политических трендов. Собственно внешнеполитические проблемы в структуре тревожности российских граждан не оказывались в числе доминирующих в течение всего периода измерений. Даже мировой экономический кризис тревожил в 2009 г. лишь каждого седьмого респондента, а в 2022 г. – каждого восьмого. Некоторый всплеск обеспокоенности по поводу экономических санкций против России и ухудшения отношений с западными странами наблюдался в 2018 г., на передний план они вышли в только в 2022 г. Впрочем, и после начала СВО экономические санкции против России и ухудшение отношений с США и Европой вызывали тревогу только у четверти опрошенных респондентов (табл. 2).

Осознание социальных трендов. В этой группе проблем самых высоких значений достигал индикатор «произвол чиновников» – в 2012 и 2017 гг. 41 и 44% соответственно, но к 2022 г. его уровень снизился до 16% (табл. 3).

На втором месте в этой группе устойчиво находится «безработица». Экстремально-го значения этот индикатор достиг в сентябре 2020 г., когда треть респондентов на фоне

Таблица 3

**Динамика тревожности россиян по социальным проблемам, 1994–2022 гг.,
в % от опрошенных**

Период опроса	Безработица	Произвол чиновников	Ухудшение положения пенсионеров в обществе	Закрытие, простой предприятий	Задержка выплаты зарплаты, пенсий
1994, II	24	–	–	32	–
1995, XI	14	–	–	19	–
2002, XII	29	27	–	19	21
2005, IX	22	29	–	14	11
2007, I	22	32	–	14	9
2008, II	18	31	–	13	7
2009, VI	32	28	–	15	11

Окончание таблицы 3

Период опроса	Безработица	Произвол чиновников	Ухудшение положения пенсионеров в обществе	Закрытие, простой предприятий	Задержка выплаты зарплаты, пенсий
2010, VI	26	31	-	14	7
2011, VI	29	33	-	14	7
2012, IV	27	41	-	14	7
2013, VI	25	37	-	12	7
2014, VI	20	31	12	11	6
2015, VI	27	33	13	12	6
2016, VI	30	32	14	12	8
2017, V	27	41	14	11	7
2018, XII	25	33	20	16	9
2020, IX	34	28	16	14	6
2022, V	21	16	15	11	3

неблагоприятной эпидемиологической ситуации были обеспокоены угрозой безработицы. К 2021 г. их доля снизилась до 25%, в 2022 г. – до 20%. Однако в ближайшие месяцы эта обеспокоенность может вырасти, поскольку структурная трансформация экономики в результате санкционного давления негативно отразилась на рынке труда. По данным Росстата, уровень безработицы во II квартале 2022 г. составил 4%; есть прогнозы, что он может достичь 7–8% к концу года.

Восприятие гражданами задач СВО и результатов санкционной политики. Как известно, главными объявленными целями СВО на Украине является «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима... [для чего] мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины»³. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, какие задачи должна решить спецоперация на Украине, показывает, по сути, структуру представлений россиян об условиях, которые бы гарантировали безопасность самой России (табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос, решение каких задач должна включать в себя СВО на Украине по демилитаризации и освобождению от националистов, май 2022 г. (N=1700), в % от опрошенных

Варианты ответов	%
Освободить всю Украину	26
Освободить территорию народных республик Донбасса и Луганска	21
Освободить все земли, ранее входившие в состав Малороссии (ДНР, ЛНР, а также Херсонскую, Николаевскую, Одесскую и др. области)	18
Освободить всю территорию Украины, за исключением западных областей (Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской и др.)	14
Иное мнение*	3
Затруднились ответить	18

Примечание. *Встречались следующие ответы: «Оставить Украину в покое, Россия не должна была вторгаться на территорию Украины»; «Удовлетворение личных амбиций президента РФ»; «Защита Украины и территорий РФ»; «Не лезть в чужую свободную страну»; «Вернуть Крым и уйти с Украины»; «Остановить боевые действия».

³ Обращение президента Российской Федерации В.В. Путина. 24 февраля 2022 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 20.09.2022).

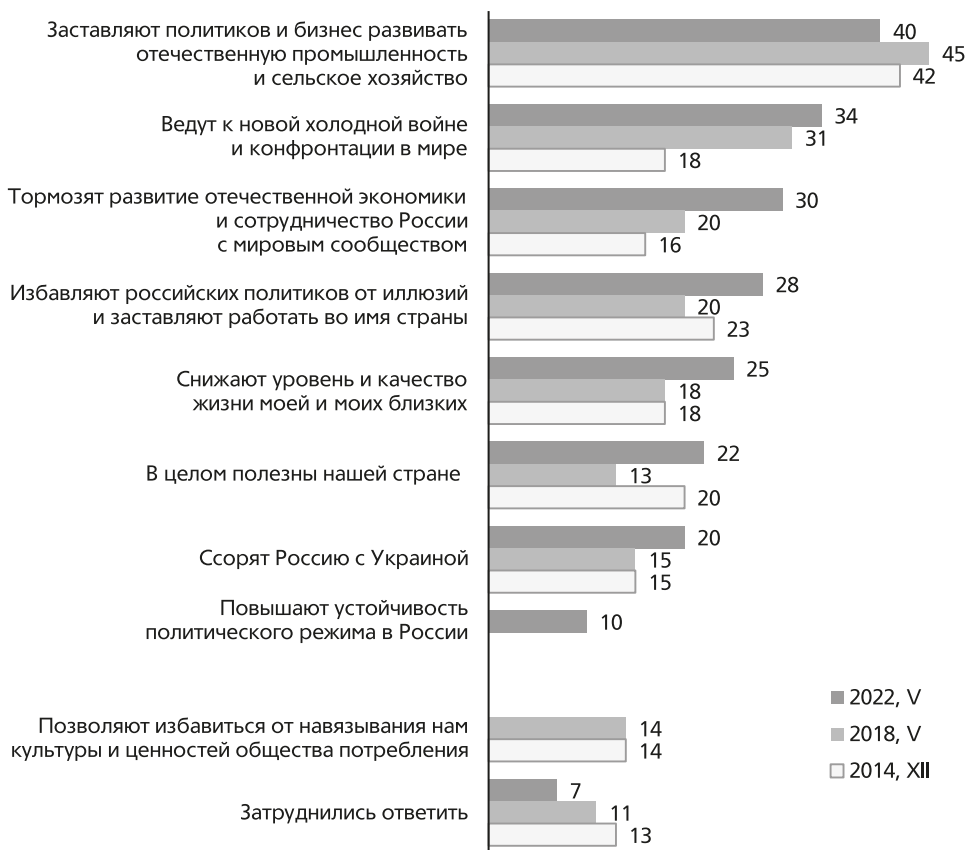

Рис. 1. Мнение россиян, какой эффект окажут/оказывают санкции на жизнь в нашей стране, 2014–2022 гг., в % от опрошенных

Примечание. Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Как видим, в мае 2022 г. наиболее значительная часть российских граждан (26%) считала, что для решения задач СВО на Украине недостаточно освободить только территории ЛНР и ДНР, либо другие отдельные регионы Украины, а необходимо освободить от националистов и демилитаризировать всю Украину. Такое отношение к территориальной целостности Украины обусловлено как резким неприятием шовинистских лозунгов, провозглашаемых официальными властями Украины, так и её восприятием в качестве вассала западных стран.

Что касается последствий санкционного давления, то мнение респондентов о них измерялось в 2014, 2018 и 2022 гг. (рис. 1). Суммарная доля мнений о положительном влиянии санкций на жизнь в РФ в 2014 г. и 2022 г. примерно одинакова, на первом месте во всех замерах находится мысль о расширении возможностей развития отечественной экономики. Однако доля отрицательных ожиданий от санкций в 2022 г. почти вдвое выше, чем в 2014 г. Действительно, уровень санкционного давления после начала СВО стал беспрецедентным, в результате впервые за годы измерений значения отрицательных ожиданий несколько превысили положительные.

Данные табл. 5 демонстрируют общий рост доверия за последние десятилетия практически ко всем перечисленным в таблице общественным структурам и институтам

Таблица 5

**Динамика доверия респондентов к общественным структурам и институтам власти,
в % от опрошенных**

Структуры и институты	1995, I	2000, V	2005, IX	2010, XII	2015, XII	2020, IX	2021, VI	2022, V	Рост, п.п.
Президент РФ	9	41	48	55	77	61	50	74	65
Армия	35	43	31	40	67	64	66	72	37
Правительство РФ	8	20	20	43	48	44	35	52	44
Совет Безопасности	–	17	23	31	43	35	46	51	34
Церковь	–	35	35	49	52	47	40	46	11
Руководители регионов	11	20	21	34	29	46	39	43	32
Совет Федерации	7	13	14	26	34	30	27	37	30
Профсоюзы	18	21	12	18	16	16	34	35	17
Органы местного самоуправления	–	–	–	–	–	–	–	35	–
Государственная Дума	10	12	10	18	21	23	23	31	21
Общественные организации	–	–	–	27	19	21	37	30	3
Общественная палата	–	–	–	21	21	18	29	27	6
Средства массовой информации	21	17	23	26	15	16	22	25	4
Партии, политические движения	6	16	7	17	12	17	20	17	11

власти. В наибольшей степени выросло доверие президенту РФ, Правительству РФ и армии. Значительно больше стали доверять российские граждане также Совету Безопасности, руководителям регионов, Совету Федерации. Менее всего вырос уровень доверия Общественной палате, общественным организациям и СМИ. Доверие партиям выросло, но небольшое значение этого индикатора само по себе говорит о несоответствии существующей партийной структуры запросам гражданского общества. Напротив, органы общественного самоуправления, впервые вошедшие в инструментальный мониторинг только в 2022 г., пользуются доверием 35% респондентов.

Будущее России. Крайне актуальной в свете происходящих политических событий является динамика мнений российских граждан о будущем, которое ожидает Россию.

Точка зрения, согласно которой рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов, была самой популярной на протяжении практически всего периода исследований. Только в опросах 2011 и 2015 гг. преобладало мнение, что Россия будет существовать в нынешних границах. В 2022 г. мнение об объединительной миссии России разделяли более 2/5 опрошенных. Обратная точка зрения – обреченность на распад России – имеет, напротив, все меньше сторонников, их доля за 30 лет (особенно, после 2011 г.) сокращалась, достигнув к 2022 г. лишь 6% (рис. 2).

Социологические измерения показывают, таким образом, что российское общество и государство продолжают отвоёвывать пространство устойчивого мирного развития в условиях гибридной реальности.

Критика гибридной социально-политической реальности. Различные формы гибридной реальности – сочетания открытого насилия и латентного принуждения – проявляются на протяжении всей истории развития цивилизации. Достаточно вспомнить хотя бы «политику канонерок», применявшуюся сильными странами против слабых еще в XIX веке. Когда же практически сразу после завершения Второй мировой войны

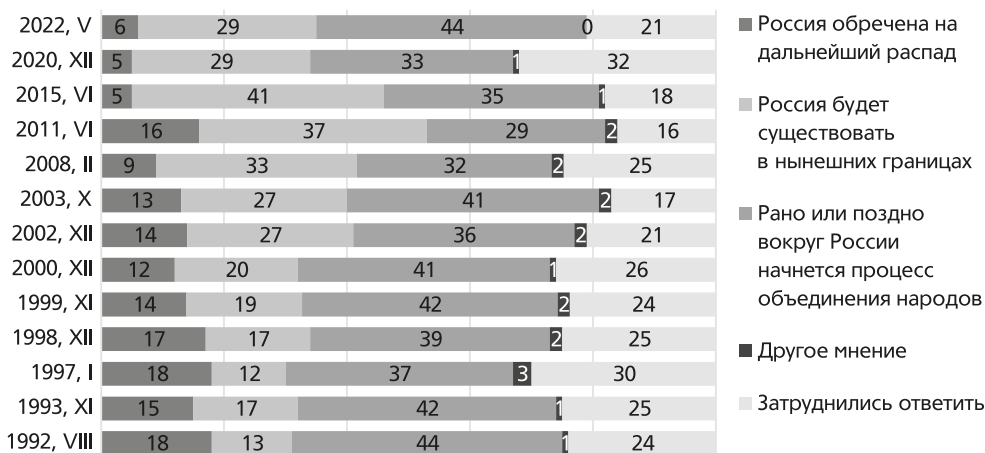

Рис. 2. Мнение россиян о будущем России, 1992–2022 гг., в % от опрошенных

началась холодная война, то гибридная реальность (как писал Дж. Оруэлл, «мир, который не будет миром») стала нормой международной жизни на почти 40 лет.

Такое состояние мира на практике привело к политике силового доминирования даже не всех стран Запада, а стран англосаксонского Запада (прежде всего, США – лидера капиталистической мир-системы). Холодная война началась с речи У. Черчилля в Вестминстерском колледже в Фултоне, в которой с одобрения президента США Г. Трумэна провозглашалось введение в Европе «железного занавеса» и проведения курса на сдерживание и изоляцию СССР во всём мире: «Мы не должны допустить повторения подобной [Второй мировой войне] катастрофы, и добиться этого сегодня, в 1946 году, возможно лишь путем налаживания нормальных отношений и всеобъемлющего взаимопонимания с Россией под эгидой Организации Объединенных Наций. Поддержание таких отношений в течение многих и многих мирных лет должно обеспечиваться не только авторитетом ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран и их союзников»⁴. По существу, такой мир означал наступление гибридной социально-политической реальности. Соответственно, то, что наблюдается после 2014 г., есть второе издание старой холодной войны.

Сразу после начала провозглашенной в 1946 г. холодной войны появилась ее острая критика, сохраняющая актуальность и в современном мире. В частности, оба периода холодной войны демонстрируют сочетание «защиты демократии» с родовыми признаками расистской идеологии, когда одна культура признается прогрессивной, а другую предлагается «отменить». Сошлемся на интервью И.В. Сталина газете «Правда» в 1946 г.: «...Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают... Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над

⁴ Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html> (дата обращения: 20.09.2022).

другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война⁵. А 20 лет назад аналогичную критику «нового расизма» как одной из форм гибридной реальности дал на страницах своей последней большой работы «Русская трагедия» (2002 г.) известный российский философ и социолог А.А. Зиновьев: «Начался XXI век, но вместо обещанного футурологами необычайного прогресса во всех сферах человеческого бытия мы наблюдаем глобальное помутнение умов и поворот к дремучему мракобесию. Одним из проявлений этого непредсказанного регресса человечества является возрождение в свое время, казалось бы, разгромленного и осужденного расизма» [Зиновьев, 2011: 888–889].

Еще до Второй мировой войны формирующиеся тенденции и черты новой гибридной реальности разглядел и подверг острой критике российский и американский социолог П.А. Сорокин. В заключительной части своего обобщающего научного труда «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) он провидчески нарисовал картину будущего как «трагическое зрелище западного общества и его культуры». По его мнению, в основе системного кризиса лежит стирание границ между «истинным и ложным» пониманием ценностей и целей жизни человека и общества, что ведет к интеллектуальному и социальному хаосу. Деструкция и деградация социокультурной сферы жизни общества порождают «людей-роботов», ведут к исчезновению общественного и мирового сознания, замещению его «беспринципными мнениями групп давления». Разложение западной цивилизации, выстроенной на принципе и практиках общественного договора, приведет к аннигиляции договорной демократии, договорного капитализма и частной собственности. Сила и обман станут правом и вызовут революции и войны всех против всех: между классами, нациями, религиозными конфессиями, расами, цивилизациями. Для большинства свобода и права превратятся в миф и декорации для циничного насилия, а господствующее меньшинство погрязнет в «необузданной распущенности». В этих условиях неизбежно появятся «дряхлые правительства» с тираническими милитаристскими неустойчивыми режимами. Продолжится деградация и распад семьи как первичного социального института общества, союза мужчины и женщины. Сфера культуры как уникальная множественность неповторимых материальных и духовных достижений тысячелетнего цивилизационного развития всё в большей мере будет насыщаться массовыми рыночными мотивациями и превращаться в «место культурного демпинга», функционирующего на принципах рыночной распродажи. Стремление к максимизации рыночной прибыли и безудержная эксплуатация гедонистической мотивации приведёт псевдоинтеллектуалов и шоумейкеров к минимизации гуманистического творческого начала культурной деятельности. Деформация духовного ядра социокультурной сферы станет причиной системного кризиса производства материальных ценностей и снижения уровня жизни населения [Сорокин, 2006: 880–883].

Осмысление и понимание П. Сорокиным критической социально-политической ситуации в планетарном и национальных масштабах, к сожалению, во многом не потеряли своего значения и релевантны нашему времени и его вызовам. Выводы американского социолога почти 80-летней давности перекликаются с недавно высказанным мнением российского президента: «Все говорят о том, что существующая модель капитализма – а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран – исчерпала себя, в её рамках нет больше выхода из клубка всё более запутанных противоречий»⁶.

⁵ Интервью И.В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 г.). URL: http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php (дата обращения: 20.09.2022).

⁶ Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай». 21.10.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 20.09.2022).

Эпоха доминирования Запада в международных экономических и социально-политических отношениях, начавшаяся в середине прошлого тысячелетия, затухает. Открытые и замаскированные усилия установить новое колониальное господство на основе возможностей нового технологического уклада методами гибридных прокси-войн и экономической блокады в последние тридцать лет не приносят существенных социально-экономических и политических преимуществ. Войны, насилие и конкуренция ради конкуренции не открывают новые возможности для мировой цивилизации, а лишь затягивают стагнирование старого мира.

Объективные законы мир-системного развития продиктовали новую логику и структуру мироустройства. С середины прошлого века страны Запада как центр и эталонная модель экономического и социокультурного развития начали постепенно терять свой инновационный потенциал. Концентрация материальных, духовных и демографических ресурсов, технологических компетенций и капиталов выводит в лидеры евразийский континент и создаёт новый, смещающийся на Восток, центр мирового развития. Процесс этот носит объективный характер и, как показала практика, уже не может быть остановлен войнами и гибридными революциями. Начался тренд перехода от гибридной реальности к государственной суверенизации на основе национальной и культурной самоидентификации.

Социально-политический смысл сущностной эволюции цивилизации заключается в том, что человек в обществе и государстве периодически радикально перестраивает пирамиду власти и богатства. Природная среда, цивилизация и человек постепенно становятся не объектами и инструментами экономической эксплуатации и источниками процветания для элитного меньшинства, а целями и смыслом устойчивого развития и гуманистического спасения будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зиновьев А. Иди на Голгофу. Гомо советикус. Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ; Астрель, 2011.
- Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года: [бюллетень] / Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 3. Биографии министров иностранных дел. 1802–2002 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. ст. и комм. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006.
- Marton P. Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq // *Corvinus Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 2. Iss. 2–3. P. 30–41.
- Murray W., Mansoor P.R. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Статья поступила: 26.09.22. Финальная версия: 28.10.22. Принята к публикации: 30.10.22.

HYBRID SOCIO-POLITICAL REALITY: ESSENCE, CITIZEN OPINIONS, AND TRENDS

LEVASHOV V.K.*, NOVOZHENINA O.P.*

**Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Russia*

Victor K. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Director (levachov@mail.ru); Olga P. NOVOZHENINA, Senior Researcher (olganov@yandex.ru). Both – Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. 1990s and 2020s will go down in the history as periods of fundamental changes in global, regional and national socio-political relations, as well as state and international organizations and institutions. The social, economic and political problems sharply escalated in the context of the Covid-19 pandemic, and then during the Russian Federation's special military operation in Ukraine. A new reality is emerging before our eyes, requiring reflection and study. The dynamics, scale, complexity and inconsistency of the dominant trends of modern social life form a hybrid socio-political reality that contradictorily combines the "rules of the game" of peacetime and wartime. This reality begins to significantly influence the choice of sustainable development trajectories for Russian and global society. The authors present results of the sociological monitoring "How are you Russia?". The conclusions are drawn about possible development vectors of the socio-political situation in our country and the world.

Keywords: hybrid reality; socio-political development; cold war; sociological monitoring; social and political trends.

REFERENCES

- Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 1802–2002: Vol. 3 (2002).* Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.)
- How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. (2022)* Executive ed. V.K. Levashov. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Marton P. (2018) Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq. *Corvinus Journal of International Affairs*. Vol. 2. Iss. 2–3: 30–41.
- Murray W., Mansoor P.R. (2012) *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sorokin P. (2006) *Social and Cultural Dynamics*. Transl., comments by V.V. Sapov. Moscow: Astrel. (In Russ.)
- What is your image of future, Russia? Express information. (2021)* Executive ed. V.K. Levashov. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Zinoviev A. (2011) *Go to Golgatha. Homo Sovieticus. The Crossroads. The Russian tragedy*. Moscow: AST; Astrel. (In Russ.)

Received: 26.09.22. Final version: 28.10.22. Accepted: 30.10.22.

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

О ПРОБЛЕМЕ АКТИВИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НЕЕТ-МОЛОДЕЖИ

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

Аннотация. Обсуждается коллективная монография «Современная российская молодежь вне занятости и образования: кто виноват и что делать?», подготовленная по результатам исследования молодежи (2019) и экспертов (2020). В фокусе внимания вопросы выявления, оценки и диагностики человеческого потенциала НЕЕТ-молодежи, пути и способы его активизации. Проблема исключения молодежи из сфер труда и образования на сегодняшний день становится актуальной, в том числе в связи с малочисленностью молодого поколения. Поддерживая исследователей во многих положениях, автор подчеркивает, что понимание проблемы только через реализацию человеческого капитала этой группы и его капитализацию узкое, – происходит переформатирование нормативных представлений о занятости и труде в целом, особенно ярко проявляющееся среди молодежи. Неоднородность изучаемого объекта велика, поэтому предложенный в монографии комплексный подход к активизации человеческого потенциала НЕЕТ-молодежи может быть реализован при работе именно с конкретными категориями этой группы, которым необходима поддержка. Проблема в том, что нуждающиеся в помощи имеют низкий уровень доверия к государственным структурам и низкий уровень знания о различных мерах поддержки.

Ключевые слова: НЕЕТ-молодежь • человеческий капитал • человеческий потенциал • активизация человеческого потенциала • государственная молодежная политика

DOI: 10.31857/S013216250023349-6

Тема молодежи, выпавшей из сферы образования и занятости (группа НЕЕТ-молодежи)¹, уже поднималась на страницах СоцИса [Варшавская, 2016; Блинова, Вяльшина, 2017]. В последнее время она актуализировалась рядом исследований (см., напр.: [Зудина, 2020; Буланова, Артамонова, 2022; Демиденко, 2021 и др.]), обозначив в том числе проблемы воспроизводства человеческого капитала [Современная российская молодежь..., 2021], основополагающие для обсуждаемой монографии.

Проблема исключения молодежи из сфер труда и образования актуальна, в том числе в связи с малочисленностью молодого поколения, что отмечают и авторы монографии.

При поддержке РФФИ, проект № 19-29-07559.

¹ НЕЕТ (сокращенное от Not Employment, Education or Training) означает группу молодежи (в основном в возрасте 15–24 лет, хотя используются и расширительные границы до 29 лет) вне сферы образования и занятости, по сути тех, кто не учится и не работает. Этот исследовательский конструкт введен британскими исследователями в 1999 г. для более точного изучения проблем молодежной безработицы и анализа перехода от «учебы к работе». Подробнее о расчете показателей см.: [Варшавская, 2016].

В России сокращается численность работников в молодых трудоспособных возрастах, и к 2025 г. численность участников рынка труда до 40 лет уменьшится примерно на 3,3 млн человек [Денисенко, Мкртчян, 2022]. Хотя показатели динамики NEET-группы за последние несколько лет не свидетельствуют о ее существенном увеличении (по оценкам Росстата, в 2019 г. она составляла 10,6% численности поколения 15–24-летних россиян (с. 3²)), более гибкие методы исследований показывают, что проблема намного глубже. Она связана с общими тенденциями в сфере труда и занятости (прекаризация и распространение неформальной занятости, отход от наемного труда к samozанятости, трудоустройство не по полученной специальности, частая смена работы и пр.), а также в сфере образования (разочарование в специальности, смена направлений образования, прерванная образовательная траектория и пр.).

Стоит отметить, что влияние на эту молодежную группу окажут события, связанные с началом спецоперации на Украине и последовавшими за этим санкциями в отношении нашей страны. Эксперты прогнозируют рост безработицы до 7–8% (напомню, по данным Росстата, уровень безработицы во II квартале 2022 г. составил 4%). В целом, по данным мониторингового исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН, «безработица» находится устойчиво в числе первых проблем, волнующих россиян. По данным мониторинга НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), обеспокоенность угрозой безработицы испытывали в 2021 г. 58% взрослого населения (24,8% – очень обеспокоены, 33,2% – немного беспокоит), в пандемийный 2020 год эта обеспокоенность была выше – 63,9% (30,9 и 33% соответственно) [Козырева, Смирнов, 2022]. Более тревожны по этому поводу те, кто меньше удовлетворены своей жизнью [там же]. Молодежь обычно позитивнее смотрит в будущее и на жизнь в целом, однако анализируемая группа несколько отличается в этом отношении.

В ближайшие месяцы обеспокоенность может вырасти, поскольку структурная трансформация экономики в результате санкционного давления негативно отразится на рынке труда. Открывающихся вакансий может стать меньше, трудности с трудоустройством может испытать как раз молодежь, впервые выходящая на рынок труда. Поэтому важным становится обсуждение не только минимизации рисков попадания в группу NEET, но и активизации ее человеческого потенциала, форм поддержки, так как довольно низкий человеческий капитал этой группы может привести к долгосрочным негативным последствиям, увеличивая риск бедности, закрепления в статусе безработного либо низкооплачиваемого сотрудника, усугубляя проблемы физического и психологического здоровья.

Авторы изучают проблему с точки зрения оценки накопленного человеческого потенциала молодежи, находящейся вне сферы занятости и образования, пытаясь найти пути и механизмы преобразования его в человеческий капитал. Особенность монографии как раз в том, что, помимо диагностики ситуации и представления результатов исследования, значимая ее часть посвящается именно ответу на вопросы «что делать?», каким образом минимизировать риски дальнейшей безработицы у данной группы молодежи. В этом ее несомненный плюс.

Напомним: человеческий потенциал и человеческий капитал – разные понятия. Концепция человеческого капитала разработана в 1960-е годы Т. Шульцем и Г. Беккером, использовавшим такие понятия, как «выгоды/издержки» и «норма отдачи» от образования. В настоящее время концепция используется чаще расширительно: не только как вложения в образование и профессиональные навыки человека, повышающие способность к труду. Рассматриваются и другие стороны жизни: благосостояние, потребительские расходы, жилищные условия и т.д., т.е. в фокус внимания попадают и интеллект, и здоровье, и знания, и умения, и качество жизни – то, от чего зависит производительный и качественный труд человека и его вклад в социально-экономическое развитие. Понятие человеческий потенциал, соответственно, рассматривает все способности, потребности,

² Здесь и далее по тексту в круглых скобках указываются ссылки на рецензируемую книгу.

досуг и межличностные отношения, т.е. количественные и качественные характеристики населения, вне зависимости от участия в экономической деятельности.

Коротко представим общую логику монографии. Первые две главы обозначают проблему, учитывая не только российский, но и международный контекст, рассматривают изучаемый феномен, историю его зарождения и представляют концептуальную рамку анализа NEET-молодежи. Как уже было сказано, анализируемая группа рассматривается с точки зрения теории человеческого капитала. Третья глава представляет результаты исследования молодежи в Санкт-Петербурге, т.е. речь идет только о городской столичной молодежи, тогда как существенную долю NEET составляют сельские жители (см.: [Зудина, 2020]). Опрошено 356 человек в возрасте 15–29 лет (к сожалению, не сказано, как формировалась выборка). Каждый пятый опрошенный (20,4%) обозначил свой статус как «не учусь и не работаю», что гораздо выше, чем в исследованиях по репрезентативным выборкам по стране (см., например: РМЭЗ НИУ ВШЭ, ОНПЗ Росстата [Зудина, 2019; 2020]). Несмотря на общую малочисленность выборки, авторы сравнивают выделенную группу молодежи с более социально благополучной – тех, кто учится и/или работает, и такой подход представляется продуктивным. Также приводятся результаты опроса экспертов, которые сталкиваются с решением проблем этой группы молодежи (гл. 6). Практико-ориентированность позволяет авторам выявить сложности взаимодействия с NEET, так как опрошены не только эксперты (психологи, педагоги, в том числе социальные педагоги и социальные психологи, другие специалисты по этой проблеме), но и люди, имеющие опыт длительного общения с молодыми людьми этой социальной группы (родители, другие родственники, близкие знакомые, старшие товарищи). Всего оценивающих экспертов 354 человека. Как проходил эксперт-опрос и каким образом формировалась выборка, также не указано.

Авторы вводят оригинальный концепт «капитализация человеческого потенциала неучащейся и неработающей молодежи» (гл. 4), рассматривая при этом институциональные условия данного процесса (гл. 5). Рассматриваются современные особенности развития традиционных институтов влияния (семья, образование, здравоохранение, культура и средства массовой информации, труд и досуг) (с. 117–140). В заключительной главе анализируются международные и национальные подходы к поиску направлений и механизмов активизации неучащейся и неработающей молодежи в целях капитализации ее человеческого потенциала (гл. 7).

В основу выбранного в работе подхода положена триада «потребности, способности, готовности» к выполнению общественно необходимых видов деятельности молодыми людьми, исключенными из сфер образования и труда. Логика анкеты выстраивалась в соответствии с этими тремя компонентами. Такой способ достижения целей исследования оправдан и соответствует выбранной теоретической рамке. Важно понимать, что самооценка собственных способностей и потенциала всегда субъективна и может в значительной степени отличаться от реальности, но полученные данные в сравнительном контексте показывают любопытную картину, доказывая особенность изучаемой группы. Так, установлено, что те, кто не работает и не учится, меньше находят у себя способности (в 1,5 раза), у них меньше потребности их реализации, существенно меньше уровень готовности приступить к работе.

Исследование потребностей молодых людей, включая молодёжь, находящуюся вне сфер занятости и образования, показало, что четверо из каждых десяти опрошенных связывают свои планы с получением образования. Однако это преимущественно те, кто уже учатся либо совмещают учебу и работу, и менее трети тех, кто в момент опроса не учился и не работал. На поиски работы в большей степени, напротив, нацелены молодые люди и девушки, кто фактически не работает и/или не учится, в отличие от тех, кто включены в сферы труда и образования. Что касается готовности, то анализировалась готовность молодёжи к труду: чуть более половины опрошенных готовы приступить к достаточно подходящей, по их мнению, работе немедленно и еще четверть – через некоторое время. Более

успешная часть молодых продемонстрировала существенно больший уровень готовности, чем представители менее социально благополучной группы. Таким образом, на данных показаны значительные различия между двумя сравниваемыми группами молодежи.

В целом авторы заключают, что человеческий капитал неучащейся и неработающей молодежи представляет собой совокупность таких свойств (здоровья, знаний, навыков, умений и пр.), которые могут и должны обеспечивать достижение различных благ и преимуществ. Однако формирование этих свойств не происходит или идет медленно, с запозданием, поскольку человеческий потенциал этой группы на данном этапе жизни недостаточно развит: либо его не удалось реализовать в социально значимых видах деятельности в достаточной степени, либо такие попытки не предпринимались. Т.е. у NEET-группы должным образом не сформированы системы потребностей, способностей и готовности выполнять эти виды деятельности, социальные роли и функции (с. 60). Можно предположить, что зачастую речь идет о социально незрелых личностях. При этом 81,2% экспертов полагают, что такие подростки и молодые люди нуждаются в помощи, в первую очередь психологической (67,1%).

Авторы тщательным образом изучили литературу по теме, включая иностранные источники. Логика монографии обоснована и продуктивна с практической точки зрения, так как исследователи пытаются найти способы конвертации человеческого потенциала NEET-молодежи в человеческий капитал. Обсуждаются механизмы активизации молодежи вне сфер занятости и образования, предлагается использовать международный опыт. Разбирая международные документы, авторы констатируют, что «проблемы молодого поколения, неучащейся и неработающей молодежи предметно находятся в поле зрения авторитетных международных организаций» (с. 215). В качестве примера возвращения молодежи к социально одобряемым зонам деятельности приводят три разноплановых подхода к решению проблемы: азиатский (Япония), европейский (Норвегия) и латиноамериканский (см. раздел 7.3, с. 216–231). Учитывается национальная специфика в отношении категории неучащейся и неработающей молодежи. Подчеркивается, что в российском обществе отсутствует четкое выделение ее как особой группы (с. 231).

Важно, что авторы отмечают разнородность исследуемой группы и стараются учитывать это при анализе причин и источников ее формирования (с. 42–49). Эту группу нужно рассматривать именно дифференцированно, не навешивая ярлык исключительно неблагополучной, потому что пути попадания в нее очень разные, как и время нахождения в ней. Авторы выделяют пять блоков источников пополнения данной группы (с. 48–49). Обобщая, можно выделить три основные причины: структурные (социальные), психологические, состояние здоровья. Последняя объединяет подростков и молодежь с ограниченными возможностями здоровья с соответствующими последствиями для социализации, получения образования, трудоустройства. Другой блок причин является структурообразующим для представителей молодого поколения, претерпевших/претерпевающих эмоционально-психологические неудачи и разочарования (буллинг в школе/вузе, опыт жестокого обращения, участие в межличностных конфликтах, неумение выстраивать отношения с ровесниками или старшими, потеря работы, близкого человека, любовные неудачи и неспособность пережить это). Сюда могут быть отнесены внешне вполне благополучные подростки и молодые люди, оказавшиеся в силу тех или иных причин (недостаточное родительское внимание; личностные особенности; воздействие интернет-сообщества и проч.) заложниками электронных гаджетов и виртуального пространства. Иначе говоря, это группа лиц с психологическими проблемами, которые «закрываются в скорлупу», бегут от реальности (эскапизм) и испытывают сложности с адаптацией (например, феномен хикикомори в Японии как социальная проблема (с. 18–27) и т.п.).

Самый сложный комплекс источников попадания в группу – различные структурные (шире – социальные) причины. Здесь важно учитывать как неблагополучные факторы, обуславливающие и/или провоцирующие социальную уязвимость, ущербность (неблагополучие семей; низкий уровень образования родителей; проживание в небольших или

отдаленных населенных пунктах; опыт миграции, ранней беременности; включенность в криминальный образ жизни и т.п.), так и вполне благополучные, которые могут быть ситуативными, – замужество (статус домохозяйки), рождение ребенка, уход за ним или пожилым членом семьи, ведение личного хозяйства, в том числе ЛПХ.

Несколько особняком от перечисленных причин попадания в группу стоят те молодые, для кого не учиться и не работать – сознательный выбор. Чаще всего это молодые люди более старших возрастов, осознанно принимающие решения о сибаритствующем образе жизни и свободно путешествующие, занятые искусством, самообразованием и, как правило, имеющие для этого финансовые средства (рантье), либо зарабатывающие на выбранный образ жизни случайным образом.

На наш взгляд, можно говорить о разных типологических группах NEET с различным уровнем мотивации, депривации, сценариями попадания в группу, а также с попытками выхода из нее. Конечно, работа с этими группами, если ориентироваться на социальную политику в целом и государственную молодежную в частности, должна вестись по разным схемам различной направленности.

Авторы видят проблему слабой применимости молодежи своего человеческого капитала в том, что «в России плохие институциональные условия для капитализации знаний» (с. 211). Они предлагают комплексный подход выведения молодежи из категории неучащейся и неработающей: поиск пути должен находиться на стыке государственной молодежной политики, политики в сфере образования, в сфере труда и занятости, а также социальной политики вообще. Именно такой подход, на их взгляд, позволит говорить о повышении качества человеческого потенциала молодежи и о максимизации его капитализации, позволяющей скомпенсировать сокращение численности молодежи (с. 233). Не спорим, именно комплексное решение проблем зачастую является выходом, однако механизмы взаимодействия разных структур не всегда отлажены. Для реализации подобных мер необходима работа межведомственных комиссий. Однако особенность системы работы с молодежью в нашей стране в том, что социальные службы рассматривают и опекают молодежь в основном до 18 лет, а в дальнейшем выпускают их из поля своего ведения (если только молодые самостоятельно не обращаются за получением каких-либо видов поддержки, помощи и т.д.). Эта группа остается наедине со своими проблемами. Нет механизмов, которые бы ее выявляли и поддерживали.

Основной тезис авторов: в процессе формирования человеческого капитала главную роль играет включенность человека в сферу образования на старте жизненного цикла и актуализация полученного образования через вовлечение в непрерывное образование в последующие периоды. Реализация же накопленного человеческого капитала происходит через включение его в сферу общественного производства, труда и занятости (с. 143). Таким образом, исследователи видят реализацию человеческого потенциала исключительно через сферу труда и занятости посредством непрерывного образования. Такое понимание проблемы, на наш взгляд, узкое. Современное прочтение концепции человеческого капитала шире и эффективнее. В настоящее время происходит переформатирование представлений о занятости, меняются нормы и отношение к труду, особенно ярко новые тренды проявляются в среде молодежи. Однако предложенные исследователями механизмы активизации потенциала NEET-молодежи правомерны и вполне могут стать рабочими для социальных служб и ГМП, особенно при работе с лицами с психологическими проблемами адаптации. Но помощь должна быть адресной, осуществляться по группам, так как не всем она требуется. Однако контроль за наиболее уязвимыми может вполне осуществляться. И здесь возникают другие проблемы – слабый уровень доверия к государственным структурам у этой группы молодежи и слабая информированность о мерах поддержки.

Подытоживая, отметим, что монография представляется комплексным исследованием проблемы возвращения молодежи в сферу труда и образования и активизации ее человеческого потенциала, которое обогащает наши представления об объекте. Несмотря на

то что анализ построен на данных локального исследования городской молодежи, дополнительно проведен обстоятельный анализ вторичных данных, введены новые концептуальные понятия, а выводы и рекомендации могут применяться к жителям малых городов и сельской молодежи NEET-группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блинова Т.В., Вялышина А.А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40–49.
- Буланова М.Б., Артамонова Е.А. NEET-молодежь: потребительское поведение в новой реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 113–125. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-113-125.
- Варшавская Е.Я. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.
- Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России // Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП. 2022. № 5 (10). URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/30/1872644620/Human_Capital_NCMU_Digest_10_Demographic..Supply_in_Russian_Regions_2022.pdf (дата обращения: 17.10.22).
- Демиденко С.Ю. Разные пути в NEET: о жизненных выборах молодежи // Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе / Отв. ред.: Р.В. Карапетян, Н.Г. Скворцов. СПб.: ООО "Скифия-принт". 2021. С. 423–433.
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.
- Зудина А.А. Есть ли в России молодежь NEET? Траектории входа и выхода // Российский рынок труда через призму демографии / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. М.: ИД ВШЭ, 2020.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41.
- Современная российская молодежь вне занятости и образования: кто виноват и что делать? / Н.Н. Шестакова, О.И. Иванов, М.Б. Скворцова; под ред. Шестаковой Н.Н. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 302 с.

TO THE PROBLEM OF ACTIVATING THE HUMAN POTENTIAL OF NEET-YOUTH

DEMIDENKO S.Yu.

The Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, The Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor) of the journal "Sociological studies", Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).

Acknowledgements. This article was prepared with support from of RFBR, project No. 19-29-07559.

Abstract. A collective monograph "Modern Russian youth outside of employment and education: who is to blame and what to do?" (ed. N.N. Shestakova) is discussed based on the results of a study of youth (2019) and experts (2020), on the identification, assessment and diagnosis of the human potential of NEET youth, as well as ways and means of its activation. The problem of excluding young people from the spheres of work and education is becoming urgent today, owing, i.a. to the shrinking size of the younger generation. In general, supporting the authors of the monograph in its many provisions, it is emphasized that understanding of the problem only through realization of the human capital of this group and its capitalization is narrow, since there goes a reformatting of normative ideas about employment and labor in general, especially among young people. Heterogeneity of the object under study is particularly emphasized. Therefore, the authors' comprehensive approach to activating the human potential of NEET youth can be implemented via working with specific categories of this group, for not everyone needs support. However, the problem is that those in need of assistance have a low level of trust in government agencies and a low level of knowledge about various support measures.

Keywords: NEET-youth, the human capital of NEET-youth, activating the human potential of NEET-youth, state youth policy.

REFERENCES

- Blinova T.V., Vyalshina A.A. (2016) Youth outside education and employment: rural – urban differences in Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 40–49. (In Russ.)
- Bulanova M.B., Artamonova E.A. (2022) Need-youth: consumer behavior in the new reality. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Sociology. Vol. 22. No. 1: 113–125. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-113-125.
- Demidenko S.Yu. (2021) Different Paths in NEET: on the Life Choices of the Young People. In: Karapetyan R.V, Skvortsov N.G. (eds) *Transformation of labor in a (de)globalizing society*. St. Petersburg: Scythia-print. (In Russ.)
- Denisenko M., Mkrtchyan N. (2022) Demographic Changes and Labor Supply in Russian Regions. *Research Digest*. No. 5 (10). URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/30/1872644620/Human_Capital_NCMU_Digest_10_Demographic..Supply_in_Russian_Regions_2022.pdf (accessed 17.10.22). (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) The Evolution of Russian People's Social Wellbeing During the Post-Soviet Era: from Collapse to Contrasting Stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. (In Russ.)
- Shestakova N.N. (ed.) (2021) *Modern Russian youth outside of employment and education: who is to blame and what to do?* St. Petersburg: Publishing House of SpbGEU. (In Russ.)
- Varshavskaya E.Ya. (2016) NEET-youth in Russia: characteristics and typology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 31–39. (In Russ.)
- Zudina A. (2019) The NEET Youth in the Russian Labor Market. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 1: 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160. (In Russ.)
- Zudina A.A. (2020) Is there a NEET youth in Russia? Trajectories of entry and exit. In: The Russian labor market through the prism of demography / Edited by V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. Moscow: HSE Publishing House.

АНДРЕЕВУ АНДРЕЮ ЛЕОНИДОВИЧУ – 75 лет

Андреев Андрей Леонидович (22.12.1947, Москва) – специалист в области истории русской философии и общественной мысли, социологии, эстетики. Доктор философских наук, профессор. Главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

В 1970 г. окончил философский факультет МГУ, а в 1973 г. – аспирантуру Института философии АН СССР. Работал в Институте философии АН СССР (1973–1987), в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1987–1991). Обе его диссертации посвящены исследованию искусства как формы познания. В разное время заведовал кафедрами в НИУ «Московский энергетический институт», Национальном исследовательском ядерном университете (МИФИ), Всероссийском государственном институте кинематографии им. С.А. Герасимова. Член Научного совета ВЦИОМ и Международного редакционного совета журнала «Мониторинг общественного мнения».

Совместно с М.К. Горшковым, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко, М.П. Мchedловым, А.Г. Здравомысловым, В.В. Журавлевым, В.В. Шелохаевым стоял у истоков создания первого в стране автономного некоммерческого (негосударственного) исследовательского учреждения – Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП, 1991–2001). Ученые института внесли значительный вклад в теоретическое и междисциплинарное изучение непростых и противоречивых социальных процессов в стране в переходный период.

Участвовал в ряде научных проектов и трудов, посвященных исследованию современного российского самосознания, вопросам социального развития России (Россия на рубеже веков. М., 2000; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004; Россия – новая социальная реальность. М., 2004).

На основе эмпирических исследований дал описание психосемантических «ядер» русского менталитета, включая отношение к государству, праву, собственности, а также к западной модели развития. Выдвинул концепцию развития России в XX в., согласно которой главным смысловым стержнем этого развития было формирование «общества образования».

Автор работ, посвященных русскому марксизму (Ленин, Богданов, советская социология культуры 20-х гг. XX в.), методологическим проблемам изучения истории русской философии, социально-философским идеям Чернышевского, Добролюбова, Толстого, Бердяева, Солоневича, Гумилева и ряда других выдающихся мыслителей.

В 1975 г. дебютировал на телевидении в качестве автора передачи о модных в те годы «производственных» пьесах, много выступал как художественный критик (публикации в журналах «Искусство», «Творчество», «Театр», «Художник»).

В последние годы занимается исторической и политической социологией, а также социологией культуры. Темы исследований: динамика российской идентичности, формирование образов России в массовом сознании (в том числе средствами кино и массмедиа), социологические аспекты современного кинопроцесса, ценности образования в российском социуме, концепции «мягкой силы», современные политические процессы. В своих монографиях «Российское образование: социально-исторические контексты» (2008), «Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени» (2014) разработал и обосновал оригинальную концепцию модернизации России как последовательности «просветительских революций». Ряд работ Андрея Леонидовича переведены на иностранные языки и опубликованы в зарубежных странах (Болгария, Китай, Сирия, Сербия, США, Польша, Швейцария).

Редколлегия и редакция журнала и все, кому выпадает удача сотрудничать с этим исключительно культурным, интеллигентным и позитивным человеком, поздравляют Андрея Леонидовича с юбилеем и желают здоровья и новых научных открытий и исследований!

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2022. Т. 28)

- № 3.** *Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю.* Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России; *Андреевская А.В.* В поисках справедливой системы социального обеспечения – динамика отношения российского общества к безусловному базовому доходу; *Настина Е.А.* Когда помощь в радость: модераторы взаимосвязи просоциального поведения и удовлетворенности жизнью; *Лисицын П.П., Орлова Н.А., Степанов А.М.* Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа; *Малинкин А.Н.* Социологический метод В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина) (на примере книги «Марксизм и философия языка»); *Головин Н.А.* Избранная деловая и дружеская переписка социологов П.А. Сорокина и Л. фон Визе (1950–1966 гг.); *Сапов В.В.* «Социологос: платоновский диалог» Александра Гольденвейзера и «Псевдо-социологос. Ответ профессору Гольденвейзеру» Питирима Сорокина; *Титаренко Л.Г.* Зачем социологии нужна новая интегративная парадигма?; *Гурко Т.А.* Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2022. Т. 31)

- № 4.** *Ильин В.И.* Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке); *Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С.* Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска); *Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И.* Экономика усыновления: любовь и/или деньги; *Кравцова А.Н., Лисовская И.В., Ясавеев И.Г.* «Эта система делает только будущих эзков»: проблематизация дискурса исправления бывшими заключенными; *Третьякова О.В.* Российские социологические журналы в международных базах данных: что необходимо учесть в новой системе оценки; *Вольчик В.В., Фурса Е.В.* Нарративный анализ спроса на инновации в российской экономике; *Журавская Т.Н., Рыжова Н.П.* Программа «Дальневосточный гектар»: ритуализация машины развития.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2022. Т. 21)

- № 3.** *Резаев А., Трегубова Н.* Еще раз о социологии и социальной аналитике в эпоху развития искусственного интеллекта; *Варшавер Е.* «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности; *Головашина О.* Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти; *Борщевский Г.* Отражение ценностей российского общества в Посланиях Президента Федеральному Собранию; *Тев Д.* Бизнес как источник рекрутирования высокопоставленных чиновников федеральных экономических министерств России; *Забаев И., Кострова Е., Голева М.* Самореализация и дети: логики использования пространства в нарративах россиян; *Тимошкин Д.* Памятник vs ветхость: как городские сообщества используют маркеры прошлого в борьбе за «право на город» в Иркутске; *Хестанов Р., Сувалко А.* Факультативные группы, невидимые индивиды: трансформация социальных отношений в новой технологической реальности; *Никулин А.* Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям; *Шарков Ф., Кириллина Н.* Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор; *Стась И.* Urban History: между историей и социальными науками.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2022. Т. 10)

- № 3.** *Вебер А.Б.* Экологические угрозы и ресурсные ограничения: их отражение в идеологии и в политике; *Позднякова М.Е., Брюно В.В.* Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19; *Кузнецов Р.С., Кузнецов И.С.* Социальный капитал студентов

в цифровой образовательной среде: аудиторный и дистанционный форматы обучения; Волков Ю.Г. Социальная справедливость в коллективных представлениях населения регионов Юга России в контексте формирования общероссийской идентичности; Фадеев П.В. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни; Попов Е.В., Кох И.А., Семячков К.А. Цифровизация социальной инфраструктуры в стратегии развития «умного города»; Кулагина Е.В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Часть 1; Мозговая А.В. Адаптация к антикризисным мерам: права личности и общественная безопасность; Алёкминская Г.М. К вопросу о культурной памяти и идентичности в трудах Я. Ассмана; Сухарькова М.П. Жизненные ориентации волонтеров крупных спортивных мероприятий в странах БРИКС.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2022. Т. 13)

- № 3.** Рыжова С.В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия; Эндрюшко А.А. Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение (на примере сферы труда); Толмачева А.Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией; Актамов И.Г., Винокурова А.В., Григорьева Ю.Г. Миграционные процессы в условиях пандемии: кейс Монголии; Назаров М.М. Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернета; Рубанов А.В. Бюрократия как социальный феномен; Мансуров В.А., Ломбина Т.Н., Юрченко О.В. Проблемы понимания текста школьниками: социологический взгляд; Шаброва Н.В. Институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования; Калинин Р.Г. Метод виньеток в онлайн-исследовании: апробация инструментария для исследования восприятия справедливости; Самсонова Е.А. Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2022)

- № 4.** Подвойский Д.Г. В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I; Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель запланированного поведения: интеграция имплицитных факторов улучшает точность прогноза; Веселкова Н.В., Прямикова Е.В., Вандышев М.Н. Исследовательский фотомэппинг: обсуждение метода; Гольбрайх В.Б. Исследования социальных сетей в России: попытка библиометрического анализа; Мошкова К.А., Черкашина Т.Ю. «Мои, твои, наши дома»: жилищная собственность супругов из семей региональных политиков; Белопашенцева П.В. Что говорит о российской бедности депривационный подход?; Харченко К.В., Щукин Л.А. Социально-экономическое положение, территориальная идентичность и социальная активность жителей наукоградов (по результатам экспертного опроса); Мышбаева З.Т. и др. Модель политики занятости людей с инвалидностью: результаты систематического обзора литературы с библиометрическим анализом; Антонова В.К. и др. Инклюзивная организационная культура как аномалия: взаимосвязь размера компании и проявления в ней инклюзивных норм и практик; Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане; Михайлова А.А. Межмуниципальные различия в цифровой восприимчивости населения; Канонир Т.Н., Угланова И.Л., Куликова А.А. Мониторинг субъективного благополучия в школе: оценка в рамках современной теории тестирования; Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Роль персональных психологических ресурсов в объяснении возрастных неравенств здоровья в странах Европы.
- № 5.** Подвойский Д.Г. В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть II; Космарская Н.П. Изучение низовых представлений о мигрантах в России и Европе: методы, концепты, локальные контексты; Желнина А.А., Семенов А.В., Тыканова Е.В. Методология изучения городских конфликтов: уровни масштабирования; Давыдов Д.А. Динамика массовых протестных акций в современной

России: событийный анализ; *Синявская О.В., Червякова А.А.* Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия?; *Безрукова О.Н., Самойлова В.А.* «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью; *Казун А.П. и др.* Бьет – значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ; *Радина Н.К., Крупная Д.А.* Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанонимов нестоличных мегаполисов); *Недосека Е.В., Ненько А.Е., Лисенков О.О.* Репрезентация воспринимаемой безопасности городской среды в соседских онлайн-сообществах Санкт-Петербурга; *Сизова И.Л., Карапетян Р.В., Орлова Н.С.* Особенности цифровизации труда современных российских работников; *Герашенко Д.Р.* Цена административной карьеры: научная продуктивность ректоров до и после назначения; *Быков А.В., Нарская А.И.* Закон, мораль и машинное обучение: взгляд судей на сущность и перспективы роботизации правосудия; *Щекотуров А.В.* Приватные аффордансы и воображаемая аудитория как факторы виртуальной самопрезентации студентов; *Кисляков П.А.* Социально-психологический анализ образа благотворительности и добровольчества в цифровой среде; *Жучкова С.В., Линделл Д.* Оценка коммуникативного потенциала сайтов российских НКО на основе анализа нереактивных данных; *Багдасарьян Н.Г., Балуева Т.В.* Аспирантура регионального вуза: проблемы и пути решения; *Гошин М.Е., Сорокин П.С., Косарецкий С.Г.* Агентность школьников в условиях изменений образовательного контекста в период пандемии COVID-19: источники, проявления и эффекты; *Михайлова О.Р.* Взаимодействие молодых людей с животными и образовательные результаты.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2022. Т. 23)

- № 4.** *Швецова А.В. и др.* Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска; *Зукин Ш.* Инновационный комплекс: города, технологии и новая экономика; *Семёнов А.В., Гилёва А.И.* Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма; *Литвинцев Д.Б.* Жалобы – не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2022)

- № 5.** *Торкунов А.В.* Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; *Тимофеева Л.Н. и др.* Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020»; Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций; *Зуйкина К.Л.* Telegram-каналы в борьбе за электорат: формирование гражданского активизма в период белорусского политического кризиса – 2020; *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам; *Чугров С.В.* Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни; *Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Бориско О.А.* Субъективное пространство молодежной политики: теоретическая модель и региональная проекция (на примере Краснодарского края); *Токарев А.А. и др.* Социология российского образа будущего: предварительные результаты; *Шахалилов Ш.Ш.* Россия: изменение порядка становления мировой державы; *Го Ц., Гаоянь Ц.* Новая коннотация политического развития как инструмент анализа политического процесса в Китае; *Телин К.О.* Конгруэнтность как параметр политической стабильности.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2022. Т. 13)

- № 3.** *Скворцов А.М.* Подготовка «Всеобщей истории техники» в Институте истории науки и техники в 1930-е годы (на примере тома по истории техники в Средние века); *Жмудь Л.Я., Ю.Х. Копелевич:* от филолога-классика к историку науки; *Меркулова А.Э.* Периодические издания морского ведомства Российской империи первой половины XIX века; *Лаптева Т.Н.* Ботанический институт АН СССР во второй поло-

вине 1930-х годов как социальный феномен; *Груздева Е.Н.* Женщина в науке: зоолог и ихтиолог М.М. Иванова-Берг; *Юдина И.Г., Лаврик О.Л.* Развитие русскоязычных и англоязычных терминов и устойчивых словосочетаний в области взаимоотношения общества и науки; *Васильева И.Н. и др.* Востребованность инструментов и механизмов, созданных в ходе реализации плана мероприятий стратегии научно-технологического развития РФ, и влияние предлагаемых мероприятий на социально-экономическое развитие Российской Федерации; *Болдырев В.А., Кузбагаров А.Н., Максимов В.А.* Укрупнение научных специальностей по юриспруденции: аналитика и прогностика; *Визгин В.П.* Об Общественном семинаре по истории советского атомного проекта; *Бранец В.Н.* Об интуиции Главного конструктора.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(2022)

- № 4. *Егоров С.В.* Страны глобального мира в поисках технологической самодостаточности; *Егоров Д.Г.* О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения; *Мерзляков С.С.* Постгуманизм vs трансгуманизм: от «конца исключительности» к «технологическому гуманизму»; *Давыдов Д.А.* Посткапитализм: от индивидуализма потребительского к индивидуализму экспрессивному?; *Подлесная М.А., Лебедева О.Н.* Проблема развития в современном мире. Теоретические интерпретации; *Выходец Р.С.* «Информационные доминанты» как инструмент информационно-психологических войн; *Пятаков А.Н., Харламенко А.В.* Победа левых сил в Гондурасе: причины и предпосылки модернизации государства.

LABORATORIUM: ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(2022. Т. 14)

- № 2. *Гончаров Н.* Способы производства пищи в арктической Якутии (пример Аллаиховского улуса); *Сайрамбай Е.* Как молодежь использует новые медиа в политическом участии в России и Казахстане; *Руденко Н.* Конкурируя за будущее: проблематизация инновационной автомобильности в публичном дискурсе «Яндекс. Беспилотников»; *Бугровский А.* Некоммерческие организации, противостоящие глобальному неолиберализму: влияние общероссийских общественных организаций инвалидов, глухих и слепых на государственную политику в отношении инвалидов.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2022. Т. 14)

- № 3. *Бизюков П.В.* Нужен ли новый трудовой контракт?; *Абрамов Р.Н.* На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма; *Старовойтенко А.Д.* (Де)субъективация работников в пространстве склада маркетплейса: цифровой диктат или индустриальный «базар»?; *Пинчук О.В.* «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексева; *Нор-Аревян О.А., Черевкова А.И.* Социальное самочувствие и протестный потенциал медиков Ростовской области в период пандемии коронавируса; *Афанасьев К.С., Степанова Е.С.* Инициативное благоустройство в Санкт-Петербурге: от ЖКХ-арта к тактическому урбанизму; *Мальцев М.А.* ИНТЕР-энциклопедия: конвексационный анализ.

ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СОЦИОЛОГИЯ (МИНСК)

(2022)

- № 3. *Водопьянов П.А., Бурак П.М.* Глобальные вызовы в современном мире и коэволюционный подход в достижении безопасного будущего; *Осипов И.Д., Рыбас А.Е.* Идея гуманной цивилизации в трудах представителей ленинградской философской школы; *Тощенко Ж.Т.* Советский человек: опыт осмысления социально-исторической реальности; *Подлесная М.А., Ильина И.В.* Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 1; *Кирвель Ч.С., Семерник С.З.* Новая система социогуманитарного образования как ответ на вызовы современности; *Зборовский Г.Е.* Академические девиации образовательных общностей в российских университетах; *Титаренко Л.Г.* Цифровые ин-

новации сквозь призму восприятия белорусскими студентами; *Михайловский В.С.* Вековой опыт неомарксизма: результаты и перспективы неомарксистской теории капитализма; *Щербин В.К.* Социология знания как важный фактор развития цифровой экономики Беларуси; *Можейко М.А.* Билингвизм в культурологической проекции: феномен открытого мышления; *Мartiнович В.А.* Методологические проблемы изучения религиозного многообразия; *Бийжанова Э.К.* Малый город в приграничном регионе России: социокультурные и социально-экономические проблемы; *Корнеев М.А., Филинская Л.В., Щелкова Т.В.* Особенности адаптации первокурсников к условиям обучения в Белорусском государственном университете.

Подготовила А. ГОВОРОВА

CURRENT SOCIOLOGY

(2022. Т. 70)

- № 6.** *Аттерберри А.Л. и др.* Вопросы к родственным и межпоколенным связям в национальном и транснациональном контекстах; *Аттерберри А.Л.* Родительские ожидания, школы и пределы гибкого гражданства: изучение решений об обучении в школах элиты возвратных мигрантов; *Ту Сики.* В поиске «лучших» вариантов: американская частная средняя школа для китайцев из высшего среднего класса; *МакКаллум Д.Г.* Эмоциональные компенсации: материализм и привязанности в транснациональных семьях японских филиппинцев; *Ким Хен Юн.* Дедушки/бабушки, родственные чувства и благосостояние китайско-американских пожилых людей; *Вадрицка Э.Ю.* Оставаться в семье: культурная социализация гаитянских американских семей; *Ифей Лю и др.* Модель культурного воспроизводства: кейс Китая; *Чен Калок А., Лю Лейк.* Содействуют ли проживающие в семье домашние работники снижению неоплачиваемого домашнего труда? Парадокс интенсивного родительства и домашнего аутсорсинга; *Черчилль Б., Кейг Л.* Смена установок мужчин и женщин к отцовству и работающим отцам в Австралии.
- № 7.** *Крик Э., Мерилюото Т.* Пришествие гражданских экспертов: демократизация или расширение границ экспертизы?; *Мерилюото Т., Куоканен К.* Какой смысл в гражданской экспертизе партиципаторных проектов?; *Крик Э.* Гражданские эксперты в партиципаторном управлении: демократические и эпистемные достоинства участия пользователей услуг, местное знание и гражданская наука; *Педерсен В. и др.* Борцы с «войной наркотикам». Гражданские эксперты в норвежской наркополитике; *Мохабир Р.* Метод анализа неприемлемости: балансируя между активностью и безопасностью; *Тернер М.* Движение за безопасное положение в английском футболе: мобилизация политических и дискурсивных полей соперничества; *Аккорнеро Г.* Спорные постройки: борьба против выселений в нижнем Ист Сайте, Нью-Йорк.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2022. Т. 128)

- № 2.** *Бу Б.* Хорошее время, плохое время: социоэкономический статус, нехватка времени и достаток на пенсии; *Буэк Дж.* От государства на улицу: сегрегация, утрата присмотра за детьми и институциональные истоки организационных лишений; *Джоунс Дж.* «Они здесь, с нами»: теоретические грани расового статуса и межгрупповых отношений; *Рейнольдс С.* Замена сути Раздела IX: как сексуальные домогательства стали дискриминацией секса в американской средней школе; *МакАртур Д., Ривс А.* Ненамеренные последствия квантификации качества: создает ли рейтинг школ географическую концентрацию преимуществ?; *Вуоло М. и др.* Вопросы о наличии судимости при приеме на работу и желание наниматься: изучение смешанным методом решений отказаться от подачи заявления.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022. Т. 87)

- № 5.** *Урена А.* Реляционный риск: как отношения формируют личные оценки риска и смягчения; *Чжу Ди.* Элементы культурной силы: новизна, эмоции, статус и культурный капитал; *Кастилья Э., Позканцер Э.* Через парадный вход: почему организации (пока) предпочитают наследуемых кандидатов?; *Рот В.Д. и др.* За пределами отмывания денег: расовые

иерархии и социоэкономические эскалаторы в Мехико; *ДиМарио А.* Наказывать, опекать или прибегать к паллиативам: регулирование городской бедности посредством провальных институтов; *Сантос М.Ф.* Модернизация левиафана: реформа тюрем и борьба за легитимацию в бразильском штате Эспириту-Санту.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022)

- № 5.** *Нань Чан и др.* Бытовая дискриминация в публичных местах: полевой эксперимент в миланском метро; *Меншикова А., ван Туберген Ф.* Что подпитывает антииммигрантские онлайн настроения? Новый подход с использованием Твиттера; *Рот Т., Вайсман М.* Роль контактов родителей с местными и мигрантами на рынке труда при переходе подростков от школы к трудовой занятости; *Гювели А., Спирингс Н.* Занятость женщин-мигранток: интернациональные турецкие мигрантки в Европе, их потомки и их аналоги немигранток в Турции; *Клесмент М., ван Бавел Я.* Относительные ресурсы женщин и гендерный баланс пар в принятии финансовых решений; *Шмитт Л., Ауспург К.* Застой лишь на поверхности? Рабочее время и устойчивость гендерного разрыва в оплате в Западной Германии (1985–2014); *Вестхофф Л.* Различия зарплат нетипичных и стандартных работников в европейских странах: выйти за пределы средних показателей; *Адольфссон М. и др.* Временная работа, представительство работника и оплачиваемое наемателем обучение: опыт сравнительного анализа; *Фишер-Нойманн М., Бёнке П.* С небольшой помощью моей группы сверстников: смягчение передачи бедности из поколения в поколение; *Адамчик А.* Религия как микро- и макрособственность: изучение многоуровневого отношения религии и проблем аборт на планете; *Вирт Х., Пфорт К.* Статистика доходов и условий жизни в ЕС 15 лет спустя.

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2022)

- № 5.** *Социология первых двух десятилетий XX в.* *Рид М.* Социология организаций в XX в.; **Рецензии на книги:** Как быть и стать Буравым: тревожная осторожность по поводу публичной социологии в Южной Азии (автор Д. Нат Патак); Мен Чжи. Интернационализация социальных наук в Китае: дисциплинарное развитие социологии в университете Синьхуа; Эззатяр А. Иранская иммиграция в Израиль: история и голоса в тени царей (автор Гасемнеджад М.); Кротти М. и др. Политика выплат ветеранам в XX в.: опыт компаративной истории; Куо Шаохуа. Эволюция китайского Интернета: креативная демонстрация для цифровой публики (автор рецензии Герольд Д.К.); Карсерал К.С., Флагерти М. Дж. Клетка дней: время и темпоральный опыт в тюрьме (автор Шубрт И.).

KÖLNER ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2022. Т. 74)

- № 2.** *Конечка Д., Мартынович Е.* Тезис о пространственной поляризации в новом классовом обществе. Эмпирические данные о социальном расколе «города и села»; *Глазов М., Хайнце Т.* Инновационный кризис в секторе государственных театров? Поперечный анализ театра земли Северный Рейн-Вестфалия, 1995–2018; *Кламмер У. и др.* «Оценивающая дискриминация»: оценка труда как белое пятно анализа разрывов в гендерной оплате труда; *Ноймайер С. и др.* Разрыв растет или сокращается? Как развиваются образовательные устремления и ожидания турецких и немецких семей на этапе неполной средней школы в Германии.
- № 3.** *Брандт Г., Шпангенберг Х.* Карьера с ребенком: как влияет раннее материнство на достижение руководящих позиций женщинами-учеными; *Келле Н. и др.* Ребенок – а потом? Эволюция карьерных путей партнеров через три года после перехода в статус родителей; *Кляйн М.* Из «разочарованных научных плебеев» в общественный «патрициат»; *Андерсен Х.К., Майерль Й.* Движимо ли влияние экологических установок на поведение только ненаблюдаемой разнородностью? Обзор публикаций: Социология антропоцена (*Шнеттлер С.*); Социология и дигитализация (*Куше И.*); Дигитализация и труд (*Циглер А.*); Социология в Германии (*Генгнагель В.*).

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2022 году В ЖУРНАЛЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

К ЧИТАТЕЛЮ

Ключарев Г.А. Новогодний портфель. № 1.

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории. № 1.

Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества. № 3.

Зарубина Н.Н. Теоретическое наследие классиков социологии для анализа современного общества (на примере концепции Л. Мамфорда). № 5.

Иванов Д.В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии. № 2.

Игнатьев В.И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума. № 4.

Кисленко И.Ю. О колониальной эпистеме и деколониальной социологии (к дискуссии о канонизации У.Э.Б. Дюбуа). № 7.

Ключарев Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса. № 1.

Латыпов И.А. Действие, парадокс и непреднамеренные последствия: контрфинальность как комплексная социологическая проблема. № 5.

Масловский М.В. Современный цивилизационный анализ в исторической социологии: проблемы и перспективы. № 3.

Николаев В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма. № 1.

Терборн Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир. № 4.

Тернер С. Деинтеллектуализация американской социологии: попытка истории. № 7.

Титаренко Л.Г. Теоретическая социология в современной России: глобальная и национальная перспективы. № 4.

Трубицын Д.В. Капитализм и веберизма в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Часть 1: Критика веберизма. № 1.

Трубицын Д.В. Капитализм и веберизма в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Часть 2. Апологетика капитализма. № 2.

Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии. № 12.

XXIV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Волков Ю.Г. Социальная справедливость как ценность: в поисках новой теоретической оптики. № 10.
Давыдов А.П. Общество как медиационный субъект социального развития (к методологии межкультурного диалога). № 9.

Дудина В.И. Концептуализация социальной активности в условиях общественной нестабильности: между микро- и макроуровнями. № 11.

Зайцев А.В. «Колониальная демократия» в социологии А.А. Зиновьева. № 10.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век. № 10.

Клупт М.А. Демографическое развитие в свете кризисов XXI века: теоретический анализ. № 11.

Кравченко С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития. № 9.

Фетисов В.Я. Контуры диагноза для социологии. № 9.

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Бессонова О.Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс. № 1.

Ключарев Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса. № 1.

Радаев В.В. Экспансия платформ как вызов социологии. № 12.

Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии. № 12.

К 100-летию И. ГОФМАНА

Кравченко Е.И. Стертые метафоры И. Гофмана. № 6.

Соколов М.М. И. Гофман, каким мы его помним. № 6.

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России. № 10.

Трофимова И.Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? № 10.

К 100-летию ИНСТИТУТА МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

Базаров Б.В., Жалсанова В.Г., Бадараев Д.Д. Социологические исследования на пульсе развития трансграничного региона. № 8.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Бабич Н.С., Юрьева В.И. Методика измерения когнитивного диссонанса в массовых опросах. № 1.
- Бабич Н.С., Батыков И.В. Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности. № 7.
- Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Брюхон А.С. Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? № 10.
- Рогозин Д.М. Ошибки измерения и репрезентации в ответах на вопрос об уровне образования. № 10.
- Самойленко Е.С., Савченко Т.Н. Социальное сравнение как фактор субъективного благополучия. № 11.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии. № 7.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Отношение к противоковидным мерам на промышленных предприятиях (на примере Ульяновской области). № 8.
- Анисимов Р.И. Рабочее время и социальные гарантии прекариев (опыт сравнительного анализа). № 11.
- Бочаров В.Ю. Изменение подходов российской социологии к изучению трудовых отношений. № 7.
- Гурбанова Н.Э. Влияние пандемии COVID-19 на занятость в приграничных районах Китая. № 8.
- Красова Е.В. Интеллектуализация труда как социальный феномен современного капитализма. № 7.
- Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии. № 1.
- Темницкий А.Л. Ресурсный потенциал прекарных работников в России. № 11.
- Чепуренко А.Ю. Российский малый бизнес в первой половине 2022 г.: между Сциллой и Харибдой. № 9.
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? № 7.

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

- Балацук Е.С., Гладченко Е.А. Профессиональная идентичность учителей крафта в сфере неформального образования в Санкт-Петербурге. № 3.
- Мансуров В.А., Семенова А.В. Образ современного российского инженера: опыт контент-анализа научных публикаций. № 3.
- Тощенко Ж.Т. К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа). № 6.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н. Жизненный мир помогающей профессии в период пандемии: переосмысление символических границ. № 11.

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Фермерство: перемена поколений. № 5.
- Дьячков В.Л., Канищев В.В., Окатов А.В. Социологические и исторические аспекты миграционных процессов в русской деревне XX – начала XXI в. (на материалах Тамбовской области). № 6.
- Лушников О.Л. Этнические особенности ведения хозяйства, или У кого больше скота? № 6.
- Нечаев Д.Н., Любкина О.Р. Роль аграрных элит в деиндустриализации регионов центральной России. № 5.

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- Авдашкин А.А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска). № 1.
- Авдашкин А.А. Среднеазиатские и китайские мигранты в ракурсе общественного мнения: уральские и сибирские кейсы. № 8.
- Ван На, Леонтьева Э.О. Роль женщин в процессе адаптации семей китайских мигрантов в России. № 8.
- Дьячков В.Л., Канищев В.В., Окатов А.В. Социологические и исторические аспекты миграционных процессов в русской деревне XX – начала XXI в. (на материалах Тамбовской области). № 6.
- Клупт М.А. Демографическое развитие в свете кризисов XXI века: теоретический анализ. № 11.
- Клупт М.А. Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость. № 5.
- Лисицын П.П., Степанов А.М. Новые законы миграции Э. Равенштайна. № 8.
- Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии. № 1.
- Нам Хе Хен, Федорова К.С. Языковая идеология России и Южной Кореи (отношение к языкам мигрантов в публичном дискурсе). № 7.
- Синельников А.Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости. № 5.
- Сущий С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода. № 8.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России. № 10.
- Андреев А.В. Вера в справедливый мир в европейской культуре. № 6.
- Борщевский Г.А. «Прямая линия с Владимиром Путиным» в зеркале социологии и аксиологии. № 11.

- Бурко В.А., Вассерман Ю.М. Модернизационный синдром и доверие: взаимосвязь в аспекте межпоколенных особенностей. № 3.
- Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Покида А.Н. Доверие частного бизнеса органам государственного контроля. № 5.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции. № 11.
- Каравай А.В. Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России. № 10.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021). № 12.
- Коленикова Н.Д., Слободенюк Е.Д. Влияние коронакризиса на положение различных слоев населения. № 12.
- Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Брюхно А.С. Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? № 10.
- Московская А.А., Попова И.П. Социальное предпринимательство в России: уроки выборочных эмпирических исследований (2008–2021). № 12.
- Митина Э.А., Ярош О.Б., Реутова Э.В. Релевантность современности муниципальной геральдики городов Республики Крым. № 6.
- Назарова И.Б. Социальные предприятия: запрос на поддержку. № 11.
- Нечаев Д.Н., Любкина О.Р. Роль аграрных элит в деиндустриализации регионов центральной России. № 5.
- Парфенова О.А., Петухова И.С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах. № 5.
- Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Андрианова Е.В. Взаимовлияние компонентов человеческого, социального и психологического капиталов (на примере Тюменской области). № 4.
- Рыжова С.В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты. № 4.
- Сушко П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика. № 11.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества. № 10.
- Трофимова И.Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? № 10.
- Фарахутдинов Ш.Ф., Хайруллина Н.Г. Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. глазами переписчика. № 11.
- Фролова Е.В., Рогач О.В., Васильева Е.Ю. Дисфункции жилищного обеспечения детей-сирот как фактор социальной эксклюзии. № 5.
- Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России. № 6.
- Шарович Р., Черанич Г., Живкович П., Кривокапич Н. Доверие к социальным институтам как индикатор общественно-политических изменений в Черногории. № 3.
- Щекотуров А.В. Имидж Калининградской области в нарративах мигрантов. № 6.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н. Жизненный мир помогающей профессии в период пандемии: переосмысление символических границ. № 11.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет. № 7.
- Неустроева А.Б., Самсонова И.В. Проблемы современных коренных малочисленных народов Севера (по данным исследования в Республике Саха (Якутия)). № 7.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет. № 7.
- Березуцкий Ю.В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? № 2.
- Габдрахманова Г.Ф. Молодежная политика в Республике Татарстан в доктринальных документах и общественном мнении. № 2.
- Жегусов Ю.И., Корякина З.И. Социальные факторы снижения преступности молодежи в Республике Саха (Якутия). № 4.
- Крыштановская О.В., Лавров И.А. Молодые парламентарии в России. № 2.
- Певная М.В., Шуклина Е.А., Черникова-Бука М. Участие студенчества в социокультурном развитии города: проблемы социокультурной субъектности (на материалах международного исследования). № 5.
- Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов. № 2.
- Симонян Р.Х. Студенты приграничных регионов России и Казахстана о проблемах добрососедства в условиях сближения Европы и Азии. № 5.
- Чернышёва Н.С., Чжан Юйсинь. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий. № 11.
- Ядова М.А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. № 2.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО). № 9.

Образцов И.В., Половнев А.В. Вовлеченность школьников в дополнительное образование и занятия иностранным языком. № 6.

Осипов А.М. К теории образовательной политики. № 2.

Попов Д.С., Шестакова Д.А. Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели. № 2.

Семионова Е.А., Тищенко А.С., Токарева Г.С. Дистанционное обучение школьников: готовность к вызовам. № 5.

Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? № 6.

Шевченко П.В. Изменение статусных характеристик учителя московской школы. № 9.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ. ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Абрамов А.П., Лю Цзэ. Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае. № 2.

Аллахвердян А.Г. Женское лицо социологической науки (по материалам Росстата). № 9.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. № 2.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Мальков Н.Р. Отцовство осужденных молодых мужчин в условиях заключения. № 10.

Ван На, Леонтьева Э.О. Роль женщин в процессе адаптации семей китайских мигрантов в России. № 8.

Верещагина А.В., Загирова Э.М. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения. № 2.

Гурко Т.А. Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей. № 10.

Казиев С.Ш., Старченко Р.А., Могунова М.В. Межнациональные браки между казахами и русскими Северного Казахстана. № 10.

Макаренцева А.О., Коржук С.В. Возможности профессиональных замещающих семей в деинституционализации сиротства. № 4.

Рожко А.А., Гагауз О.Е. Молдавские семьи с детьми в период пандемии COVID-19: материальное положение и адаптационные стратегии. № 4.

Хушқадамова Х.О., Березина А.В. Политическое представительство женщин в Таджикистане и Иране. № 9.

Янак А.Л. Концептуализация немодального родительства. № 4.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности). № 3.

Матлин М.Г. Мемориализация мест гибели людей в ДТП в фокусе общественного мнения. № 3.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Бабич Н.С., Батыков И.В. Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности. № 7.

Данилов А.Н., Шкурова Е.В. Особенности и этапы трансформации религиозности в Республике Беларусь. № 3.

Островская Е.А., Бадмацыренов Т.Б. Стратегии буддийских сообществ в новых медиа. № 7.

Ситников А.В., Романов М.В. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан). № 3.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

Богомяккова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга. № 10.

Фадеева Е.В. Практики лечения в восприятии граждан: по материалам всероссийских исследований. № 10.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Хосаева З.Х. Прогнозирование социально-политической нестабильности (на примере Арабской весны). № 10.

Борщевский Г.А. «Прямая линия с Владимиром Путиным» в зеркале социологии и аксиологии. № 11.

Демьяненко А.Н., Клиценко М.В. Хабаровский протест: опыт социологического анализа. № 1.

Крыштановская О.В., Лавров И.А. Молодые парламентарии в России. № 2.

Крыштановская О.В., Лавров И.А. Российские партии в поисках молодежи. № 12.

Левашев В.К., Новоженнина О.П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции. № 12.

Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В. Горно-металлургический профсоюз России: политико-правовые и гражданские аспекты деятельности. № 12.

Устюжанин В.В., Сумерников И.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Урбанизация и революции: количественный анализ. № 10.

Хушқадамова Х.О., Березина А.В. Политическое представительство женщин в Таджикистане и Иране. № 9.

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции. № 11.

Образцов В.И. «Несокрушимая и легендарная» на закате советской эпохи. № 11.

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. Армения между Россией и Западом: внешнеполитические приоритеты в общественном мнении. № 12.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век. № 10.

Ли Мун-Ён. Корейский конфликт и ядерная проблема: исследования общественного мнения. № 7.

Нам Хе Хен, Федорова К.С. Языковая идеология России и Южной Кореи (отношение к языкам мигрантов в публичном дискурсе). № 7.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Аликперов Х.Д. Причины преступности: опыт критического анализа. № 4.

Белова Ю.Ю., Коротков П.А., Фадеева И.М. Факторы риска приобщения к наркотикам (на примере Республики Мордовия). № 11.

Воскресенский Ф.А., Воскресенская Е.А. Об уровне виктимности россиян. № 9.

Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании. № 4.

Жегусов Ю.И., Корякина З.И. Социальные факторы снижения преступности молодежи в Республике Саха (Якутия). № 4.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Дьячков В.Л., Канищев В.В., Окатов А.В. Социологические и исторические аспекты миграционных процессов в русской деревне XX – начала XXI в. (на материалах Тамбовской области). № 6.

Миронов Б.Н. Священные факты, мнения свободны. № 3.

Нефедов С.А., Розов Н.С., Трубицын Д.В., Романовский Н.В. Россия: из прошлого в будущее (круглый стол по книге Б.Н. Миронова). № 3.

Романовский Н.В. О смыслах обсуждения книги Б.Н. Миронова. № 3.

Чевтаева Н.Г. Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований). № 6.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Козлова Л.А. К вопросу о методологии историографий в истории социологии. № 12.

Зайцев А.В. «Колониальная демократия» в социологии А.А. Зиновьева. № 10.

Кравченко Е.И. Стертые метафоры И. Гофмана. № 6.

Малинкин А.Н. Социология мышления Н.И. Бухарина. № 12.

Соколов М.М. И. Гофман, каким мы его помним. № 6.

Шмерлина И.А. Русская субъективная школа как альтернативный способ социальной рефлексии. № 12.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Головин Н.А. Между Миннесотой и Гарвардом: комментарий к трем немецким журнальным статьям П.А. Сорокина 1928 и 1930 годов. № 1.

Малинкин А.Н. Макс Шелер о России, её исторической миссии и русской идее. № 8.

Сорокин П.А. Производительность и поощрение труда (экспериментальные исследования на детях 3–4 и 13–14 лет). № 1.

Сорокин П.А. Социология как специальная наука. № 1.

Сорокин П.А. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции. № 1.

Шелер М. О национальных идеях больших наций. № 8.

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова). № 9.
- Ельчанинов М.С. Эпоха глобальной бифуркации: планетарные проблемы и исторические альтернативы. № 4.
- Латов Ю.В. Концепты и эмпирика транзитного использования российского пространства. № 8.
- Мартыанов В.С. COVID-19 и контуры «новой нормальности» позднемодерных обществ. № 3.
- Симонян Р.Х. Евразийская интеграция: роль пространственного потенциала России. № 8.
- Трубицын Д.В. Капитализм и веберизм в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Часть 1: Критика веберизма. № 1.
- Трубицын Д.В. Пространственный потенциал России – еще одна причина ничего не менять? № 8.
- Чэнь Хун, Барашкова О.В. Посткапитализм или социализм? № 9.
- Яковлева Н.Г. Какие ростки посткапитализма способны обеспечить прогресс человеческого потенциала и технологическую модернизацию? № 9.

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- Вершинина И.А., Лядова А.В. Здоровье в цифровом измерении: «концепция заботы» Д. Лаптон. № 4.
- Зырянов В.В. Социальная статистика в социологическом образовании. № 2.
- Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? № 6.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Андреев А.Л. Реформатор перед судом истории: образ Петра Великого в коллективной памяти россиян. № 4.
- Ван Сяо, Ли Цзыхань. Вакцинация от дезинформации. № 1.
- Гринберг Р.С. 30 лет экономическим реформам в России (размышления над истоками и результатами). № 12.
- Давыдов Д.А. Классовое господство в эпоху посткапитализма. Часть 1. Этос персоналиата. № 7.
- Давыдов Д.А. Классовое господство в эпоху посткапитализма. Часть 2. Дистрибуция внимания. № 8.
- Демьяненко А.Н., Клиценко М.В. Хабаровский протест: опыт социологического анализа. № 1.
- Корочкина В.А. Достижения и проблемы в системе высшего образования Израиля: оценки экспертов. № 5.
- Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Осьмук Л.А. Социальная реклужия и социальная секлужия как формы социального отчуждения: к постановке проблемы. № 9.
- Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения. № 6.
- Левашев В.К., Новоженкина О.П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции. № 12.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- Игнатьев В.И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума. № 4.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- Ниорадзе Г.В. К вопросу о взаимосвязи шеринг-экономики и прекаризации. № 12.
- Чернышёва Н.С., Чжан Юйсинь. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий. № 11.
- Чжан Цзе, Тянь Сяоюй, Ло Шуай. Трансформация жизни жителей крупных городов КНР под влиянием пандемии. № 5.

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- Анайбан З.В., Балакина Г.Ф. Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы. № 2.
- Белова Ю.Ю., Коротков П.А., Фадеева И.М. Факторы риска приобщения к наркотикам (на примере Республики Мордовия). № 11.
- Блинова Т.В., Вальшина А.А. Отношение студентов к пандемии COVID-19 и противоэпидемическим ограничениям. № 2.
- Воскресенский Ф.А., Воскресенская Е.А. Об уровне виктимности россиян. № 9.
- Галкин К.А. Стратегии здоровьесбережения пожилых людей после пандемии (на примере Республики Карелия). № 11.
- Игнатов А.В., Попов П.Л., Черенев А.А. Электоральные предпочтения жителей Восточной Сибири. № 8.
- Литвинова Т.Н., Цзэнбилэг Ц., Железняков А.С. Перспективы российско-монгольского сотрудничества глазами граждан двух стран. № 6.

- Милованова М.Ю. О прекаризации занятости на селе. № 8.
Назарова И.Б. Социальные предприятия: запрос на поддержку. № 11.
Попов Е.А. Активная старость женщин в российских домах престарелых. № 5.
Семионова Е.А., Тищенко А.С., Токарева Г.С. Дистанционное обучение школьников: готовность к вызовам. № 5.
Чевтаева Н.Г. Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований). № 6.
Чепуренко А.Ю. Российский малый бизнес в первой половине 2022 г.: между Сциллой и Харибдой. № 9.
Чэнь Хун, Гань Сяоцзюань. Причины распада Советского Союза: взгляды китайских обществоведов. № 2.

ЮБИЛЕИ

- Андрееву А.Л. – 75 лет. № 12.
Бороноеву А.О. – 85 лет. № 6.
Исаеву К.И. – 85 лет. № 9.
Ключареву Г.А. – 65 лет. № 6.
Константиновскому Д.Л. – 85 лет. № 10.
Мансурову В.А. – 85 лет. № 8.
Мансуров В.А., Попова И.П. «Социологи болеют за все общество в своей стране...» (интервью с В.А. Мансуровым). № 8.
Миронову Б.Н. – 80 лет. № 9.
Образцову И.В. – 60 лет. № 1.
Поздравляем Ю.Н. Толстову. № 4.
Семенову Е.В. – 70 лет. № 10.
Файзуллин Ф.С. – 80 лет. № 5.
Щербине В.В. – 75 лет. № 1.
Эфендиеву А.Г. – 75. № 5.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Адельфинский А.С. О кризисе социального порядка в спорте. № 11.
Аникина М.Е., Хруль В.М. XIII Грушинские чтения в МГУ. № 5.
Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Исследования этносоциальных процессов в российских регионах. № 7.
Грабельных Т.И., Саблина Н.А., Зырянов В.В. Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации. № 4.
Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия. № 2.
Грудина Т.Н. Социально-демографическая динамика населения и устойчивое развитие. № 3.
Демиденко С.Ю. Молодежь и общество: противоречия государственной молодежной политики в России. № 5.
Ефлова М.Ю., Максимова О.А. V Казанские социологические чтения. № 8.
Зарубина Н.Н., Ли Чжунюань, Ракова К.В. Риски и инновации для научного сообщества в условиях пандемии COVID-19. № 4.
Карапетян Р.В., Тарандо Е.Е. Социальные вызовы и модели регулирования трудовой сферы: формируя устойчивое будущее. № 9.
Колосова Е.А., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г. Интеллигенция в новой реальности. № 1.
Кузнецов И.С. Образование как социальный лифт. № 5.
Латов Ю.В. Человеческий капитал в условиях новых вызовов (о секции на XII Грушинской конференции). № 9.
Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. VI Всероссийский социологический конгресс. № 5.
Неклюдова Н.П., Пышминцева О.А. О XIII Уральском демографическом форуме. № 7.
Носкова А.В., Биккинина Д.Д. Причины и последствия депопуляции: заметки о демографической конференции. № 4.
Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю. Евразийские общества в фокусе молодых социологов. № 8.
Петрова Е.В., Актамов И.Г. Мир Центральной Азии в новой геополитической реальности. № 11.
Петухов Р.В., Латов Ю.В. Что скрывается за «запросом на перемены»? № 2.
Решетников А.В., Присяжная Н.В. Образование в условиях пандемии: векторы цифровой трансформации. № 4.
Романовский Н.В., Бийжанова Э.К. Теоретическая социология в России: состояние, проблемы, перспективы (О XXIII Харчевских чтениях). № 1.
Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. Научный совет «Демографические и миграционные проблемы» ОН РАН. № 5.

Рязанцев С.В., Храмова М.Н. Новая миграционная реальность в эпоху COVID-19. № 3.
Скворцов Н.Г., Асочаков Ю.В. Социолог: образование и профессиональные траектории. № 3.
Фарахутдинов Ш.Ф., Ефимова Г.З. Общество в поисках баланса (о XII Грушинской конференции). № 9.
Храмова М.Н., Попова С.М. О миграционных процессах в странах АТР. № 1.
Шилова В.А., Богданов В.С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола). № 11.
Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Связь времен в исследованиях социальной заботы. № 1.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

Беляева Л.А. Шансы и риски как критерии социальной стратификации современного российского общества. № 11.
Васильев А.А., Аничкин Е.С., Печатнова Ю.В. Лоббизм как форма публичного диалога. № 7.
Демиденко С.Ю. Назад в прошлое? (о книге А.В. Шипилова). № 9.
Демиденко С.Ю. О проблеме активизации человеческого потенциала NEET-молодежи. № 12.
Докторов Б.З. Обсуждая открытый (в)опрос. № 1.
Зарубина Н.Н. Судьба ученого и судьбы науки на переломе эпох (о книге Л.Г. Ионина о М. Вебере). № 10.
Ключарев Г.А. Об университетской автономии в институциональном исполнении. № 6.
Романовский Н.В. Люди. Общество. Социология (о книге И.В. Катерного). № 8.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- № 2. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. Рец. С.А. Кравченко, К.В. Ракова; Stewart J. Richard Titmuss: A Commitment to Welfare. Bristol: Policy Press, 2020. Рец. И.А. Кравец; Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург: Ажур, 2021. Рец. М.В. Рубцова, Н.А. Мартыанова.
- № 3. Сутерс Дж. Социология и военные исследования. Классические и современные основания / Пер. с англ. В.В. Белоусова. М.: ВЦИОМ, 2021. Рец. А.Ф. Федоров; Subrt J. The Sociology of Time: A Critical Overview. Cham: Palgrave Macmillan / Springer, 2021. Рец. И. Шульц.
- № 4. Травин Д.Я. Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. Рец. Б.Н. Миронов; Сутерс Дж. Социология и военные исследования. Классические и современные основания / Пер. с англ. В.В. Белоусова. М.: ВЦИОМ, 2021. Рец. А.М. Беляев.
- № 5. Genov N. The Paradigm of Social Interaction. (Routledge Advances in Sociology). London, New York: Routledge, 2022. Рец. И.Ф. Девятко; Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. Рец. С.Г. Климова.
- № 6. Hanafi S., Yi C. C. (eds) Sociologies in dialogue. SAGE: SAGE Studies in International Sociology, 2020. Рец. П.С. Сорокин; Общество будущего: духовный опыт концептуального поиска России и Китая / науч. ред. М.Ю. Захаров, И.Е. Старовойтова. М.: ГУУ, 2022. Рец. Р.В. Ленков.
- № 8. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. Рец. Г.Ю. Канарш; Абдулагатов З.М. Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021. Рец. А.З. Адиев.

КОРОТКО О КНИГАХ. № 1–7, № 10–11.

IN MEMORIAM

Иконникова С.Н. № 11; Лапин Н.И. № 1; Маркин В.В. № 4; Б. Латур № 12; Нагорный В.Г. № 7; Орлов Г.П. № 9; Рубина Л.Я. № 6.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мясников А.Г. О наступившей исторической правоте институционально-матричного подхода С.Г. Кирдиной-Чэндлер. № 10.
Файнбург Г.З., Левченко В.В. К 100-летию со дня рождения З.И. Файнбурга (1922–1990). № 1.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД. № 3, № 6, № 9, № 12.

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ. № 2–12.

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ. № 1.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ. № 1, № 7.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2022 ГОД. № 12.

ПАМЯТИ БРУНО ЛАТУРА (22.06.1947–09.10.2022)

В октябре мировую науку постигла большая утрата: в возрасте 75 лет в Париже ушел из жизни известный французский ученый Бруно Латур. Автор и редактор более тридцати книг по проблемам социологии, антропологии и философии науки («Наука в действии», 1987; «Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии», 1991), политической экологии («Политика природы», 1999), социальной теории («Пересборка социально-го: введение в акторно-сетевую теорию», 2005) и др., Латур благодаря своему уникальному творческому таланту заслуженно удостоился норвежской премии Хольберга в 2013 г., известной также как Нобелевская премия в области социальных и гуманитарных наук, и звания главного французского философа от «Нью-Йорк Таймс» в 2018 г., встав в один ряд с самыми цитируемыми французами современности М. Фуко и П. Бурдьё. Как отметил в своем посвящении на смерть ученого президент Макрон, Латур получил международное признание даже раньше, чем у себя на родине. Многие его работы сразу издавались в Америке на английском языке, а некоторые из них до сих пор не имеют перевода на родной французский.

Он работал социологом в Африке, антропологом в амазонских джунглях, этнографом в Государственном совете Франции, преподавал философию в университетах Америки, Европы, получал престижные премии в Корее и Японии. Помимо академической работы, Латур увлекался экспериментальной драматургией, выпустив две пьесы на экологическую тему, более двадцати лет сотрудничал с Центром искусств и медиатехнологий в Карлсруэ, где провел несколько выставок, в 2020 г. был избран куратором Международной биеннале искусств на Тайване, а также был меценатом Международного культурного центра Серизи (Серизи-ла-Саль). Сделав ставку на интеллектуальный и карьерный космополитизм, судьба Латура была столь же яркой, как и его творчество.

Родившись в многодетной семье потомственных виноделов из Бургундии, Латур заинтересовался философией еще в школе, увлекшись сочинениями Ницше, что на годы вперед определило его собственное кредо как ниспровергателя идей и идеалов. Учасье в местном университете и став в итоге лучшим во Франции студентом в области философии по результатам общенационального экзамена, Латур проникся проектом немецкого теолога Р. Бульмана по демифологизации библейских текстов, что дало еще один толчок его будущему интересу по деконструкции научных практик и истин. По окончании университета, готовясь к защите диссертации по философской теологии, Латур в 1973 г. отправляется в Африку, чтобы получить академическую и практическую подготовку в области антропологии. Здесь в постколониальном Абиджане (Кот-д'Ивуар) он отличился тем, что провел большое исследование с целью выяснить, почему работающие в регионе французские компании не могут нанять на руководящую работу представителей местного населения. Он обнаружил, что африканских студентов обучали только абстрактным теориям, и когда по окончании вузов они не могли прочитать технические чертежи, это приписывалось их досовременному африканскому менталитету. «Это была явно расистская ситуация, – рассказывал потом Латур, – которая скрывалась за когнитивными, псевдо-историческими и культурными объяснениями». Опыт этого исследования побудил Латура отказаться от позитивистского взгляда на западную науку как на беспристрастное производство и трансляцию знаний. Эта точка зрения подтвердилась, когда он был приглашен французским биологом и будущим лауреатом Нобелевской премии Роже Гийменом для обучения в его лаборатории в Институте биологических исследований Солка в Сан-Диего. Результатом этих наблюдений стала первая книга Латура, написанная в соавторстве

с британским социологом Стивом Вулгаром «Лабораторная жизнь: социальное конструирование научных фактов» (1979), в которой утверждалось, что научное знание представляет собой воплощенную культурную практику, для которой нужны институты, коллеги, журналы, деньги и дорогостоящие инструменты для получения т.н. «объективных фактов». Во втором издании книги 1986 г. термин «социальное» в названии был уже удален, что символизировало концептуальный сдвиг от социального конструктивизма в исследованиях науки и технологии к акторно-сетевой теории (АСТ), которая стала визитной карточкой Латура на долгие годы. Однако мысль о том, что факты строгой науки не открываются, а создаются, приводила многих в шок. Сам Латур даже заявлял, что фараон Рамзес II не мог умереть от туберкулеза, т.к. такой болезни тогда не знали. Неспроста он стал одним из французских авторов, обвиненных в интеллектуальном надувательстве в книге физиков А. Сокала и Ж. Брикмона 1997 года «Интеллектуальные уловки» за его слишком социологичное прочтение теории относительности Эйнштейна. Если Латур считает законы физики социальными условностями, возмущался Сокал, ему следует проверить свою версию, выпрыгнув из его квартиры на 21-м этаже, чтобы подтвердить свою правоту. Латур отказался это сделать. Вместо этого он развернул программу АСТ против самой социологии и ее предмета – социальности.

Сама АСТ родилась из непродолжительного, но знаменательного опыта сотрудничества Латура в конце 1970-х гг. с американским приматологом Ш. Штрумом, которая однажды пригласила его в Кению для изучения поведения бабуинов в дикой природе с точки зрения общего для них интереса к этнометодологии. Для Латура это была возможность увидеть, чем люди отличаются от животных в поддержании социального порядка. И оказалось, что в гораздо большей степени люди полагаются на материальные вещи и инструменты, чтобы создать стабильное общество. Поэтому, «почему бы, – спрашивал Латур, – не обратиться к тем бесчисленным объектам, которые отсутствуют у обезьян и повсеместно присутствуют у людей, локализируя или глобализуя взаимодействие?» Не заблуждаются ли социологи, пытаясь сделать социальное из социального, подлатав его символическим, не замечая присутствия объектов в тех ситуациях, в которых они ищут лишь смысл? В итоге то, что начиналось как классический и вполне заслуживающий уважения поиск объяснения природы социального, заканчивается сегодня, по мнению Латура, замещением *explanandum-a explanans*-ом. Если в других науках причины добавляются к феномену, то в социологии морок социального заставляет совсем исчезнуть тот феномен, который социологи обязаны объяснить. Социальные силы, как эфир у физиков XIX в., у нынешних социологов все еще играют сложную роль: одновременно и того, что нужно постулировать для объяснения всего, чего угодно, и того, что по многим причинам должно оставаться невидимым. Таким образом, вместо объяснения социального социальным Латур и его единомышленники (Дж. Ло и др.) предложили видеть вокруг эмерджентные сети, ассоциации и каналы взаимодействия равных друг другу «актантов» человеческого и не-человеческого происхождения, где онтологической разницы или границы между символическим (семиотическим), техническим и природным, а также между макро- и микромиром не существуют. Реанимируя давнюю и непонятую в свое время работу Г. Тарда «Монадология и социология» (1893) Латур прямо указывает, что мы не должны считать, будто «макро» включает в себя «микро». Напротив, «микро» состоит из разрастания несоизмеримых монад, которые просто предоставляют один из своих аспектов («свою внешнюю сторону»), чтобы на какое-то время образовать целое. Малое удерживает большое. Или, вернее, большое может в любой момент снова раствориться в малом, из которого оно возникло и в которое вернется. При этом социальное как область видимой активности разных сущностей (монад) всего лишь небольшой островок внутри огромного мира неисследованной, неизмеренной, неопределенной и текучей «плазмы» с тем множеством скрытых связей, которых требует осуществление каждого малейшего действия.

Со временем стало понятно, что проект АСТ был частью общего интеллектуального движения постгуманизма, начавшегося в западной философии с 1980-х гг. (Д. Харауэй и др.). Общее стремление постгуманистов к радикальной левой «пересборке» западной антропоцентрической рациональности последовательно вело к экологизации их мысли, включая и Латура, который был захвачен теорией Гая Дж. Лавлока и проектом «контракта с природой» своего кумира М. Серра. Критический пафос многих его книг на эту тему преследовал цель переизобрести всю сферу политического, превратив ее в экополитику, или, как он выражался, «космополитику», чья задача не отделять общественное от природного и политическое от неполитического, а соединять их в единое целое. В 2021 г. он заявил, что изменение климата и пандемия выявили глобальную борьбу между новыми «геосоциальными классами». Но он надеялся, что еще можно коренным образом изменить наш образ жизни, сподвигнуть нас сотрудничать, как термиты, друг с другом и с окружающей средой, перестав думать о ней как о чем-то «там, снаружи».

Как сказала директор Центра Серизи Э. Эргон, Латур был человеком, который очень интересовался жизнью. И он делал все, чтобы всесторонне изучать и культивировать жизнь вокруг себя. Для нас, социологов, он создал новый язык описания жизни и показал перспективу развития науки, а его фигура будет вдохновлять нас к воплощению идеала ученого-полилога, не боящегося свободно пересекать границы между наукой, искусством и философией.

И.В. КАТЕРНЫЙ, д.с.н., МГИМО (У) МИД России,
ИС ФНИСЦ РАН (yarkus@mail.ru)

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 12

CONTENTS

NEW IDEAS AND PHENOMENA IN SOCIOLOGY AND SOCIAL PRACTICE

- 3 CHERNYSH M.F. The Cultural Turn and the Crisis of Problematization in Modern Sociology
15 RADAEV V.V. Platform Expansion as a Challenge to the Sociology

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 29 KOZYREVA P.M., SMIRNOV A.I. The Evolution of Russian People's Social Wellbeing During the Post-Soviet Era: from Collapse to Contrasting Stability (1994–2021)
42 MOSKOVSKAYA A.A., POPOVA I.P. Social Entrepreneurship in Russia: Lessons from Selective Empirical Studies (2008–2021)
55 KOLENNIKOVA N.D., SLOBODENYUK E.D. Impact of the Coronacrisis on the Situation of Different Population Strata

POLITICAL SOCIOLOGY

- 64 KRYSHANTANOVSKAYA O.V., LAVROV I.A. Political Parties in Search of the Youth
76 NEDYAK I.L., PAVLOVA T.V., PATRUSHEV S.V. The Miners' and Metallurgical Workers Union of Russia: Political, Legal, and Civic Aspects of the Activity

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 88 ATANESYAN A.V., MKRTICHYAN A.E. Armenia between Russia and the West: Foreign Political Priorities in Public Opinion

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 101 KOZLOVA L.A. On the Methodology of Historiographies in the History of Sociology
113 MALINKIN A.N. N.I. Bukharin's Sociology Thinking

FIRST STEPS

- 123 NIORADZE G.V. On Issue of the Relationship of Sharing Economy and Precarization

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 132 GRINBERG R.S. 30 Years of Economic Reforms in Russia (reflections on the origins and results)
139 LEVASHOV V.K., NOVOZHENINA O.P. Hybrid Socio-Political Reality: Essence, Citizen Opinions, and Trends

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 150 DEMIDENKO S.Yu. To the Problem of Activating the Human Potential of NEET-youth

ANNIVERSARY

- 157 A.L. Andreev is 75!

158 **JOURNALS' GUIDE**

164 **2022 INDEX**

IN MEMORIAM

172 B. Latour

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

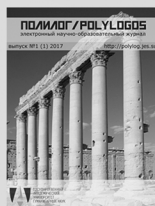
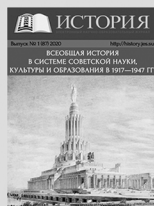
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

БАКАЛАВРИАТ
Социология

МАГИСТРАТУРА
**Методология и практика
социологических
исследований**

АСПИРАНТУРА
Социологические науки

Социологический факультет ГАУГН — это современный образовательный и научный центр. Наши преподаватели – известные социологи с мировыми именами, авторы фундаментальных научных трудов, учебников, участники крупных российских и международных социологических форумов, члены экспертных советов при законодательных и исполнительных органах государственной власти.

Уникальность факультета заключается в том, что все предметные направления изучаются во взаимосвязи с научными проектами, проводимыми учеными Института социологии ФНИСЦ РАН.

Синтез фундаментальных научных и прикладных исследовательских направлений в области социологии позволяет готовить исследователей и аналитиков, успешно работающих в различных профессиональных областях.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).